

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 8 2021 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

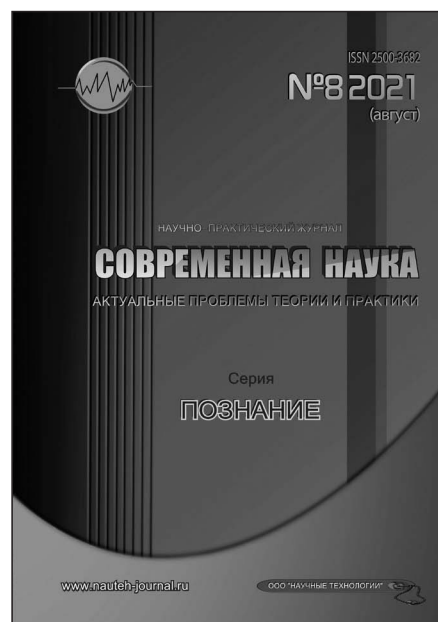
Подписано в печать 25.08.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №8 (август) 2021 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Ильгова Д.А. – Фигурная поэзия как диалог культур
Ilgova D. – Figure poetry as dialogue of cultures 5

Масалова О.А. – Леопольдо Зеа и рождение интеллектуальной среды в Латинской Америке (40-е - начало 50-х гг. XX в.)
Masalova O. – Leopoldo Zea and the birth of an intellectual community in Latin America (40s – early 50s of the XX century) 11

Модина Е.О. – Изучение мордовского песенного фольклора в работах исследователей XIX-XXI веков
Modina E. – The study of Mordovian song folklore in the works of researchers of the XIX-XXI centuries . . . 14

Модина Е.О. – Армас Отто Вайсянен и Роберт Лах – основные аспекты анализа материала по мордовскому музыкальному фольклору
Modina E. – Armas Otto Vyaysyanen and Robert Lach - the main aspects of the analysis of the material on Mordovian musical folklore 17

Психология

Бенькова О.А., Артюхова Т.Ю., Шелкунова Т.В. – Связь учебной мотивации и мотивации к будущей профессиональной деятельности у студентов-первокурсников
Benkova O., Artyukhova T., Shelkunova T. – The relationship between educational motivation and motivation for future professional activity among freshmen students 21

Бузыкина Ю.С. – Особенности межличностных отношений на основе стереотипов межнационального восприятия в студенческой среде
Buzykina Yu. – Features of interpersonal relations based on stereotypes of interethnic perception in the student environment 27

Волкова Н.А. – Проблематика вопроса мультикультурализма и социально-психологической толерантности в условиях глобализации и всеобщей интеграции
Volkova N. – Problems of the issue of multiculturalism and socio-psychological tolerance in the context of globalization and universal integration 30

Демин И.В. – Экспериментальное исследование надежности группы в совместной спортивной деятельности
Demin I. – Experimental study of the group's reliability in joint sports activities 35

Земцева Н.В., Тишина Л.А. – Комплексный подход к восстановлению высших психических функций у пациентов после острого нарушения мозгового кровообращения
Zemtseva N., Tishina L. – A comprehensive approach to the recovery of higher mental functions in patients after acute impairment of cerebral circulation 41

Изотова И.Ю. – Образ счастья в обыденном сознании: ассоциативный эксперимент
Izotova I. – The image of happiness in everyday consciousness: an associative experiment 46

Курбацкая Т.Б., Высоцкая Н.В., Курбацкий Н.В., Гамируллина А.С. – Методы оценки корпоративной культуры организации
Kurbatskaya T., Vysotskaya N., Kurbatsky N., Gamirullina A. – Methods for evaluating the corporate culture of an organization 52

Мазурова Н.В., Сабирова Э.И. – Особенности профессионального самоопределения подростков с ограниченными возможностями здоровья
Mazurova N., Sabirova E. – Features of professional self-determination of adolescents with disabilities 56

Фомина А.П. – Факторы, которые оказывают влияние на формирование ценностных ориентаций в подростковом возрасте
Fomina A. – Factors that influence the formation of value orientations in adolescence 61

Философия

Еникеев А.А. – Перспективы развития гуманитарной культуры современности: от «истории идей» к поэтике интеллектуального дискурса
Enikeev A. – Prospects for the development of modern humanitarian culture: from the "history of ideas" towards the poetics of intellectual discourse 64

Измайлова Д.И. – СМИ как аксиологический регулятор общественного сознания: социально-философский аспект
Izmailova D. – Mass media as an axiological regulator of public consciousness: social and philosophical aspect 70

Кочарский Л.С. – Евразийство в период становления Советской России
Kocharsky L. – Eurasism in the period of Soviet Russia 74

Кулиев Ф.А. – Взаимосвязь тюркской народной поэзии и теории функциональных систем в свете эволюционной эпистемологии
Guliev F. – The relationship between Turkic folk poetry and the theory of functional systems in the light of evolutionary epistemology 77

Латышева Н.А. – Субъекты и технологии воплощения символических пространств России в условиях стратегической нестабильности
Latysheva N. – Subjects and technologies for the embodiment of the symbolic spaces of Russia in the context of strategic instability 83

Опёнков М.Ю., Тетенков Н.Б. – Множественная субъективность и проблемы техногенной цивилизации
Openkov M., Tetenkov N. – Multiple subjectivity and the problems of technogenic civilization 87

Роткин Н.В. – Стратегическая нестабильность как явление современности
Rotkin N. – Strategic instability as a phenomenon of modernity 91

Скопа В.А. – Патриотизм как интерсубъективное явление в социально-философском дискурсе
Skopa V. – Patriotism as an intersubjective phenomenon in social and philosophical discourse 96

Фатехов А.К. – Динамика гендерного равенства
Fatekhov A. – Dynamics of gender equality 101

Информация

Наши авторы. Our Authors 106

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 107

ФИГУРНАЯ ПОЭЗИЯ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР

FIGURE POETRY AS DIALOGUE OF CULTURES

D. Ilgova

Summary: The article analyzes the concept of «figure poetry» as a part of visual poetry. The research traces the history of the origin, development and interaction of figure poems in the historical and cultural paradigm. The article also traces patterns in the use of verbal and visual components in figure poetry of different cultures.

Keywords: visual poetry, figure poetry, baroque, dialogue of culture.

Ильгова Дарья Алексеевна
соискатель, Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва,
E-mail: dailgova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу понятия фигурной поэзии как части визуальной поэзии. В работе прослеживается история возникновения, развития и взаимодействия фигурных стихотворений в историко-культурной парадигме. Также в статье прослеживаются закономерности в использовании вербальных и визуальных компонентов в фигурной поэзии разных культур.

Ключевые слова: визуальная поэзия, фигурная поэзия, барокко, диалог культур.

Несмотря на многообразие существующих форм и достаточное количество исследований в области визуальной поэзии, на сегодняшний день отсутствует не только четко установленная классификация визуальной поэзии (хотя попытки осмысления некоторых отдельных форм визуальной поэзии неоднократно принимались, например, Бирюковым [3]), но и четкое определение визуальной поэзии на уровне терминологии.

Среди многообразия трактовок при определении визуальной поэзии, помимо фигурной поэзии [10, с. 321], встречаются также понятия «стихи предметной формы» [14, с. 65-67], «конкретная поэзия» [7, с. 30-32], «фигурные строфы» [6, с. 49-50] и др.

Можно предположить, что возникновение многочисленных определений, происходит из-за того, что визуальную поэзию невозможно полностью отнести к области литературы и исключительно литературоведческого анализа. В отношении визуальной поэзии исследователи, как минимум, призваны обращаться не только к вербальной, текстовой составляющей, но и к визуальной, графической, изобразительной, что дополнительно расширяет область исследования.

В более глобальном подходе изучения визуальной поэзии, на наш взгляд, следует еще более расширить область исследования и опираться на высказанную Бахтиным [1, с. 347-354] теорию о необходимости тесного взаимодействия литературоведения и истории культуры. По мнению Бахтина, литературные произведения следует воспринимать в контексте культурной эпохи, с учетом социальных и экономических факторов, которые могут влиять на литературу посредством культуры.

Следовательно, визуальная поэзия, объединяющая в себе текстовый, вербальный аспект, затем визуальный,

графический, художественный аспект, а также отражающая культурные и социальные тенденции своей эпохи, становится предметом синтеза в искусстве и объектом культурологического анализа.

Под визуальной поэзией мы понимаем определенный вид поэзии, когда внешней форме текста придается особый семантический статус, который подразумевает невозможность целостного восприятия произведения только на основании вербального компонента и без учета визуального компонента.

В данной работе мы обратимся к исследованию фигурной поэзии – типу визуальной поэзии, в основе которого лежит выражение стихотворного текста в виде определенной фигуры.

Если рассматривать фигурную поэзию как объект культурологического анализа, нужно отметить, что возникновение фигурных стихотворений принято связывать с работами древнегреческих поэтов (Симмий Родосский, Феокрит, Досиад) [20, с. 488-510]. Так, например, стихотворения Симмия Родосского, представляли собой простые формы: яйцо или секира. При этом содержание стихотворений соответствовало их внешней форме.

Интерес к необычной форме стихотворений после первых опытов древних греков возникает в эпоху барокко (конец XVI – вторая половина XVIII вв.). Что касается этимологии самого термина «барокко», то среди возможных определений существует отсылка к португальскому прилагательному «barocco», которое использовалось для описания жемчужин неправильной формы [4, с. 741].

И хотя в принято считать, что в первую очередь роскошь и свобода эпохи барокко выражается в расцвете

живописи и архитектуры. Однако, она не менее полно раскрывается в возникновении фигурных стихотворений, которые в эпоху барокко объединяют в себе поиск и новой формы, и нового содержания.

Основной тематикой для новых визуальных поэтических экспериментов становится переосмысление духовных и религиозных ценностей и догматов. При этом четко прослеживается не только межконфессиональный, но и межкультурный аспект в создании визуальных стихотворений.

Лихачев [9, с. 358-359] отмечает, что в это время русская поэзия обращается к образцам западноевропейской литературы, где широко представлено присущее барокко разнообразие форм и жанров («курьезный» стих, палиндром, «изобразительная эпиграмма», которая предусматривает оформление текста в виде рисунка).

К первым подобным визуальным опытам в России можно отнести молитву Евстратия (рис.1) [2, с. 19-20], написанную в 1621 в виде зигзагообразного рисунка. Сам автор добавил к стихотворению пометку «serpenticum versus», т. е. «серпантинный (или змеиный) стих».

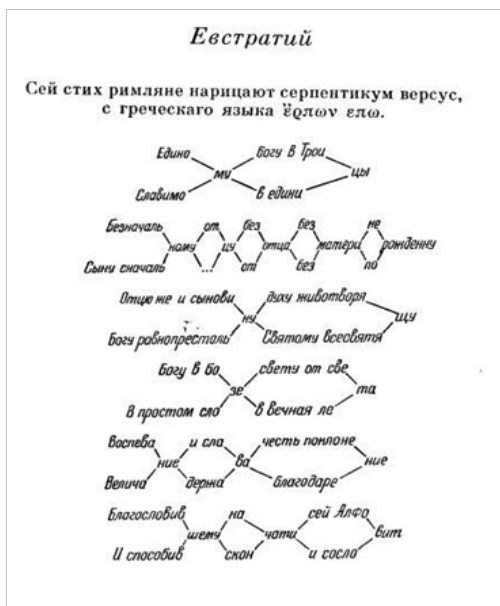

Рис. 1. Евстратий. «Serpenticum versus»

Дальнейшее осмысление религиозной тематики на межкультурном уровне происходит также в виде фигурных стихотворений среди представителей как церковного, так и светского общества. В качестве основных форм для фигурных стихотворений в разных культурах использовались такие религиозные символы, как крест, алтарь, звезда и крылья.

Ярким примером подобного воздействия факторов

культуры и религии на визуальную поэзию в XVII вв. могут служить фигурные стихотворения в форме крестов, написанные на разных языках и в разных странах. Например, стихотворение «Крест» /«The Cross» монаха эпохи Средневековья (рис.2) [15] или стихотворение Катарина Регина фон Грейфенберг «О распятом Иисусе» / «Über den gekreuzigten Jesus» (рис.3) [16, с. 403], напечатанное в 1662 году.

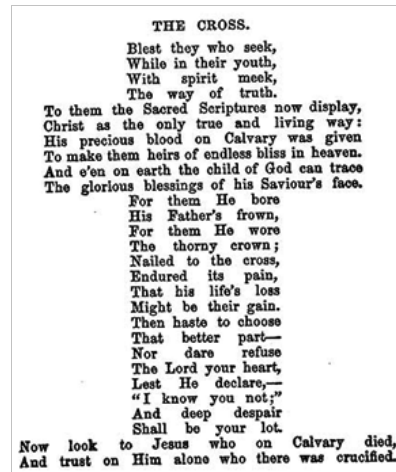

Рис. 2. Монах эпохи Средневековья. Крест

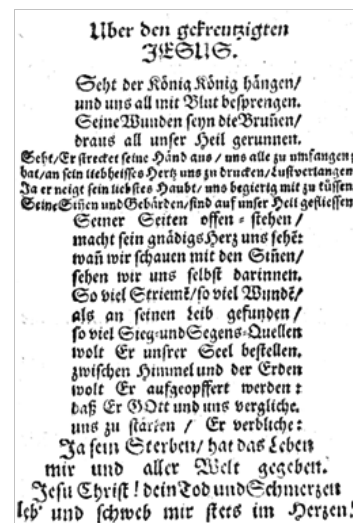

Рис. 3. Катарина Регина фон Грейфенберг. О распятом Иисусе

В русском стихосложении подобным примером является стихотворение Симеона Полоцкого «Крест пречестный церкви слава...» (рис.4 [8, с. 37], рис.5 [12, с. 113]), написанное в 1665 году.

Стоит также обратить внимание на то, что все приведенные выше стихотворения в форме крестов, написанные на английском, немецком и русском языках, легко делятся на строфы, имеют ритмический рисунок и содержат рифмы. При этом содержание данных стихотворений воспринимается в равном положении с формой,

которая отражает смысл каждого стихотворения.

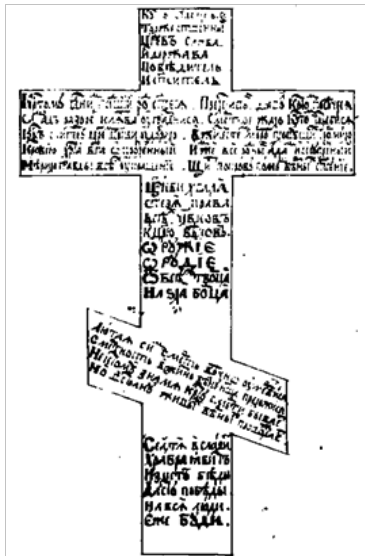

Рис. 4. Симеон Полоцкий. Стихотворение в форме креста

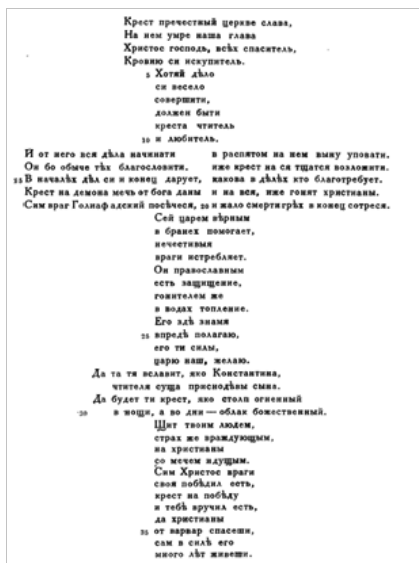

Рис. 5. Симеон Полоцкий. Стихотворение в форме креста

Еще одной религиозной формой, которая используется в фигурных стихотворениях разных культур, является алтарь. Первые фигурные стихотворения в виде алтаря можно найти у древнегреческих поэтов: «Первый алтарь» Досиада (рис.6) [20, с. 505] и «Алтарь» Луция Юлия Вестина (рис.7) [20, с. 510]. «Алтарь» Досиада отсылает нас к древнегреческой мифологии, а «Алтарь» Луция Юлия Вестина представляет собой монолог от лица самого алтаря. Интересно также отметить, что последний представляет собой акростих, в котором зашифровано послание императору.

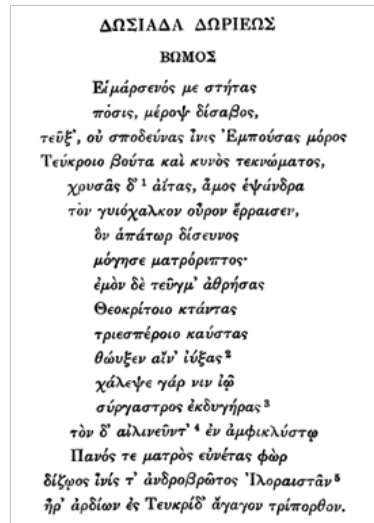

Рис. 6. Досиад. Первый алтарь

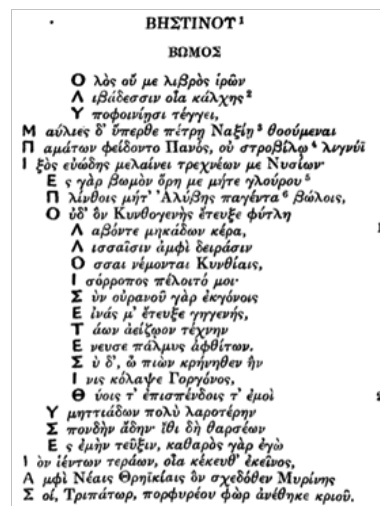

Рис. 7. Луций Юлий Вестин. Второй алтарь

Позднее, в эпоху барокко форма алтаря становится одной из самых популярных форм фигурной поэзии. К ней часто обращаются английские поэты. Например, Роберт Геррик в стихотворении «Столп славы» / «The pillar of fame» (рис.8) [18, с. 100], напечатанном в 1648 году, а также Джордж Герберт в стихотворении «Алтарь» / «The Altar» (рис.9) [17, с. 121], написанном в 1633 году.

Данные стихотворения уходят от прямого высказывания, свойственного более древним образцам, хотя и не теряют связи формы и содержания. В стихотворении «Столп славы» речь идет о своеобразном алтаре памяти, который не смогут поколебать ни природа, ни время.

Стихотворении «Алтарь» Джорджа Герберта тоже метафорично. В нем речь идет не о настоящем алтаре, но об алтаре в сердце героя, который несмотря на тяготы и слезы обращается к богу.

FAmes pillar here, at last, we fet,
 Out-during *Marble, Braffe, or Jet,*
 Charm'd and enchanted fo,
 As to withstand the blow
 Of overthrow:
 Nor shall the seas,
 Or **OUTRAGES**
 Of storms orebear
 What we up-rear,
 Tho Kingdoms fal,
 This pillar never shall
 Decline or waste at all;
 But stand for ever by his owne
 Firme and well fixt foundation.

Рис. 8. Роберт Геррик. Столп славы

The Altar.
 A broken **A L T A R**, Lord, thy servant reares,
 Made of a heart, and cemented with teares:
 Whose parts are as thy hand did frame;
 No workmans tool hath touch'd the fame.
 A **H E A R T** alone
 Is such a stone,
 As nothing but
 Thy pow'r doth cut.
 Wherefore each part
 Of my hard heart
 Meets in this frame,
 To praise thy name.
 That if I chance to hold my peace,
 These stones to praise thee may not cease.
 O let thy blessed **S A C R I F I C E** be mine,
 And sanctifie this **A L T A R** to be thine.

Рис. 9. Джордж Герберт. Алтарь

Не менее интересный феномен представляют собой стихотворения, написанные в форме звезды. В русском стихосложении известно, например, стихотворение Симеона Полоцкого из «Благоприветствования» царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Симеона (рис.10) [12, с. 128-129], написанное в форме звезды. Стоит отметить, что это стихотворение отличается от предыдущих образцов фигурных стихов, так как оно написано по принципу лабиринта. Для прочтения необходимо сначала распутать каждую из вершин звезды, распрямить ее в строку. Только после этого можно прочесть стихотворение.

По иному, более классическому с точки зрения фигурной поэзии принципу построено более позднее стихотворение «Звезда» («И кто придя в твои запретныя...») Ивана Рукавишников, написанное в 1919 году (рис.11) [15]. В нем мы уже видим форму звезды, выстроенную из рифмованных строк.

Рассматривая многообразие фигурных стихотворений, которые были явлены миру в эпоху барокко, мы видим, что фигурные стихотворения древнегреческих

поэтов, основные формы которых также использовались в эпоху барокко, были не просто скопированы, но переосмыслены авторами XVII века. В стихотворениях эпохи барокко более ярко выражен личностный аспект, переживания и мольбы конкретного человека, автора.

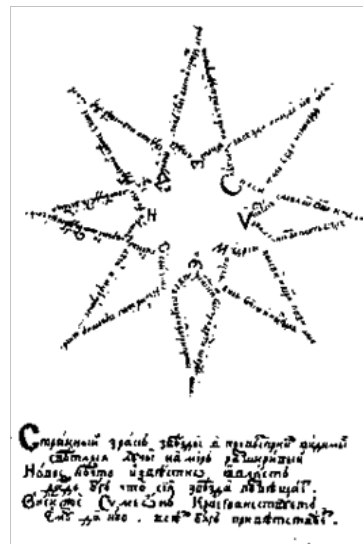

Рис. 10. Симеон Полоцкий. Стихотворение в форме звезды

и
 кто
 придя
 въ твои
 запретныя
 гдѣ не былъ до того никто
 найдетъ безмолвныя твои
 и тайны свѣта низведя
 въ тьмы безотвѣтныя
 родить тебѣ мечты
 тотъ свѣтлый ты
 твоя звѣзда живая
 твой геній двѣника
 его смиренно призывая
 смутясь молись издалика
 а ты а ты вечерняя звѣзда
 тебѣ туда
 глядѣть
 гдѣ я
 гдѣ
 я

Рис. 11. Иван Рукавишников. Звезда

При этом важным аспектом фигурной поэзии эпохи барокко в разных культурах остается тот факт, что несмотря на сложность внешней формы, рассмотренные нами произведения представляют собой рифмованные стихотворения и имеют ритмический рисунок.

На примере рассмотренных фигурных стихотворений мы можем проследить диалог культур, который, согласно Бахтину, происходит в «большом времени»

[1, с. 350]: от древнегреческой культуры, представленной Симиим Родосским и Досиадом, до западноевропейской, представленной в стихотворениях английских и немецких авторов XVII века, а также русской, представленной фигурными стихотворениями Евстратия и Симеона Полоцкого.

Стоит отметить, что после эпохи барокко мы можем наблюдать некоторое снижение интереса к созданию фигурных стихотворений.

Рассматривая развитие русской фигурной поэзии в XVII-XIX веках, Вишневский [6, с. 50] отмечает только 4 фигурных стихотворения: «Ромб» Ржевского, «Крест» Сумарокова, «Пирамида» и «Надгробие» (вероятно, Вишневский имеет в виду стихотворение «На смерть Суворова») Державина.

Однако, культура и литература эпохи барокко оказала большое влияние на искусство XX века. Лихачев также отмечает существование «многочисленных точек соприкосновения между барокко и современным искусством XX века» [11, с. 175].

Так, в XIX – начале XX века мы еще можем встретить примеры фигурных стихотворений. Однако, стоит обратить внимание на то, что стихотворения этого периода с точки зрения форм выражения тяготеют к простым геометрическим формам. Например, стихотворение «Пирамида» Державина, написанное в 1809 году (рис.12) [13, с. 442] или «Треугольник» Брюсова, написанное в 1918 году (рис.13) [5, с. 524].

С точки зрения теории стихосложения данные образцы фигурных стихотворений еще сохраняют ритмический рисунок и рифмы, но с точки зрения содержания мы уже можем наблюдать отдаление смысла стихотворения от формы его выражения.

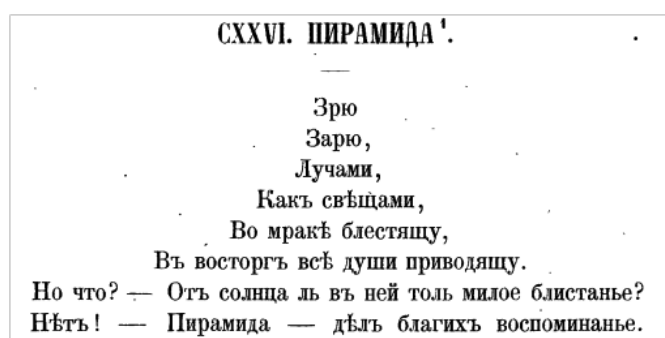

Рис. 12. Державин Г.Р. Пирамида

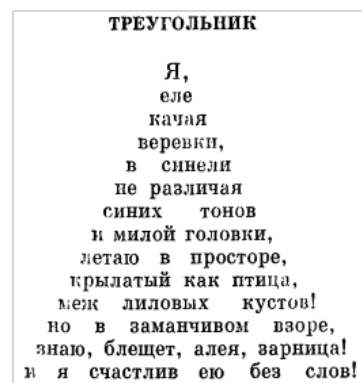

Рис. 13. Брюсов В.Я. Треугольник

Несмотря на распространение новых форм визуальной поэзии в XX веке (например, обширные графические опыты футуристов и символистов), фигурная поэзия продолжает свое развитие и в настоящее время. Образцы фигурной поэзии современности зачастую представляют собой не просто синтез внешней формы и соответствующего содержания, но культурный текст (и соответствующий контекст), позволяющий в полной мере понять высказывание автора, выраженное в фигурном стихотворении.

Например, стихотворение Габриэля Смая «Рекурсивное» (рис.14) [21], опубликованное в 2020 году, представляет собой преобразованную в фигурное стихотворение выдержку об острове Мус Болдер из статьи на Википедии, которая посвящена рекурсивным островам и озерам [22]. Остров Мус Болдер представляет собой географическую матрешку, его расположение наглядно показано на схеме, представленной на рисунке 15. Особенность этого острова состоит в том, что он появляется только в определенные сезоны.

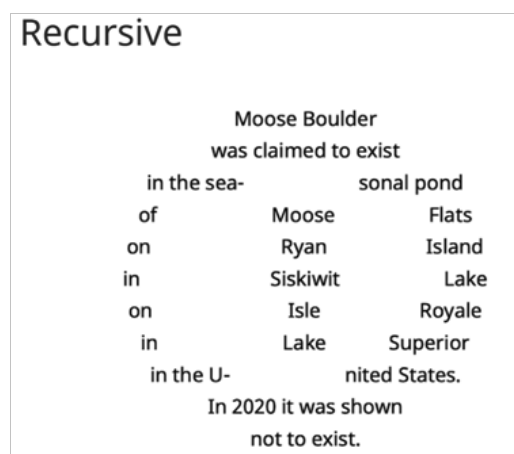

Рис. 14. Габриэль Смай. Рекурсивное

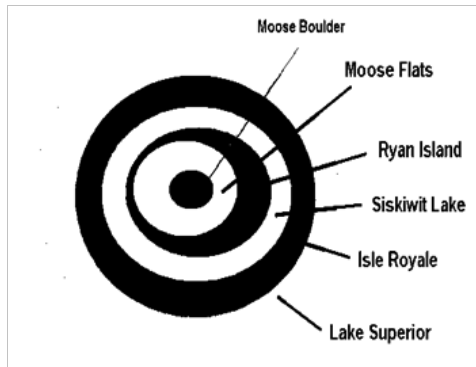

Рис. 15. Расположение острова Мус Болдер

Бруно Латур, анализируя влияние визуального восприятия на современную культуру, писал, что «каждая новая культура визуального по-новому определяет то, что и как мы видим» [19, с. 10]. Эта теория в полной мере отражается на истории развития фигурной поэзии, которая в каждую новую культурную эпоху преображала и переосмысляла опыт эпохи предшествующей.

Поясняя концепцию диалога культур и «большого времени» Бахтин отмечал, что «смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох» [1, с. 351].

Соответственно, можно сказать, что фигурная поэзия эпохи барокко находится внутри диалога культур в «большом времени», где она является центром историко-культурной парадигмы от фигурной поэзии древних греков, которая была переосмыслена в эпоху барокко, до визуальных опытов XX века, возникших также под влиянием эпохи барокко.

Фигурная поэзия эпохи барокко, с одной стороны, выступает в качестве «другой» [1, с. 354] культуры по Бахтину для переосмысления фигурных стихотворений, созданных в древнегреческой культуре, а с другой – служит фундаментом для развития новых форм визуальной поэзии XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М: Искусство, 1986.
2. Библиотека литературы Древней Руси / под редакцией Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 2014. Т.18. 639 с.
3. Бирюков С.Е. Зевгма: Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М.: Наука, 1994.
4. Большая советская энциклопедия. М: Акционерное общество «Советская энциклопедия», Т.4. 1926.
5. Брюсов В.Я. Собрание сочинений в семи томах. М.: Художественная литература, Т.3. Стихотворения 1918-1924. 1974.
6. Вишневский К.Д. Архитектоника русского стиха XVIII – первой половины XIX века // Исследования по теории стиха. Л.: Наука, 1978.
7. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортуна Лимитед, 2001.
8. Дуганов Р. Рисунки русских писателей. М.: Советская Россия, 1988.
9. История русской литературы X-XVII веков / Л.А. Дмитриев [и др.]; под редакцией Д.С. Лихачева. М.: Просвещение, 1979. 462 с.
10. Квятковский А. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.
11. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. СПб.: Наука, 1998. 204 с.
12. Полоцкий С. Избранные сочинения. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1953.
13. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Санкт-Петербург: Издание Императорской Академии Наук, Т.3. 1866.
14. Шульговский Н.Н. Занимательное стихосложение. Л.: Издательство «Время», 1926.
15. Ashtray: [сайт]. URL: <http://www.ashtray.ru> (дата обращения 01.06.2021)
16. Greiffenberg, Catharina Regina. Geistliche Sonnette / Lieder und Gedichte. Nürnberg 1662.
17. Herbert, George. The English works of George Herbert in six volumes. Edited by George Herbert Palmer. Boston: Houghton, Mifflin and Co., Vol.III. 1905.
18. Higgins, Dick. Pattern Poetry: Guide to an Unknown Literature, State University of New York, 1987.
19. Latour B. Visualization and Cognition: Thinking with Eyes and Hands // Knowledge and Society. Vol.6, 1986. P.10.
20. The Greek Bucolic Poets. Translated by Edmonds J.M. Cambridge, MA. Harvard University press, 1912.
21. Verbatim Poetry: [сайт]. URL: <https://verbatimpoetry.com/tag/gabriel-smy/> (дата обращения 01.06.2021)
22. Wikipedia: [сайт]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Recursive_islands_and_lakes (дата обращения 01.06.2021)

© Ильгова Дарья Алексеевна (dailgova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕОПОЛЬДО СЕА И РОЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (40-Е - НАЧАЛО 50-Х ГГ. XX В.)

Масалова Ольга Алексеевна

Доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет
omasalova@mail.ru

LEOPOLDO ZEA AND THE BIRTH OF AN INTELLECTUAL COMMUNITY IN LATIN AMERICA (40S - EARLY 50S OF THE XX CENTURY)

O. Masalova

Summary: This article is devoted to an almost obscure problem, both in Russian and in foreign practice, the problem of the formation of a unified Latin American intellectual environment in the post-war period. Most of the studies are based on the material of the 60-80s of the twentieth century, more formed, methodologically verified, having clear regional differences. In this case, we are talking about the moment of the formation of Latin American humanitarian socio-cultural practice and the role of a very famous Mexican thinker in this process in the future.

Keywords: culture, Latin America, Leopoldo Zea, dialogue of cultures, scientific heritage, intellectual community.

Аннотация: Данная статья посвящена практически неосвещаемой проблеме, как в российской, так и в зарубежной практике, - проблеме формирования единой латиноамериканской интеллектуальной среды в послевоенный период. Большинство исследований опираются на материал 60-80-х гг. XX в., более сформированный, методологически выверенный, имеющий четкие региональные отличия. В данном случае речь идет о моменте становления латиноамериканской гуманитарной социокультурной практики и о роли в будущем очень известного мексиканского мыслителя в этом процессе.

Ключевые слова: культура, Латинская Америка, Леопольдо Сеа, диалог культур, научное наследие, интеллектуальная среда.

Особенности формирования социокультурного знания в Латинской Америке связано с именем одного из ярчайших представителей гуманитарной латиноамериканской науки второй половины XX в., известного мексиканского мыслителя, интеллектуально-историка, философа истории и культуры (чьи взгляды формировались в эту эпоху и в этой интеллектуальной среде) – Леопольдо Сеа.

По мнению исследователей его научного и культурного наследия Л. Сеа занимал особое место в истории латиноамериканской мысли. Испанский историограф Р. Пла Леон оценивает его вклад следующим образом: «Леопольдо Сеа является естественным продуктом XX века: он мексиканец, рожденный Революцией и двойственным отношением Западной Европы, не признающим отличия континента» [1, 143].

В ходе реконструкции биографии Л. Сеа предстает как исследователь нового типа, «новатор» с функциями «креатора» (терминология предложена Я.Г. Шемякиным [2]), поскольку он одновременно выступил и в роли ученого, и в роли педагога, и политика. Кроме того, можно с полной уверенностью заявить, что Л. Сеа как «креатор» не только интерпретировал латиноамериканскую историю и культуру, но и творил ее, открывая заново.

Практически все имеющиеся исследования творческого наследия Л. Сеа используют основную биографи-

ческую информацию (дата рождения, годы и место обучения, занимаемые им должности), которые содержатся в любой энциклопедической статье [3, 77].

Определенную информацию (очень незначительную) о детстве и о раннем периоде научно-исследовательской работы Л. Сеа можно почерпнуть из его эссе «Интеллектуальная автобиография (написанная от третьего лица)» [4] и из введения к его монографии «Новый мир в вызовах нового тысячелетия» [5].

Его научная деятельность начинается в 1942 г., когда он начинает читать курс «Введение в философию» в Национальной Подготовительной Школе. В связи с реформой университетского образования в 1944 г. молодой исследователь, прислушавшись к советам своего учителя, мексиканского философа Хосе Гаоса, берет на себя обязанности заведующего кафедрой философии истории Факультета философии и литературы Национального Автономного университета Мексики (УНАМ).

Практически все исследователи научной биографии Л. Сеа приходят к выводу, что весь академический путь можно разделить на три крупных этапа:

I этап - 40 - конец 50-х гг. XX в.

II этап - конец 50-х гг. - середина 70-х гг. XX в.

III этап - середина 70-х гг. XX в. - 2004 г. [6]

Коллега Л. Сеа по «философии освобождения» Э. Дуссель в своей статье «Проект философии латиноамериканской истории: Леопольдо Сеа» [7], придерживаясь принципа выделения в творчестве ученого трех этапов, все же дает иную периодизацию. Периодизация, данная Э. Дусселем, основана на тех исследовательских проблемах, которые находились в центре внимания Л. Сеана каждом этапе: проблемы освобождения (I этап), проблемы американской истории (II этап), проблемы универсального (III этап).

В данной публикации будет поддержан доминирующий вариант периодизации научной биографии.

Исследуемый хронологический период приходится на первый этап и характеризуется интересом профессора к истории идей в Латинской Америке. Именно в это время он работает над темой своего диссертационного сочинения «Позитивизм в Мексике». М. Каррера в исследовании «Леопольдо Сеа и латиноамериканская философия» приводит мнение многих авторов обращавшихся к латиноамериканской философской традиции о том, что вплоть до сегодняшнего дня его диссертационное сочинение «Позитивизм в Мексике», защищенной в 1942 г., является «лучшей работой по истории идей в Латинской Америке» [8].

Сороковые годы XX в. стали очень насыщенными для молодого ученого (частично мы говорили об этом выше): в 1943 г. он становится преподавателем философии в УНАМе и в том же году публикует свою первую монографию, написанную на основе диссертации. Уже в 1944 г. Л. Сеа становится доктором философии и в том же году он издает свой второй монографический труд «Расцвет и упадок позитивизма в Мексике», ставшей действительным научным «дебютом» [9, 8].

Ранее уже говорилось о том, что в 1944 г. он становится заведующим кафедрой философии истории в УНАМ. По совету Х. Гаоса, своего научного руководителя, Л. Сеа продолжает разрабатывать ранее начатое в области истории идей (изучение позитивизма), но не замыкается в рамках одной страны, а расширяет поле своих исследований до самых крайних пределов всего латиноамериканского региона.

После знакомства с Уильямом Беррианом, профессором Гарвардского университета и председателем Фонда Рокфеллера, Л. Сеа выигрывает стипендию на 1945-1946 гг. с полугодовой стажировкой в США и годовой работой в архивах и библиотеках различных латиноамериканских стран.

Именно это первое путешествие в США по маршруту Вашингтон – Нью-Йорк – Чикаго наглядно показало Л. Сеа на его собственном примере, какое место занима-

ет мексиканец / латиноамериканец в странах Запада: автобусы с табличками «Только для белых!» и «Только для цветных!», гостиницы для мексиканцев, отношение как к обслуживающему персоналу вне зависимости от того, кем он является.

Итогом стажировки стала публикация в 1949 г. работы «Два этапа развития мысли в Латинской Америке».

Главный вопрос, который волнует молодого исследователя: возможно ли говорить о существовании и специфике латиноамериканской философской школы как таковой?

Во время своей стажировки в различных странах Латинской Америки (об этом упоминает только М. Каррера) Л. Сеа оказывается активным участником выступлений и манифестаций, вызванных социально-политическими потрясениями в этих регионах. В 1945-1946 гг. он участвует в манифестациях в Буэнос-Айресе против ссылки Х. Перона и в манифестациях в Рио-де-Жанейро против режима Варгаса, в различных политических акциях, проходивших в Перу и Венесуэле (о чем свидетельствует и сам Л. Сеа, и испанский историк М. Каррера).

Таким образом, в 40-е гг. XX в. формируется не только научная база для изысканий молодого и перспективного исследователя, но и происходит становление его политической позиции.

Также этот этап ознаменовался созданием в 1947 г. «Комитета по истории идей в Латинской Америке», который было поручено возглавить Л. Сеа. «Основная задача Комитета должна была состоять в подготовке и публикации «Истории идей» каждой из латиноамериканских стран... Эти работы осуществлялись в сотрудничестве с рядом видных специалистов, с большинством из которых меня уже связывали личные контакты, установленные за время моего путешествия по Латинской Америке в 1945-1946 гг.» [10, 12], - вспоминает Леопольдо Сеа.

Он установил дружеские и творческие отношения «не только с Франсиско Ромеро и его братом Хосе Луисом Ромеро, но и целой группой аргентинских ученых. В Уругвае он общался с Вас Ферейро и установил дружеские отношения с Артуро Ардао. В Бразилии он был немного знаком с Жуаном Круз Кошта. В Чили – с Энрике Молинья. В Боливии – с Гильермо Франковичем, в Перу – с Франсиско Миро Кессада, в Эквадоре – с Бенджамин Карроном, в Колумбии – с Германом Арсиньегасом и Данило Крус Велесом, в Венесуэле – с Мариано Пикон Саласом и многими другими» [4, 12-13].

Испанский исследователь Х.Е. Биаджини приводит мнение другого ученого, Э. Дэвиса, о значении деятельности Л. Сеа в Комитете. В качестве руководителя он

создавал условия для серьезной исследовательской работы членов Комитета, предоставляя источниковый материал, завязывая контакты в интеллектуальной среде в каждой стране Латинской Америки, поощряя научную коммуникацию и координируя латиноамериканское гуманитарное сообщество [11].

В 1947 г. создается творческая группа «Гиперион» [12, 196] (преобразовалась в дальнейшем в постоянно действующий семинар по истории общественной мысли в Латинской Америке), одним из лидеров которой был Л. Сеа. «Именно этот момент является отправной точкой оформления его методологии. Об этом говорят Г.Г. Кромбет, В.Л. Абушенко, Л.А. Керрето, Х.А. Абеллян, М. Каррера, А. Костаньон, Х.Г. Мартини и мн.др.» [3, 85]

Данный этап связан с активной преподавательской деятельностью Л. Сеа, который читает лекции не только в УНАМ, но и по приглашению Франсиско Ромеро в Университете Буэнос-Айреса и в Париже в штаб – квартире ЮНЕСКО, и в Англии по личному приглашению английского историка А. Тойнби. Сам Л. Сеа так вспоминает об этом знаменательном событии: «В том же 1953 г., после визита Тойнби, я был приглашен ЮНЕСКО в свое первое турне по Европе: Франция, Англия и Италия. В Лондоне меня принимал Арнольд Тойнби. В Италии я познакомился с Умберто Компаньоло, основателем Общества

Европейской Культуры», к которому я присоединился как партнер. В Париже я познакомился с Морисом Мерло-Понти из группы Жан-Поля Сартра, с Фернаном Броделем из Сорбонны и многими другими» [5].

В 1953 г. вышла в свет работа Л. Сеа «Америка как сознание» [15], с которой берет начало глобальная проблема всего его творчества: кем является мексиканец / латиноамериканец, и, соответственно, вытекающие из нее проблемы создания собственной уникальной литературы, науки, философии и судьбы культуры в целом; проблемы зависимости и свободы латиноамериканского сознания; проблемы интерпретации истории с точки зрения Латинской Америки.

Таким образом, период 1940-1950-х гг., на который приходится ранний период научно-исследовательской работы Леопольдо Сеа, является одним из самых малоизученных. Тем не менее имеющиеся данные, встречающиеся в автобиографических источниках, позволяют сделать вывод об удивительном соотношении интеллектуальной активности молодого ученого и тех возможностях, предоставляемых послевоенным периодом.

Данный этап демонстрирует принципы складывания единого латиноамериканского интеллектуального общества и ту роль, которую сыграл в научном интеграционном процессе Леопольдо Сеа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pla Leon R. Para un retrato ideológico de Leopoldo Zea // *Islas*. – 1992. – №103. – Pp. 143-149.
2. Шемякин Я.Г. Межцивилизационное взаимодействие и типы творческой личности / Я.Г. Шемякин // *Латинская Америка*. – 1997. – №5. – С.62-68.
3. Масалова О.А. Диалог культур и становление латиноамериканской культурно-исторической идентичности в интерпретации Л. Сеа: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Масалова Ольга Алексеевна. – Казань, 2007. – 206 с. (61 07-7/429).
4. Zea L. «Autopercepción intelectual de un proceso histórico» / L.Zea // *Anthropos*. Revista de Documentación Científica de la Cultura. 1988. – №89. – P. 11-17.
5. Leopoldo Zea. El Nuevo Mundo en los retos del nuevo milenio [Электронный ресурс]. – URL: <https://ensayistas.org/filosofos/mexico/zea/milenio/> (свободный).
6. Маньковская Н.Б. Сеа, Леопольдо // *Новая философская энциклопедия в 4-х томах* / под ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина, А.П. Огурцова. – М.: Мысль, 2000. – Т.3. – 606 с.
7. Dussel E. El Proyecto de una filosofía de la Historia Latinoamericana de Leopoldo Zea / E. Dussel // *Vision de America Latina. Homenaje a Leopoldo Zea / complicacion de A.Saladino, A.Santana*. – Mexico: Instituto Panamericano de Geografía e Historia, FCE, 2003. – P.21-24.
8. Carrera M. Leopoldo Zea: la filosofía latinoamericana [Электронный ресурс]. – URL: <https://cvc.cervantes.es/actcult/zea/acerca/carrera.htm> (свободный).
9. Микоян С.А. Несколько слов об авторе и его книге / С.А. Микоян // *Сеа Л. Философия американской истории. Судьбы американской истории*. – М.: Наука, 1983. – С.8-12.
10. Сеа Л. Предисловие автора / Л. Сеа // *Сеа Л. Философия американской истории. Судьбы американской истории*. – М.: Наука, 1983. – С.9-12.
11. Biagini H.E. Identidad, Utopia e integracion: el pensamiento alternativo en la Argentina contemporanea. Una propeddutica para elbicentenario / H.E. Biagini // *Vision de America Latina. Homenaje a Leopoldo Zea / complicacion de A. Saladino, A. Santana*. Mexico: Instituto Panamericano de Geografía e Historia, FCE, 2003. – P.277-287.
12. Кромбет Г.Г. Концепции национальной философии Л. Сеа / Г.Г. Кромбет // *Из истории философии Латинской Америки XX века*. – М.: Наука, 1988. – С.189-203.
13. Zea, L. Mi experiencia en la Secretaria de Relaciones Exteriores [Электронный ресурс] / L.Zea // *Cuadernos Americanos*, 2003. – №97 // *El Nuevo Mundo en los retos del nuevo milenio*. – URL: <http://www.ensayistas.org/filosofos/mexico/zea/milenio/> (свободный).
14. Zea L. America como conciencia / L. Zea. – Mexico: UNAM, 1953. – 133 p.

© Масалова Ольга Алексеевна (omasalova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗУЧЕНИЕ МОРДОВСКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА В РАБОТАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX-XXI ВЕКОВ

Модина Екатерина Олеговна

Преподаватель, Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск
folk-katj@mail.ru

THE STUDY OF MORDOVIAN SONG FOLKLORE IN THE WORKS OF RESEARCHERS OF THE XIX-XXI CENTURIES

E. Modina

Summary: Mordva is one of the many Finno-Ugric peoples living both on the territory of the Russian Federation and beyond its borders. The main habitat is located between the Volga and Sura rivers. This nation has a long history and rich musical folk culture. A large number of legends and traditions are in the treasury of the Erzya and Moksha folk wisdom. From the earliest times, various scientists - ethnographers, researchers of folklore sought to convey the knowledge of the past. At first, these were only collections of poems. Then, thanks to the advent of the phonograph, the first music collections began to appear. Over time, notation of musical samples of culture developed, and the first multichannel tape recorders appeared to replace the phonograph. The recording of song folklore acquired a more accurate transcript. Voices began to be recorded on 3 - 8, and sometimes even ten staves. Such recordings already conveyed the movement of each voice leading. In the songs, it was possible to highlight certain patterns of the plexus of voices.

This article is devoted to the study of Mordovian song folklore in the works of Russian and foreign researchers of the XIX-XXI centuries. Among folklorists, the work highlights the most famous figures who have made an invaluable contribution to the preservation of traditional folk culture. The article introduces their works, which most fully reveal the world of Mordovian song folklore. Among the works you can find both early and later - from ancient ancient poems to highly accurate musical multichannel transcripts, allowing you to professionally analyze the movement of each voice.

Keywords: folklore, traditions, researcher, folklorist, ethnographer, musical - song, collection, Mordovians, Erzya, Moksha.

Аннотация: Мордва – один из многочисленных финно-угорских народов, проживающих, как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Основной ареал обитания находится в междуречье Волги и Суры. Этот народ имеет длинную историю и богатейшую музыкальную народную культуру. Большое количество легенд и преданий находится в сокровищнице народной мудрости эрзян и мокшан. С ранних времен, разные ученые – этнографы, исследователи фольклора стремились передать знания прошлых лет. Вначале это были лишь сборники со стихотворениями. Затем, благодаря появлению фонографа, стали появляться первые нотные сборники. Со временем, нотирование музыкальных образцов культуры развивалось, и на смену фонографу, появились первые многоканальные магнитофоны. Запись песенного фольклора приобрело более точную расшифровку. Голоса начали записываться на 3-х – 8-ми, а порой и на десяти нотных станах. Такие записи уже передавали движение каждого голосоведения. В песнях можно было выделять определенные рисунки сплетения голосов.

Данная статья посвящена изучению мордовского песенного фольклора в трудах русских и зарубежных исследователей XIX-XXI веков. Среди фольклористов, в работе выделяются наиболее известные деятели, которые внесли неоценимый вклад в сохранение традиционной народной культуры. Статья знакомит с их работами, которые наиболее полно раскрывают мир песенного фольклора мордвы. Среди работ можно встретить, как ранние, так и более поздние – от древних старинных стихотворений, до высоко точных музыкальных многоканальных расшифровок, позволяющих профессионально анализировать движение каждого голоса.

Ключевые слова: фольклор, традиции, исследователь, фольклорист, этнограф, музыкально – песенный, сборник, мордва, эрзя, мокша.

Фольклор всегда привлекал внимание исследователей своим многообразием и скрытой подтекстовкой, которая кроется в каждом отдельно взятом фольклорном образце. Разносторонность и разножанровость, наполняет и обогащает содержание фольклора. Музыкально-песенный фольклор — это явление народное. Он рассматривался разными учеными – исследователями, философами, музыковедами, фольклористами, культурологами. Все они ценили именно народность и живость традиций и обычаев.

Среди самых первых исследователей мордовского песенного фольклора можно выделить Андрея Михай-

ловича Шёгрена (1794-1855) [6]. Он являлся академиком, путешественником, историком, этнографом и считается основателем финно-угроведения. Хотя сам он и шведского происхождения, его больше знают, как Российского языковеда. В своей работе «Записки Императорской Петербургской академии наук», которая была опубликована по материалам экспедиции 1827—1829 гг., он представляет народы (их традиции, обряды, песни), которые были до этого не так известны: зыряне, еми, чуди, ингерманландцы, мордва и др.

Павел Иванович Мельников (псевдоним: Андрей Печёрский, также известен как Мельников-Печёрский

(1818-1883) – русский писатель-реалист, публицист, этнограф-беллетрист [7-10]. Его работа «Очерки мордвы» 1867 г. Интересна тем, что он не противопоставляет мордву-эрзю и мордву –мокшу русским, а делает их равными. Он посвятил не мало работ именно мордовскому народу: «Нижегородская мордва», «Общественные моления эрзян», «Эрзянская свадьба», «Мокшанская свадьба» (1851).

Хотелось бы так же выделить венгерского ученого Антала Регули (1819-1858) - один из основоположников венгерского финно-угроведения, лингвист и этнограф [1]. Он совершил путешествие по Уралу от Перми до берега Северного Ледовитого океана и обратно, где собрал этнографические и лингвистические материалы по марийцам, эрзянам, манси и ханты. Все записи находятся в этнографическом музее в г. Зирц (Венгрия). Они являются очень уникальными по своему содержанию, так как это единственные записи, сделанные на звукозаписывающие машины в 19 веке.

Следующим собирателем и исследователем являлся Алексей Александрович Шахматов (1864-1920) - лингвист и историк, русский филолог, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусского летописания и литературы, фольклорист-диалектолог и этнограф. Его работа «Мордовский этнографический сборник» 1910 г. в. до сих пор является ценным научным трудом в области фольклористики. В ней он представляет древние тексты мордовских песен с Оркино Саратовского уезда. Эти тексты ценны именно своей художественной содержательностью. Они передают всю поэтическую красоту национального языка.

Среди финских ученых также есть исследователи, которые обратили свое творчество на мордовскую музыкальную культуру. Первый из них это Хейкка Паасонен (1865-1919) - финский языковед, фольклорист и этнолог [13-14]. В его исследованиях по мордовскому фольклору встречаются такие музыкальные образцы, как древние архаичные песни, содержащие в себе семейно-бытовую, мифологическую, обрядовую и календарную тематику. Но, к сожалению, записи мордовских песен представляли собой лишь текстовый материал и в связи с этим, второй финский исследователь решил восполнить этот пробел и съездить в экспедицию и записать мелодии к этим текстам.

Армас Вайсянен (1890-1969) – является одним из зачинателей мордовской этномузыкологии, он один из первых использовал многоканальные записи песен. «Mordwinische Melodien» это капитальный научный труд, выпущенный финским исследователем в 1948 году по материалам экспедиции 1914 года в самарскую губернию [3]. В нее вошли 143 песенные мелодии и 59 инструментальных наигрышей. Эти многоканальные записи песен находятся в свободном доступе и исполняются

мужским ансамблем, что оказалось весьма интересным. Мужская традиция исполнения эрзянских и мокшанских песен была уникальна, так как до момента выпуска работы она считалась утерянной. Гармонические созвучия в мужской транскрипции, являлись информационными донорами в отличие от современного музыкального творчества. С первых звуков можно представить быт, местность, менталитет и картину мира общества, связь с которым в настоящее время давно утеряна. Вайсянен первым отметил разнообразие стилевых и жанровых видов мордовских песен, наличие уникального многоголосия, взаимосвязь напева и текста песен.

Макар Евсевьевич Евсевьев (Кобаев) (1864-1931) – мордовский ученый просветитель и педагог [4]. Он написал первые буквари для мордвы-эрзи и мордвы-мокши. Его работы являются достоянием мордовского народа. С 1892 года по 1931 год работал над созданием подробного описания его большого труда «Мордовская свадьба». На основе его исследований, после его смерти выходит в 5-ти томах работа «Избранные труды» М.Е. Евсевьева.

Всесторонне исследовал эпическую мордовскую песню Андрей Иванович Маскаев (1907-1975) – фольклорист, литературовед, доктор филологии, профессор [5]. Он сравнивал эпический жанр мордвы с балладами. Его труды: «Мордовские эпические песни на сказочные сюжеты», «Мотивы сюжета «Девушка и смерть» в мордовском фольклоре», «О мордовском фольклоре периода Великой отечественной войны», «Славяно-мордовские связи по материалам эпической песни» и др.

Михаил Иванович Чувашов (1909-1973) – эрзянский фольклорист, этнограф, краевед [15]. Он занимался сбором музыкального фольклора в Поволжье и Приуралье. Его работы: «Мордовские (эрзянские) причитания», «Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки» (1-2 тт.) и др. Он всю свою жизнь посвятил собиранию и изучению эрзянского фольклора.

Кафтаськин Лука Семенович (1911-1977) – фольклорист, критик и литературовед [12]. С деятельностью Луки Семеновича связаны яркие страницы становления мордовского фольклора. Он был талантливым собирателем устного народного творчества, подлинным знатоком и ценителем, неутомимым пропагандистом и кропотливым исследователем. Его работы: «Творчество современных мордовских сказителей» (1951), «Мордовские народные песни» (1955), «мордовская народная песня (1957), «Эрзя-мокшонь морот, сказт ды балладат» (1958), «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» Т 1, «Эпические и лиро-эпические песни (1963), «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» Т 7 ч. 2, «Эрзянские причитания-плачи» (1972) и др.

Евгений Владимирович (Вольдемарович) Гиппиус (1903—1985) — советский музыковед и музыкальный эт-

нограф; кандидат исторических наук, доктор искусствоведения, профессор. Также посвятил свои труды изучению народной песни. Он участвовал в этнографических экспедициях, собирая также и мордовские песни. Он является редактором трудов Н. И. Бояркина «Памятники мордовского народного творчества».

Георгий Иванович Сураев-Королев (1922-2000) – фольклорист, композитор [11]. Он был не только теоретиком, но и практиком. Под его руководством находился фольклорный ансамбль «Келу», который и по настоящее время носит его имя. Его работы по материалам экспедиций: «Мордовские народные песни» (1957), «Мордовские народные песни» (1969) и др. Он брал основу всех своих сочинений в народной песне. Им написано не мало произведений по мотивам национальных образцов народного творчества.

Огромный вклад в развитие национальной культуры внес Николай Иванович Бояркин (1947 по настоящее время). Член Союза композиторов России, Заслуженный деятель искусств РФ, Им изданы «Памятники мордовского народного творчества» [2]. Это большой труд по изучению национальной эрзянской и мокшанской песни. Все песни записаны многоканально и имеют в своей структуре от трех до десяти голосов. Это позволяет анализировать народную песню изнутри, рассматривая переплетения голосов и проникать в каждую идейно-ху-

дожественную музыкальную линию.

Анализ музыкального фольклора нуждается в более детальном исследовании, так как зашифрованная в нем информация представляет особый интерес ученых.

Проблема изучения картины мира в отечественной культурологии, в настоящее время, является актуальной. Степень изученности данной проблематики с каждым годом продолжает увеличиваться и развиваться.

Проблемой изучения музыкальной картины мира мордвы – эрзи и мордвы – мокши занимались многие ученые. Ее рассматривали с поэтической, художественной, философской сторон, пытались охарактеризовать и понять менталитет, быт и устои одного из древнейших народов. К семантике понятия «музыкальная картина мира» обращались не многие. Фольклористы, в основном, пытались сохранить музыкальные материалы, расшифровывая их, давая лишь небольшие комментарии к песням. Выпущенные сборники представляют собой сокровищницу мордовской культуры. В них можно выявить музыкальные закономерности, характерные именно мордве – мокше и эрзе.

Подводя итоги всего вышесказанного, можно утверждать, что музыкальная картина мира мордовского народа не является изученной в полной мере. Она требует комплексного подхода со всех сторон.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. – Свердловск, 1990.
- Бояркин Н.И. Мордовское народное музыкальное искусство / Под. ред. Е.В. Гиппиус. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. 184 с.
- Вайсянен А.О. Mordwinische Melodien // Suomalais-ugrilainen Seura. – Хельсинки, 1948.
- Евсеев М.Е. Мордовская свадьба. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. — 384 с. Шахматов, Мордовский этнографический сборник Текст. / сост. А.А. Шахматов. СПб, 1910. - 848 с.
- Маскаев, А.И. Мордовская народная эпическая песня Текст. / А.И. Маскаев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. - 439 с.
- Матвеев А.К. А.М. Шёгрэн как исследователь субстратной топонимии Русского Севера // Взаимодействие языков: Сб. статей / Учёные записки № 80. Серия филологическая, вып. 8 / Редколл.: Э.Д. Барышникова, Л.В. Доровских, А.К. Матвеев (отв. ред.); Уральский государственный университет имени А.М. Горького, МВ и ССО РСФСР. — Свердловск: УрГУ, 1969. — С. 105—110. — 112 с. — 750 экз. (обл.)
- Мельников П.И. Очерки мордвы // Русский вестник. – М., 1867. – Т. 69. № 6. – С. 488–521.
- Мельников П.И. Очерки мордвы // Русский вестник. – М., 1867. – Т. 71. № 9. – С. 217–258.
- Мельников П.И. Очерки мордвы // Русский вестник. – М., 1867. – Т. 71. № 10. – С. 397–430.
- Мельников П.И. Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). В 14 т. – СПб. ; М.: Т-во М.О. Вольф, 1898. – Т. 12. – 4, 432 с.
- Сураев-Королев Г.И. Многоголосие и ладовое строение мордовской народной песни: мордов. многоголос. пентатоника / Г.И. Сураев-Королев; [вступ. ст. С.Г. Сураева-Королева]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 35, [1] с.; 20 см. – 200 экз.
- Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, книга 1. Пословицы, присловья и поговорки / Науч.-иссл. ин-т. яз. лит., истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР. — Саранск, 1967. 375 с.
- Хайкки Паасонен: Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen // JSFOu XV. Helsinki, 1897.
- Хайкки Паасонен: Die soqenannten Karataj–Mordwinen oder Karatajen // JSFOu XXI. Helsinki, 1902.
- Чувашев, М.И. Тейтерень пиянь кудо Текст. // (Девичий дом пива) у эрзян/ М.И. Чувашев // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров: сб. статей / сост. и ред. И. Рютел. Таллин, 1986. -С.284-311.

© Модина Екатерина Олеговна (folk-katj@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АРМАС ОТТО ВАЙСЯНЕН И РОБЕРТ ЛАХ – ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛА ПО МОРДОВСКОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ФОЛЬКЛОРУ

Модина Екатерина Олеговна

Преподаватель, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск
folk-katj@mail.ru

ARMAS OTTO VYAYSANEN AND ROBERT LACH - THE MAIN ASPECTS OF THE ANALYSIS OF THE MATERIAL ON MORDOVIAN MUSICAL FOLKLORE

E. Modina

Summary: Armas Otto Vaisyanen was born in Savonranta (Finland). Studied at the University of Helsinki. Has the title of Master (1919), Doctor of Science (1939), Professor. He is a collector and researcher of Finnish folk music and traditional music of other Finno - Ugric peoples, who is considered a classic in his field. This person is one of the few outstanding figures who worked with traditional folk vocal and instrumental recordings of the late 19th - early 20th centuries. His many field studies have resulted in about 6,000 tunes, surpassing all the achievements of earlier collectors. Väisänen became known to the general public as a connoisseur of Finnish folk music and the Karelian language. His works made a great contribution to the study of different national cultures. Together with professor, Dr. Robert Lakhs, he goes on an ethnographic expedition to the Mordovian villages. On the basis of the collected material, Vaisyanen published the book «Mordwinische melodies», which opens the curtain of the musical picture of the world of the Mordovians - Erzya and Mordovians - Moksha of that time for modern folklorists. In this work, traditional Mordovian songs recorded in 1914 are transcribed. These unique records were published in 1948 by the Finno - Ugric Society in Helsinki. Besides the book version, there is also audio material. The whole uniqueness of this work lies not only in the notated version of musical samples, but also in the opportunity to hear the true performance of the bearers of traditional culture. This makes it possible for modern researchers to have a more complete understanding of the Mordovian traditional musical culture and to hear the characteristic manner of singing characteristic of the Mordovians of that time.

Keywords: folklore, traditions, researcher, folklorist, ethnographer, musical – song, traditional, Vaisyanen, Finno - Ugric, Mordva, Erzya, Moksha.

Аннотация: Армас Отто Вайсянен родился в г. Савонранта (Финляндия). Учился в Хельсинском университете. Имеет звание магистра (1919), доктора наук (1939), профессора. Он является коллекционером и исследователем финской народной музыки и традиционной музыки других финно-угорских народов, который считается классиком в своей области. Этот человек один из немногих выдающихся деятелей, который работал с традиционными народными вокальными и инструментальными записями конца XIX - начала XX века. Результатом его многочисленных полевых исследований стало около шести тысяч мелодий, превосходящих все достижения более ранних коллекционеров. Вайсянен стал известен широкой публике как знаток финской народной музыки и карельского языка. Его труды внесли большой вклад в изучение разных национальных культур. Совместно с профессором, доктором Робертом Лахом он отправляется в этнографическую экспедицию по мордовским селам. На основе собранного материала, Вайсяненом выпускается книга «Mordwinische melodies», которая открывает завесу музыкальной картины мира мордвы – эрзи и мордвы – мокши того времени современным фольклористам. В данной работе расшифрованы традиционные мордовские песни, записанные в 1914 году. Эти уникальные записи опубликованы в 1948 году финно-угорским обществом в г. Хельсинки. Кроме книжной версии существует также аудио материал. Вся уникальность данной работы заключается не только в нотированной версии музыкальных образцов, но и в возможности услышать подлинное исполнение носителями традиционной культуры. Это дает возможность современным исследователям иметь более полное представление о мордовской традиционной музыкальной культуре и услышать характерную манеру пения, свойственную мордве того времени.

Ключевые слова: фольклор, традиции, исследователь, фольклорист, этнограф, музыкально – песенный, традиционный, Вайсянен, финно-угорский, морд-ва, эрзя, мокша.

Мзыка мордвы, численно – крупнейшего из финско-угорских народов, базирующихся в Восточной России, до сих пор известна и изучена лишь в небольшой степени. Сборник А.А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник» (Санкт-Петербург, 1910) содержит 53 вокальные мелодии, которые были собраны и записаны мордовским ученым Р.Ф. Учаевым в деревне Сухой Карбулак [2]. Этот материал впервые

проанализировал князь Н. Трубецкой в своей статье «О структуре мордовских мелодий» [3]. Статья представляет собой приложение к «Песнопениям русских военнопленных»: «Мордовские песнопения» (Вена, 1933) профессора Роберта Лаха [10]. Летом 1917 года Лах записал 71 мелодию, услышанную от восьми военнопленных, находящихся на территории Австрии [14]. Из военнопленных 5 были родом из Самарской губернии, 1 – Нижнего-

родской губернии и 1 - Пензенской губернии, в то время как родина восьмого не указана. 24 мелодии были записаны на мокшанском языке, остальные – на эрзянском.

В то время, Вайсянен тоже был заинтересован работой Роберта Лаха. Благодаря стипендии Финско-угорского общества и помощи профессора Хейки Пассонена – лучшего знатока мордовской поэзии и фольклора, была организована экспедиция в губернии, населённые мордвой, однако начало Первой мировой войны сделало невозможным полностью осуществить поездки. Вайсянену и Лаху удалось побывать лишь в двух уездах Самарской губернии (ныне Куйбышев), а именно в округах Бугуруслан и Бугульма, и в том числе в следующих деревнях: Эрзянский Бруслан, Пронькино, Середнёвка, Борискино, Од-Шантала и Вечканово. В этих сёлах (кроме Пронькино) проживали в основном мокшане, эмигрировавшие из Пензенской губернии около полувека назад.

Из привезенного материала, включающего около двухсот образцов песен и инструментальной музыки, большая часть состоит из хоровых песнопений. С помощью фонографа ноты было легко подобрать и записать, но особые трудности здесь представляли тексты песен, потому что Лах не был знаком с мордовским языком. Профессор на месте пытался вместе с певцами, слог за слогом, писать слова к мелодиям. Созданные таким образом тексты были изучены, исправлены и дополнены профессорами Пааво Равила и его учеником Кайно Хейкиля, хотя некоторые незначительные неясности всё же остались и по сей день.

Из сборника Шахматова «Мордовская народная поэзия» уже видны различные жанры песен. Для каждой мелодии, насколько это возможно, указано, к какому роду песни принадлежит соответствующая мелодия. Тексты мелодий содержат различные жанры песен: многочисленные баллады, некоторые повествовательные (исторические) песни, а также рекрутские песни, множество лирических песен. Среди них есть песни, представляющие собой наиболее примитивные музыкальные конструкции, например – песни, направленные против невесты и девушки в исполнении хора, песни, которые поются от лица невесты. Все жалобные песни, исполняют женщины. Они поются сольно, например, колыбельные. С другой стороны, для большинства других песен не имеет значения, поет ли их один человек или хор. Таким образом, многие из песен, предназначенные для одного человека, также могли быть спеты и хором, если это было необходимо.

Анализируя сборник «Mordwinische melodies» [1], выпущенный А.О. Вайсяненом по материалам этих экспедиций, у мордвы встречались либо мужские, либо женские ансамбли. Смешанных ансамблей не было. Принадлежали ли к женскому коллективу только девушки или за-

мужние женщины, было совершенно неважно. В каждом ансамбле, где меняется количество певцов, есть запевалы. Они обычно должны быть лучше всего знакомы с текстом. По всей видимости, мордва переняла обычай петь в ансамбле у русских. На это указывает то обстоятельство, что русские песни, которые были записаны на фонограф для сравнения, имеют тот же стиль и поются в пентатонику. Несмотря на размер ансамбля, в мелодиях редко встречается более двух мелодических линий, всё поётся в интервал «секунда».

В инструментальных мелодиях данного сборника представлены два духовых инструмента, а именно – длинная флейта под названием «вешкема», (по-русски «дудка», изготовленная из стебля растения), и примитивная двойная флейта под названием «нюди», обе трубки которой снабжены отверстиями таким образом, что один и тот же палец закрывает два отверстия одновременно. Трубы соединяет рожок, усиливающий звук.

Щипковые и струнные инструменты, как гусли и скрипки, были довольно редки; напротив, гармоника выполняла услуги танцевальной музыки в каждой деревне, как и в других местах России.

В своей публикации «Вогульские и восточноякийские мелодии» профессор следовал системе, которую более подробно обосновал во введении к работе.

Включение мордовских мелодий в эту систему вызвало некоторые трудности: при различных повторениях одной и той же мелодии происходит изменение как количества тактов, так и тактовой частоты. Мелодии могут быть родственны, хотя по форме и ритму они принадлежат к разным категориям; теперь, размещая очевидные варианты близко друг к другу, профессор вынужден был отклониться от следования своей системе.

Мелодии пишутся таким образом, что строка или пара строк поставлены на одну линию, а в повторениях соответствующие друг другу строки, по возможности, находятся в одном и том же месте страницы. Границы строк задаются толстой тактовой чертой. На различных строках есть буквы (А, В и т. д.). Цифры рядом с ними (например, А4) указывают на числовое число строк. Если буквы не указаны рядом с цифрами, то мелодия является регулярным образцом группы.

Многочисленные мелодии вызывали трудности анализа, с одной стороны – при определении границ, с другой – при определении их разности, поэтому текст часто не совпадает с мелодической строкой. Нечёткое следование певцом метроному, который может казаться ровным во время прослушивания, нарушается дополнительными добавленными гласными, слогами и словами. Они заключены в круглые скобки в публикации, а также

есть вопросительные знаки, обозначающие необъяснимые фрагменты текста.

Круглые скобки вокруг нот указывают на то, что автор считает соответствующие звуки избыточными, возникающими в связи с передышкой в середине строки. Эти звуки, а также зажатые паузы, не учитываются при расчете тактов.

Квадратные скобки вокруг нот и пауз обозначают дополнения редактора для достижения регулярности мелодии. Когда размер такта нарушается, конец тире на линейной системе указывает предполагаемое место звука. Нота, заключенная в скобки рядом с фермой, указывает относительную продолжительность звука. Хотя ферма написана по системе нот в хоровых песнопениях, она относится и к другим певцам, также продолжительность фермы не одинакова для всех.

В метрономе иногда есть два номера, чтобы показать, что темп увеличивается с продолжительностью пения (>).

Рядом с метрономом в круглых скобках показана абсолютная высота тона мелодии (например, а). В двухголосных случаях, например, такая пометка, как «g1=h1», показывает, что g1 соответствует написанной мелодии в исходной лекции h1.

Для облегчения сравнения, из мелодий, мажорные обычно пишутся в «G», минорные в «e» и плагальные в «a». Знак увеличения установлен в угловой зажим ['] для восприятия в мажоре. Знак перед нотой вертикальный крест (+) обозначает увеличение примерно на $\frac{1}{4}$ уровень звука, знак d – понижение, примерно на $\frac{1}{4}$.

В ансамбле, в некоторых случаях, когда линия трех голосов четко выражена в прослушивании фонограммы, применяются две нотные системы.

Во избежание ненужного расширения мелодии, написанной после образцов, показано, каким образом определяется определенное её место (например, I) или 2), соответственно).

Содержание дает краткий анализ каждой мелодии:

1. Количество строк (I, II и т.д.);
2. Число тактов: 2 строки - считается по 2; 4 строки — считается по 4; 4, 6 строк - 4 и 6 (считается по 2+2+4); 6 строк - (считается по 2+2+2); 3 строки – считается по 3; 5 строк – считается по 5;
3. Тактовый режим: T2 = прямой такт; T3 = трехчастный такт; T5 = пятичастный такт; T6 = трехчастный такт; 3 T2—трехсторонний такт; Tvr - такт соединения или свободные тактовые режимы: Tvr (varius regularis) = регулярный, Tv. (varius irregularis) = нерегулярный.

При обозначении, арабские цифры (2,3,4 и т.д.) указывают тон выше основного тона, латинские - тон ниже того же (VII ведущий тон и т.д.). В скобках стоят цифры, обозначающие нисходящий тон, который может появиться совершенно случайно в одной мелодии. В пентатонической мелодии: если в мелодии стоят четыре различные строки, кроме того, все – четырёхчастные. Это - подлинный пентатонический минорный пентаккорд, поэтому результат этого анализа можно проиллюстрировать краткой формулой: IV (ABCD) 4 T2 минорный.

Этот сборник представляет собой сокровищницу мордовской народной музыкальной культуры. Его уникальность позволяет воссоздать аутентичные образцы мордовской народной песни в первоизданном её виде. Секундовое звучание, характерное для мордвы – эрзи и мордвы – мокши, услышанное в реальном времени, позволяет прочувствовать те эмоции и чувства, которые испытывали исполнители.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вьясянен А.О. Mordwinische Melodien // Suomalais-ugrilainen Seura. – Хельсинки, 1948.
2. Мордовский этнографический сборник: в приложении: Описание села Оркина Сарат. уезда А.Н. Минха / составлен А.А. Шахматовым. - С.-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1910. - 848 с.
3. Трубецкой Н.С. К структуре мордовских мелодий // Избр. тр. по филологии. II, 1987. С. 391-406.
4. Хайкки Паасонен: Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen // JSFOu XV. Helsinki, 1897.
5. Хайкки Паасонен: Die sogenannten Karataj-Mordwinen oder Karatajen // JSFOu XXI. Helsinki, 1902.
6. Hornbostel E., Sachs C. Systematik der Musikinstrumente // Zeitschrift für Ethnologie. 1914. № 46. S. 553-590.
7. Krohn I. Welche ist die beste Methode, um Volks und Volksmässige Lieder nach ihrer melodischen (nicht textlichen) Beschaffenheit lexikalisch zu ordnen // Sammelbände der Internationalen Musikgesellschaft. 1903. Hb. 4. S. 643-660.
8. Lach R. Die Musik der turk-tatarischen, finnisch-ugrischen und kaukasus-völker in ihrer entwicklungsgeschichtlichen und psychologischen Bedeutung für die Entstehung der musikalischen Formen // Mitteil. der Anthropol. Ges. . . Wien, 1920. Bd. 50.
9. Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I Band: Finnisch-Ugrische Völker. 1 Abteilung: Wotjakische, syrjänische und permjakische Gesänge. Wien; Leipzig, 1926.

10. Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I Band: Finnisch-Ugrische Völker. 2 Abteilung: Mordwinische Gesänge. Wien; Leipzig, 1933.
11. Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I Band: Finnisch-Ugrische Völker. 3 Abteilung: Tscheremissische Gesänge. Wien; Leipzig, 1929.
12. Lach R. Vorläufiger Bericht über die im Auftrage der Kais. Akademie der Wissenschaften erfolgte Aufnahme der Gesänge russischer Kriegsgefangener im August bis October 1917. Wien, 1918.
13. Szomjas-Schiffert G. Geschichte und Ergebnisse der finnisch-ugrischen vergleichenden Volksmusikforschung // Congressus Quartus internationalis fenno-ugristarum. Budapest, 1975. Pars 1. S. 141–158.
14. Tari, L. (1988). Robert Lachs Postkarten im Handschriftenarchiv der UAW. *Studia Musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 30(1/4), 297-302.
15. Trubetzkoi N. Über der Struktur der mordwinischen Melodien // Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I Band: Finnisch-Ugrische Völker. 2 Abteilung: Mordwinische Gesänge. Wien; Leipzig, 1933. S. 106–117 [Приложение].
16. Vikar L. Arhaic Types of Finno-Ugrian Melody // *Studia Musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. № 14. S. 53–91.

© Модина Екатерина Олеговна (folk-katj@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СВЯЗЬ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ И МОТИВАЦИИ К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ

THE RELATIONSHIP BETWEEN EDUCATIONAL MOTIVATION AND MOTIVATION FOR FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITY AMONG FRESHMEN STUDENTS

**O. Benkova
T. Artyukhova
T. Shelkunova**

Summary: The article deals with the theoretical aspects of educational and professional motivation at the student age. The results of an experimental study of educational motivation and motivation for professional activity among first-year students are presented; Using Spearman's rank correlation method, the connections of the components of educational motivation with the types of motivation for professional activity and leading professional motives in freshmen were revealed.

Keywords: educational motivation, motivation for professional activity, professional motives, first-year students.

Бенькова Оксана Анатольевна

к.псх.н., доцент, Сибирский федеральный университет

(г. Красноярск)

ShulakovaOA@mail.ru

Артюхова Татьяна Юрьевна

к.псх.н., доцент, Сибирский федеральный университет

(г. Красноярск)

tartjuchova@mail.ru

Шелкунова Татьяна Васильевна

старший преподаватель, Лесосибирский педагогический

институт – филиал Сибирского федерального

университета (г. Лесосибирск)

cokolova_t_v@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены теоретические аспекты учебной и профессиональной мотивации на начальном этапе студенчества. Представлены результаты экспериментального исследования учебной мотивации и мотивации к профессиональной деятельности у студентов первого курса; с помощью метода ранговой корреляции Спирмена выявлены связи компонентов учебной мотивации с типами мотивации профессиональной деятельности и ведущими профессиональными мотивами у студентов-первокурсников.

Ключевые слова: учебная мотивация, мотивация к профессиональной деятельности, профессиональные мотивы, студенты-первокурсники.

Введение

Эффективность обучения студентов в вузе во многом зависит от того, насколько высока их учебная мотивация и мотивация овладения будущей профессией. Как показывает наш многолетний профессиональный опыт преподавательской деятельности в сфере высшего образования, для многих современных студентов обучение в вузе зачастую имеет формальный характер, они в большей степени ориентированы не на усвоение новых знаний, а на успешную сдачу сессии любыми способами и средствами; значительная часть поступающих в вузы лишь поверхностно знакомы со спецификой будущей профессии и профессиональной деятельности, что, безусловно, сказывается на учебной мотивации студентов.

Целью нашего исследования является выявление связи компонентов учебной мотивации с типами мотивации профессиональной деятельности и ведущими профессиональными мотивами у студентов-первокурсников.

Теоретические основы исследования

Большинство исследователей рассматривают категорию «учебно-профессиональная мотивация», связывая воедино учебную мотивацию и мотивацию к будущей профессиональной деятельности. В контексте нашего исследования целесообразно рассмотреть эти понятия в отдельности.

Учебная мотивация или мотивация учебной деятельности – один из факторов, способствующих успешному достижению целей обучения, детерминирующих учебную деятельность студента и стимулирующих его активность в период обучения в вузе.

Как указывает И.А. Зимняя, «...учебная мотивация определяется как частный вид мотивации, включенной в деятельность учения, учебную деятельность...» [3, с. 224]; В.И. Мельников мотивацию обучения рассматривает как «средство побуждения учащегося к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания образования...» [9, с. 62].

Структуру учебной мотивации составляют различ-

ные виды мотивов. По мнению А.К. Марковой, «...мотив учения – это направленность ... на различные стороны учебной деятельности...» [8, с. 11], разделяя все мотивы учения на познавательные и социальные, где первые связаны с содержанием и процессом выполнения учебной деятельности, а вторые – с взаимодействием обучающегося с окружающими людьми. Подобную позицию мы встречаем у В.И. Мельникова, но помимо познавательных и социальных мотивов, ученый добавляет еще ряд мотивов: прагматические, профессионально-ценностные, эстетические, статусно-позиционные, коммуникативные, традиционно-исторические, утилитарно-практические, учебно-познавательные, неосознанные [9]. Именно последние для нас представляют интерес, т.к. проявляются в отсутствии интереса к процессу обучения, непонимании смысла получения образования.

В структуру академической мотивации Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин включают такие мотивации, как познавательная, достижения, саморазвития, самоуважения, интроецированную и экстермальную [2].

Изучая мотивацию учения студентов педагогического вуза, С.А. Пакулина, С.М. Кетько выделили внутреннюю и внешнюю мотивацию учения. В структуру внутренней мотивации входят внутренние мотивы поступления в вуз, широкие учебно-познавательные мотивы, мотивы самообразования и релевантные профессиональные мотивы. Внешняя мотивация учения включает внешние мотивы поступления в вуз, познавательные мотивы, иррелевантные профессиональные мотивы [10].

Итак, можем отметить, что учебная деятельность студентов стимулируется и регулируется целым комплексом мотивов, от которых во многом зависит становление и развитие мотивации к будущей профессиональной деятельности.

Автор Е.А. Колесник рассматривает мотивацию студентов к профессиональной деятельности «...как систему ценностей и целей, которая побуждает студентов к активному усвоению знаний, овладению умениями и навыками ...» [6, с. 754].

Отметим, что относительно структуры мотивации к профессиональной деятельности среди исследователей нет единой позиции.

Так, Э.С. Чугунова выделяет доминантный, ситуативный, конформистский типы профессиональной мотивации [11]; автор К.С. Козляков вычленяет личностный, учебно-познавательный, проективно-практический и профессиональный компоненты [5]; исследователями И.А. Игнатковой, А.В. Крыловой определены такие типы мотивации как: установка на профессию, внутренняя, внешняя положительная и внешняя отрицательная

мотивация [4]; Л.А. Верещагина фиксирует следующие ведущие мотивы профессиональной деятельности: мотивы собственного труда, социальной значимости профессии, самоутверждения в профессии и мотивы профессионального мастерства [1].

По мнению А.В. Лапшовой, П.А. Грашиной, Е.А. Ураковой, «...мотивация студентов к профессиональной деятельности, формируемая в процессе освоения учебной деятельности, может быть представлена совокупностью познавательных, профессиональных и личностных мотивов, побуждающих к освоению специальности, вызывающих активность и определяющих профессиональную направленность. Система мотивов отражает единство побуждений студента к учению и профессиональной деятельности и позволяет ему активно стремиться к овладению общекультурными, учебно-познавательными и профессиональными компетенциями...» [7, с. 164].

Итак, анализ категориального аппарата исследования позволил сформулировать гипотезу о связи компонентов учебной мотивации студентов-первокурсников с типами мотивации профессиональной деятельности и ведущими профессиональными мотивами.

База и методы исследования

Экспериментальное исследование связи учебной мотивации и мотивации к профессиональной деятельности у студентов-первокурсников осуществлялось на базе ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». В констатирующем эксперименте приняли участие студенты 1 курса различных институтов. Выборка исследования составила 100 респондентов.

В экспериментальной работе применялся следующий диагностический инструментарий: методика «Мотивация учения студентов педагогического вуза» С.А. Пакулиной, С.М. Кетько, (содержание методики позволяет применять ее также для диагностики мотивации учения студентов, обучающихся на непедагогических направлениях подготовки); опросник «Шкалы академической мотивации» Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина; методика диагностики мотивации и установки на профессиональную деятельность И.А. Игнатковой, А.В. Крыловой; «Опросник для изучения ведущих мотивов профессиональной деятельности» Л.А. Верещагиной.

При обработке экспериментальных данных с целью выявления связи учебной мотивации и мотивации к профессиональной деятельности у студентов-первокурсников применялся метод ранговой корреляции Спирмена с использованием программы для статистической обработки данных IBM SPSS Statistics Standard Edition.

Результаты исследования

На первом этапе осуществлялась диагностика учебной мотивации и мотивации к профессиональной деятельности у студентов-первокурсников. На основании диагностических данных, полученных по методике «Мотивация учения студентов педагогического вуза», мы можем сделать вывод, что для 92 % первокурсников характерна внешняя мотивация учения, включающая в себя внешние мотивы поступления в университет, узкие познавательные мотивы и иррелевантные профессиональные мотивы. Подавляющее большинство обследованных первокурсников имеет тенденцию к продолжению учебной деятельности, исходя из присутствия внешнего подкрепления и отдавая предпочтение выполнению элементарных и не требующих больших временных затрат заданий; их мотивы обучения в вузе не связаны с самим процессом учения; они еще не адаптировались к вузовской системе обучения. Только у 8 % респондентов диагностирована внутренняя мотивация учения, включающая в себя внутренние мотивы поступления в вуз, широкие учебно-познавательные мотивы и мотивы самообразования, релевантные профессиональные мотивы. Этим студентам интересна профессия, они стремятся успешно учиться, приобретать глубокие знания; получают интеллектуальное удовлетворение от процесса обучения, активны и самостоятельны, предпочитают задания оптимальной трудности; для них свойственна продуктивная адаптация к вузовской среде.

Исходя из результатов диагностики, полученных при обследовании студентов по опроснику «Шкалы академической мотивации», можем сделать вывод, что у 32 % студентов-первокурсников ведущей является познавательная мотивация, для них характерно стремление понять изучаемый предмет, им интересен сам процесс познания. У 24 % респондентов преобладает мотивация самоуважения; за счет достижений в учебе они ощущают собственную значимость, важность. 20 % студентов амотивированы, они не видят смысла в учебе, не испытывают к ней интереса. У 12 % первокурсников преобладает экстерналистская мотивация; они учатся по необходимости, чтобы избежать проблем. У 12 % студентов ведущая мотивация – интроецированная; при которой студенты учатся из чувства долга перед значимыми людьми. Только для 8 % респондентов свойственна мотивация достижения; при которой характерно стремление достичь высоких результатов в учебе. И всего лишь у 8 % первокурсников ведущей является мотивация саморазвития; обучаясь в вузе, они стремятся развивать свои способности и потенциал.

Исходя из данных, полученных по методике диагностики мотивации и установки на профессиональную деятельность, отметим, что у 40 % студентов преобладает внутренняя мотивация, связанная с процессом и

результатом профессиональной деятельности. У 20 % первокурсников выявлена внешняя положительная мотивация, связанная с материальным стимулированием, престижем. Для 40 % испытуемых свойственна внешняя отрицательная мотивация, т.е. преобладают мотивы, не связанные с процессом и результатами профессиональной деятельности и имеющие негативную эмоциональную окраску избегания.

Сравнивая среднеарифметические показатели, полученные в обследуемой группе по шкалам опросника Л.А. Верещагиной, делаем вывод, что для респондентов наиболее значимы мотивы собственного труда, отражающие ориентацию на общую трудовую занятость, без учета специфики профессии. На втором месте – мотивы самоутверждения в профессии; т.е. студенты первого курса ориентированы на высокий уровень достижений в профессиональной деятельности. Мотивы социальной значимости профессии занимают третье место. Это позволяет нам утверждать, что первокурсники не слишком высоко оценивают общую пользу и значимость труда. Последнее место занимают мотивы профессионального мастерства; т.е. пока для испытуемых мало свойственно стремление быть признанным в профессиональной деятельности.

На следующем этапе экспериментального исследования на основании диагностических данных нами был проведен корреляционный анализ с использованием метода ранговой корреляции Спирмена. Принимались во внимание коэффициенты корреляции для уровней значимости $p < 0,05$ и $p < 0,01$.

В результате корреляционного анализа были установлены следующие корреляционные связи. Составляющая академической мотивации «Мотивация познания» положительно коррелирует со следующими мотивами профессиональной деятельности – «Установка на профессию» ($r = 0,836$; $p < 0,01$); «Внешняя положительная мотивация» ($r = 0,459$; $p < 0,05$); «Мотивы собственного труда» ($r = 0,701$; $p < 0,01$); «Мотивы социальной значимости профессии» ($r = 0,694$; $p < 0,01$); «Мотивы самоутверждения в профессии» ($r = 0,643$; $p < 0,01$); «Мотивы профессионального мастерства» ($r = 0,965$; $p < 0,01$). Итак, чем выше познавательная мотивация студентов-первокурсников, тем в большей степени у них сформированы представления о профессиональной деятельности; внешние опосредованные мотивы, связанные с процессом труда; ориентация на деятельность без учета специфики профессии. При этом чем больше у первокурсников выражена мотивацией познания, тем выше они оценивают пользу и значимость труда, тем больше хотят добиться высоких результатов в профессиональной деятельности.

Выявлена связь показателей «Мотивация достижения» и «Мотивация саморазвития» в учебной деятель-

ности с такими профессиональными мотивами как «Установка на профессию» ($r=0,827$; $r=0,770$; $p<0,01$); «Внутренняя мотивация» ($r=0,396$; $p<0,01$; $r=0,659$; $p<0,05$); «Внешняя положительная мотивация» ($r=0,515$; $p<0,01$; $r=0,499$; $p<0,05$); «Мотивы собственного труда» ($r=0,749$; $r=0,785$; $p<0,01$); «Мотивы социальной значимости профессии» ($r=0,757$; $r=0,612$; $p<0,01$); «Мотивы самоутверждения в профессии» ($r=0,701$; $r=0,656$; $p<0,01$); «Мотивы профессионального мастерства» ($r=0,808$; $r=0,748$; $p<0,01$). Следовательно, чем больше стремление первокурсников добиваться высоких результатов и развивать свои способности и потенциал в учебной деятельности, тем в большей мере студенты ориентированы на социальные требования к профессии; тем больше у них проявляется внутренняя мотивация, связанная непосредственно с процессом труда, и внешняя положительная мотивация, опосредованно связанная с профессиональной деятельностью; тем больше они ориентированы на общую занятость в профессии; нацелены на постоянное освоение новых умений и знаний; мотивированы на самовыражение и стремление быть признанными в профессии.

Установлены корреляционные связи параметра «Мотивация самоуважения» в учебной деятельности со следующими профессиональными мотивами – «Установка на профессию» ($r=0,689$; $p<0,01$); «Внутренняя мотивация» ($r=0,485$; $p<0,05$); «Внешняя положительная мотивация» ($r=0,502$; $p<0,05$); «Мотивы собственного труда» ($r=0,648$; $p<0,01$); «Мотивы социальной значимости профессии» ($r=0,989$; $p<0,05$); «Мотивы самоутверждения в профессии» ($r=0,672$; $p<0,01$); «Мотивы профессионального мастерства» ($r=0,649$; $p<0,01$). Вероятно, что чем выше желание студента-первокурсника учиться ради повышения собственной самооценки за счет достижений в учебе и ощущения собственной значимости, тем в большей степени сформированы установки на профессию; внутренняя и внешняя положительная мотивация; нацеленность на постоянное совершенствование профессиональных умений; стремление быть лучшим. При этом выявлена отрицательная корреляционная связь между мотивацией самоуважения в учебной деятельности и внешней отрицательной мотивацией ($r=-0,419$; $p<0,05$). Следовательно, чем больше у студента проявляется желание учиться ради ощущения собственной значимости, тем в меньшей степени формируются мотивы, не связанные непосредственно с процессом и результатом профессиональной деятельности, но имеющие негативную эмоциональную окраску (осуждение, критика, наказание и т.п.).

Выявлены отрицательные корреляционные взаимосвязи параметров «Интроецированная мотивация» и «Экстернальная мотивация» с такими мотивами профессиональной деятельности как «Установка на профессию» ($r=-0,671$; $r=-0,825$; $p<0,01$); «Внутренняя мотивация» ($r=-$

$0,416$; $r=-0,442$; $p<0,05$); «Внешняя положительная мотивация» ($r=-0,551$; $r=-0,518$; $p<0,01$); «Мотивы собственного труда» ($r=-0,691$; $r=-0,688$; $p<0,01$); «Мотивы социальной значимости профессии» ($r=-0,828$; $r=-0,740$; $p<0,01$); «Мотивы самоутверждения в профессии» ($r=-0,670$; $r=-0,726$; $p<0,01$); «Мотивы профессионального мастерства» ($r=-0,751$; $r=-0,856$; $p<0,01$). Следовательно, чем в большей степени студентов-первокурсников побуждает учиться чувство долга и ощущение стыда перед собой и окружающими, ситуация вынужденности обучения, стремление избежать проблем, необходимость следовать требованиям социума; тем в меньшей степени у них сформированы представления о профессиональной деятельности, внутренняя и внешняя положительная профессиональная мотивация; мотивы собственного труда; тем в большей степени они не видят особой пользы и значимости профессионального труда; не ориентированы на достижение высоких результатов и стремление состояться в профессиональной деятельности.

В результате корреляционного анализа данных установлены отрицательные корреляционные связи параметра «Амотивация» со следующими мотивами профессиональной деятельности – «Установка на профессию» ($r=-0,607$; $p<0,01$); «Внутренняя мотивация» ($r=-0,436$; $p<0,05$); «Внешняя положительная мотивация» ($r=-0,554$; $p<0,01$); «Мотивы собственного труда» ($r=-0,612$; $p<0,01$); «Мотивы социальной значимости профессии» ($r=-0,759$; $p<0,01$); «Мотивы самоутверждения в профессии» ($r=-0,632$; $p<0,01$); «Мотивы профессионального мастерства» ($r=-0,696$; $p<0,01$). Вероятно, что, чем больше у первокурсников выражено отсутствие интереса к учебной деятельности, ощущение ее бессмысленности, тем в меньшей мере они ориентированы на социальные требования к профессии и непосредственно на результат труда; тем менее у них проявляется внешняя положительная мотивация, мотивы собственного труда; тем меньше они нацелены на постоянное освоение новых профессиональных знаний и умений; тем менее значимо для них признание в профессиональной деятельности. Выявлена положительная корреляционная связь параметра «Амотивация» с внешней отрицательной мотивацией профессиональной деятельности ($r=0,421$; $p<0,05$). Это означает, что, чем более первокурсник не заинтересован в учебной деятельности, тем больше у него выражены мотивы избегания, не связанные непосредственно с процессом профессионального труда.

Таким образом, можем сделать вывод, что виды академической мотивации (мотивация познания, достижения, саморазвития, самоуважения; интроецированная и экстернальная мотивация, амотивация) связаны с типами мотивации студентов на профессиональную деятельность и ведущими профессиональными мотивами.

Проанализируем корреляционные связи компонен-

тов внутренней и внешней мотивации учения.

Установлены положительные корреляционные связи компонента «Внутренние мотивы поступления в вуз» с типами мотивации на профессиональную деятельность «Установка на профессию» ($r=0,765$; $p<0,01$); «Внутренняя мотивация» ($r=0,561$; $p<0,01$) и ведущими профессиональными мотивами «Мотивы собственного труда» ($r=0,761$; $p<0,01$); «Мотивы социальной значимости профессии» ($r=0,514$; $p<0,01$); «Мотивы самоутверждения в профессии» ($r=0,740$; $p<0,01$); «Мотивы профессионального мастерства» ($r=0,867$; $p<0,01$). Следовательно, чем в большей степени у студента-первокурсника проявляются внутренние мотивы поступления в вуз, основанные на его собственной потребности, тем больше студент ориентирован на социальные требования к профессии; тем более у него сформирована внутренняя профессиональная мотивация, основанная на удовлетворенности процессом и результатом деятельности; тем больше у него выражена мотивация собственного труда, высокая оценка пользы и значимости профессиональной деятельности, стремление стать признанным в профессиональном сообществе.

Выявлены положительные корреляционные связи компонента внутренней мотивации учения «Широкие учебно-познавательные мотивы и мотивы самообразования» с типами мотивации на профессиональную деятельность «Установка на профессию» ($r=0,771$; $p<0,01$); «Внутренняя мотивация» ($r=0,448$; $p<0,05$); «Внешняя положительная мотивация» ($r=0,489$; $p<0,05$) и ведущими профессиональными мотивами «Мотивы собственного труда» ($r=0,724$; $p<0,01$); «Мотивы социальной значимости профессии» ($r=0,676$; $p<0,01$); «Мотивы самоутверждения в профессии» ($r=0,808$; $p<0,01$); «Мотивы профессионального мастерства» ($r=0,776$; $p<0,01$). Исходя из выявленных корреляционных связей, можем сделать заключение о том, что, чем выше у студента-первокурсника желание успешно учиться и приобретать глубокие знания, чем больше его потребность самореализовываться в учебной деятельности, проявлять активность и самостоятельность, тем в большей степени он ориентирован на будущую профессиональную деятельность; тем больше развита потребность трудиться с удовольствием, ориентация на процесс труда, нацеленность на постоянное освоение новых знаний и умений.

Установлены значимые корреляционные связи между компонентом внутренней мотивации учения «Релевантные профессиональные мотивы» с типами мотивации на профессиональную деятельность «Установка на профессию» ($r=0,863$; $p<0,01$); «Внешняя положительная мотивация» ($r=0,440$; $p<0,05$) и ведущими профессиональными мотивами «Мотивы собственного труда» ($r=0,667$; $p<0,01$); «Мотивы социальной значимости профессии» ($r=0,692$; $p<0,01$); «Мотивы самоутверждения в

профессии» ($r=0,802$; $p<0,01$); «Мотивы профессионального мастерства» ($r=0,810$; $p<0,01$). Следовательно, чем больше первокурсник мотивирован на реализацию себя в профессиональном плане в соответствии с выбранным направлением подготовки, тем более выражена у него ориентация на социальные требования к профессии, внешняя положительная мотивация, направленная на материальное стимулирование, карьерное продвижение, одобрение; ориентация на результат деятельности без учета специфики профессии; нацеленность на освоение новых профессиональных знаний и умений и высокий уровень достижений в профессиональном труде.

Выявлены положительные корреляционные связи компонента «Внешние мотивы поступления в вуз» с типами мотивации на профессиональную деятельность «Установка на профессию» ($r=0,702$; $p<0,01$); «Внутренняя мотивация» ($r=0,605$; $p<0,01$); «Внешняя положительная мотивация» ($r=0,563$; $p<0,01$); и ведущими профессиональными мотивами «Мотивы собственного труда» ($r=0,704$; $p<0,01$); «Мотивы социальной значимости профессии» ($r=0,611$; $p<0,01$); «Мотивы самоутверждения в профессии» ($r=0,689$; $p<0,01$); «Мотивы профессионального мастерства» ($r=0,705$; $p<0,01$). Итак, чем выше внешняя мотивация учения у студентов-первокурсников, проявляющаяся в желании не отставать от сокурсников, добиться уважения преподавателей и одобрения окружающих, избежать осуждения, тем в большей степени первокурсники ориентированы на социальные требования по присвоению будущей профессиональной деятельности; у них формируется внутренняя и внешняя положительная мотивация, хотя, и без учета специфики профессии, но при высокой оценке ее социальной значимости, мотивации на качество выполняемой профессиональной деятельности и стремлении достичь высоких результатов.

Установлены положительные корреляционные связи компонентов внешней мотивации учения «Узкие учебно-познавательные мотивы» и «Иррелевантные профессиональные мотивы» с такими составляющими мотивации профессиональной деятельности – «Установка на профессию» ($r=0,705$; $r=0,686$; $p<0,01$); «Внутренняя мотивация» ($r=0,591$; $r=0,684$; $p<0,01$); «Внешняя положительная мотивация» ($r=0,545$; $p<0,01$; $r=0,482$; $p<0,05$); «Мотивы собственного труда» ($r=0,673$; $r=0,635$; $p<0,01$); «Мотивы социальной значимости профессии» ($r=0,517$; $r=0,583$; $p<0,01$); «Мотивы самоутверждения в профессии» ($r=0,736$; $r=0,634$; $p<0,01$); «Мотивы профессионального мастерства» ($r=0,748$; $r=0,742$; $p<0,01$). Очевидно, чем более выражена тенденция к осуществлению учебной деятельности, тем в большей мере студенты ориентируются на социальные требования к будущей профессии; внешние стимулы, ради которых они считают нужным прикладывать свои усилия; на результативную деятельность без учета специфики профессионального

труда, но с нацеленностью на высокий уровень профессиональных достижений.

Выводы

Таким образом, в результате корреляционного анализа установлены связи между компонентами учебной мотивации и компонентами мотивации к профессиональной деятельности у первокурсников.

Виды академической мотивации (познания, достижения, саморазвития, самоуважения, интроецированная и экстерналиная мотивация, амотивация), компоненты внутренней мотивации учения (внутренние мотивы поступления в вуз, широкие учебно-познавательные мотивы и мотивы самообразования, релевантные профессиональные мотивы) и внешней мотивации учения (внешние мотивы поступления в вуз, узкие познавательные мотивы, иррелевантные профессиональные мотивы)

связаны с типами мотивации на профессиональную деятельность (установка на профессию, внутренняя профессиональная мотивация, внешняя профессиональная положительная мотивация) и ведущими профессиональными мотивами (мотивы собственного труда, мотивы социальной значимости профессии, мотивы самодостигания в труде, мотивами профессионального мастерства).

Понимание зависимости между учебной и профессиональной мотивацией у студентов уже на начальном этапе обучения в вузе будет способствовать выстраиванию конструктивного взаимодействия с первокурсниками в рамках образовательного процесса с учетом специфики их учебной мотивации и, в свою очередь, позволит создать условия для развития их мотивации к профессиональной деятельности и может выступать значимым прогностическим фактором удовлетворенности получаемой в вузе профессии в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагина, Л.А. Потребности и профессиональные мотивы специалистов в области информационных технологий / Л.А. Верещагина // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2012. – № 25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/>
2. Гордеева, Т.О. Опросник «Шкалы академической мотивации» / Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, № 4. – С. 96–107.
3. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов / И.А. Зимняя. – М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. – 384 с.
4. Игнаткова, И.А. Методика диагностики мотивации и установки на профессиональную деятельность / И.А. Игнаткова, А.В. Крылова // Психология обучения. – 2015. – № 12. – С. 60–66.
5. Козляков, К.С. Формирование учебно-профессиональной мотивации студентов высшего учебного заведения: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Козляков Константин Сергеевич. – Калининград, 2013. – 23 с.
6. Колесник, Е.А. К вопросу о профессиональной мотивации как основе успешности обучения студентов вузов / Е.А. Колесник // Здоровье и образование в XXI веке. – 2016. – № 2. – С. 753–756.
7. Лапшова, А.В. К вопросу об особенностях формирования профессиональной мотивации студентов вуза / А.В. Лапшова, П.А. Грашина, Е.А. Уракова // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 62-2. – С. 163–165.
8. Маркова, А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 96 с.
9. Мельников, В.Е. Мотивация к обучению студентов в вузе как психолого-педагогическая проблема / В.Е. Мельников // Вестник Новгородского государственного университета. – 2016. – № 5. – С. 61–64.
10. Пакулина, С.А. Методика диагностики мотивации учения студентов педагогического вуза / С.А. Пакулина, С.М. Кетько // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 1. – С. 1–11.
11. Чугунова, Э.С. Связь профессиональной мотивации и творческой активности инженеров / Э.С. Чугунова // Вопросы психологии. – 1986. – № 4. – С. 23–29.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ОСНОВЕ СТЕРЕОТИПОВ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Бузыкина Юлия Сергеевна

к.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский
государственный университет»
ylamart@yandex.ru

FEATURES OF INTERPERSONAL RELATIONS BASED ON STEREOTYPES OF INTERETHNIC PERCEPTION IN THE STUDENT ENVIRONMENT

Yu. Buzykina

Summary: The article presents the results of a study of the features of interpersonal relations based on the stereotypes of interethnic perception in the student environment. Differences in the severity of altruistic, egoistic, subordinate and aggressive types of interpersonal relations were found among representatives of the Russian, Tajik, Kyrgyz and Turkmen nationalities. The stereotypes of interethnic perception in the student environment among representatives of neighboring countries are established.

Keywords: ethnic stereotypes, interpersonal relationships, psychological climate in the team, emotional and motivational orientations, representatives of neighboring countries, students.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования особенностей межличностных отношений на основе стереотипов межнационального восприятия в студенческой среде. Обнаружены различия в выраженности альтруистического, эгоистического, подчиняемого и агрессивного типов межличностных отношений у представителей русской, таджикской, киргизской и туркменской национальностей. Установлены стереотипы межнационального восприятия в студенческой среде у представителей стран Ближнего зарубежья.

Ключевые слова: этнические стереотипы, межличностные отношения, психологический климат в коллективе, эмоционально-мотивационные ориентации, представители стран Ближнего зарубежья, студенты.

На сегодняшний день изучение специфики межнациональных отношений является одной из наиболее актуальных проблем социальной психологии. Отношения между различными этническими группами выступают совокупностью некоторых социально-психологических явлений. Именно они характеризуют субъективное отражение многообразия связей, которые возникают между этносами, а также особенности взаимодействия этнических общностей [8; 3].

Основные различия между этносами заключаются в особенностях традиций, национального сознания, культуры [2, с. 25], исторического прошлого того или иного народа. На характер межличностных и межгрупповых отношений могут существенно влиять социальные условия, в которых прибывает та или иная группа, и личный опыт решения проблем, на основании которого формируется специфика взаимодействия с представителями своей и других этнических общностей [2, с. 25].

Существенную роль в межнациональных отношениях играет межгрупповое восприятие, для которого характерны такие динамические особенности, как [6]: устойчивость и консервативность, а также межгрупповые представления, которые через объединение индивидуальных представлений в единую картину, отличают-

ся от составляющих их элементов. Также межгрупповые представления могут складываться путем упрощения и схематизации восприятия других социальных групп, которые могут привести к образованию стереотипов.

Актуальность проблемы исследования особенностей межличностных отношений на основе стереотипов межнационального восприятия связана с недостаточной изученностью данных параметров в студенческой среде.

Студенческая среда, как специфическая социальная группа, имеет свои особенные условия жизни, отличается системой ценностных ориентаций и социальным поведением. В процессе общения между студентами разных национальностей формируются определенные интересы, потребности, раскрываются задатки и способности, расширяется круг познания, складывается межгрупповое взаимодействие, в рамках которого студенты различных этнических групп способны изменять свои сложившиеся представления, установки и превращать некоторые особенности в нечто общее.

Но, в тоже время, социальное сравнение и появление межгрупповой дифференциации может приводить к отдаленности от других этнических групп [7, с. 334-335] и формированию отношений соперничества.

Стоит отметить, что на характер межгруппового взаимодействия также влияют и этнические стереотипы, которые в свою очередь играют основную роль при выборе тактики поведения с представителями той или иной этнической общности. В структуре стереотипа можно выделить несколько параметров [1, с. 51]: содержание (набор качеств, которые приписываются определенной этнической группе), однообразие качеств и оценок, приписываемых этнической общности, направленность (положительное или негативное восприятие объекта стереотипизации), интенсивность (степень предвзятости по отношению к стереотипизируемой этнической общности).

Теоретико-методологической основой исследования выступили работы зарубежных и отечественных ученых, занимающихся проблемой изучения этнической идентичности, межэтнических установок, стереотипов, межгрупповых отношений и межгруппового взаимодействия (Г.М. Андреева [1], А.С. Баронин [5], И.С. Кон, У. Липпман, Т. Лири, И.А. Савченко [9], Г.У. Солдатова, В.В. Старченко [10], Т.Г. Стефаненко [11], М. Sherif, Н. Tajfel и др.)

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в процессе планирования и проведения социально-психологических тренингов со студентами с целью профилактики межнациональных конфликтов различных этнических групп.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». В исследовании приняли участие 80 студентов различных национальностей в возрасте 19-24 лет.

В ходе исследования были использованы следующие диагностические методики: «Методика диагностики межличностных отношений» (Т. Лири) [4]; «Методика оценки психологической атмосферы в коллективе» (А.Ф. Фидлер); «Самооценка эмоционально-мотивационных ориентаций в межгрупповом взаимодействии» (Н.П. Фетискин); «Метод приписывания качеств» (Д. Кац, К. Брайль).

Полученные результаты были подвергнуты математико-статистической обработке данных с помощью критерия Н-Крускала-Уоллиса.

Установлено, что, независимо от этнической принадлежности, преобладают следующие стереотипы восприятия в студенческой среде:

- в отношении представителей киргизской и таджикской национальностей: дисциплинированность, адаптированность, гостеприимство, трудолюбие;
- в отношении русских студентов: патриотичность, уверенность в себе, целеустремленность, добро-

та, дружелюбие, отзывчивость;

- для представителей туркменской национальности: гордость.

При этом такое качество, как оптимистичность, по мнению туркмен, характерно только для русских.

Кроме того, существуют следующие особенности проявления межличностных отношений на основе стереотипов межнационального восприятия в студенческой среде:

- выявлены значимые различия между представителями русской и таджикской ($h_{\text{эмп.}}=9.5$ при $p \leq 0,01$) национальностей по альтруистическому типу межличностных отношений, который в наибольшей степени характерен для таджиков. Это может выражаться в следующих качествах: деликатность, доброта, гостеприимство, отзывчивость, бескорыстие и сострадание. Такие люди чаще всего ориентируются на интересы других, стремятся помочь и сострадать всем, принимают на себя ответственность за происходящее. Представителям русской национальности, в основном, присущи следующие качества: осторожность, аккуратность, гордость, патриотичность, обладание чувством собственного достоинства, общительность, остроумие, дружелюбие, находчивость и уверенность в себе;
- выявлены различия между представителями русской и киргизской национальностей по эгоистическому типу межличностных отношений ($h_{\text{эмп.}}=4.55$ при $p \leq 0,05$), который в наибольшей степени характерен для русских. На это могут указывать следующие качества русской молодежи: независимость, расчетливость, самовлюбленность и обладание чувством собственного достоинства, склонность перекладывать трудности на окружающих людей;
- выявлены различия между представителями таджикской и туркменской национальностей ($h_{\text{эмп.}}=4.50$ при $p \leq 0,05$), а также киргизской и туркменской национальностей ($h_{\text{эмп.}}=5.04$ при $p \leq 0,05$) по подчиняемому типу межличностных отношений. Так, подчиняемый тип межличностных отношений характерен для представителей таджикской и киргизской национальностей, что выражается в их скромности, уступчивости, покорности. Они стремятся к честному выполнению своих обязанностей, имеют склонность к подчинению более сильному лидеру. При этом, для представителей туркменской национальности характерны: доминантность, настойчивость, энергичность, компетентность, успешность в делах и уверенность в себе. Они руководствуются своим мнением, требуют уважения к себе и любят давать советы;

— выявлены значимые различия в восприятии студентов таджикской национальности представителями киргизской и туркменской национальностей по агрессивному типу межличностных отношений ($t_{\text{эмп.}} = 7.01$ при $p \leq 0,01$), который наиболее выражен у туркменской молодежи. Так, по мнению таджикской молодежи, представители туркменской национальности обладают чувством собственного достоинства, гордостью, хитростью, высокомерием, вспыльчивостью, упрямством и настойчивостью.

Представителей киргизской национальности таджики видят, как дружелюбных, общительных, активных, гостеприимных и дипломатичных;

— значимых различий по эмоционально-мотивационным ориентациям в межгрупповом взаимодействии представителей русской, таджикской, киргизской и туркменской национальностей выявлено не было, что может говорить о схожем поведении во взаимоотношениях, которое ориентировано на сотрудничество, кооперацию и межгрупповую эмпатию;

— не выявлено значимых различий между представителями разных национальностей по оценке психологической атмосферы в коллективе. Это может говорить о преобладании благоприятного психологического климата общения между ними и о наличии в данных коллективах дружелюбия, сотрудничества и взаимной поддержки.

Таким образом, из полученных результатов видно, что существует специфика проявления межличностных отношений на основе стереотипов межнационального восприятия в студенческой среде.

Чем выше уровень сформированности позитивного стереотипа в восприятии представителей определенной национальности, тем благоприятнее психологический климат при взаимодействии с ними, а также тем выше уровень выраженности позитивных эмоционально-мотивационных ориентаций в межгрупповом взаимодействии.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке рекомендаций, затрагивающих особенности межнациональных отношений представителей различных этнических групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 363 с.
2. Бузыкина Ю.С. Стереотипы межнационального восприятия студентов из стран Средней Азии // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 5-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Константинов. – Москва: Изд-во «Перо», 2020. – С. 25-29.
3. Бузыкина Ю.С., Позднякова А.М. Теоретический анализ особенностей межэтнического взаимодействия в студенческой среде // Социальные практики в информационном обществе: сб. науч. ст. по материалам науч.-практ. конф. «XIX Социологические чтения» / под ред. Т.И. Лавреновой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. – С. 126-130.
4. Диагностика межличностных отношений: методика Т. Лири // Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других / сост. Р. Римская, С. Римский. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 393 с.
5. Баронин А.С. Этнопсихология: учеб. пособие. – К.: МАУП, 2000. – 116 с.
6. Веревкин О.Л. Стереотипы восприятия этнических групп // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – №6 (94). – С. 193-207.
7. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 432 с.
8. Завалишин А.Ю. Этнические стереотипы: экспликация и анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – № 20(2). – С. 177-196.
9. Савченко И.А. Этнические стереотипы в студенческом сообществе // В мире научных открытий. – 2011. – Т. 15. – № 3(1). – С. 658-666.
10. Старченко В.В. Этнические стереотипы в межэтническом взаимодействии в поликультурном регионе // Наука и современность. – 2016. – № 49. – С. 43-50.
11. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.

© Бузыкина Юлия Сергеевна (ylamart@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМАТИКА ВОПРОСА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВСЕОБЩЕЙ ИНТЕГРАЦИИ

Волкова Наталья Александровна

аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Volkovanat189@gmail.com

PROBLEMS OF THE ISSUE OF MULTICULTURALISM AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL TOLERANCE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND UNIVERSAL INTEGRATION

N. Volkova

Summary: This article analyzes the state of research and development of theoretical and methodological foundations for the study of multiculturalism in the works of foreign scientists; the connection of this phenomenon with the category of national tolerance in the context of globalization and universal integration is traced, and it is also shown that the concept of multiculturalism is much broader than tolerance, since it includes not only tolerance, but also active support of group differences and the transformation of social life for the full inclusion of members of various ethnic groups.

Keywords: multiculturalism, tolerance, socio-cultural and socio-psychological variability, multicultural identity, polyethnicity, multiculturalism.

Аннотация: В данной статье проводится анализ состояния изучения и разработки теоретико-методологических основ исследования мультикультурализма в трудах зарубежных ученых; прослеживается связь этого феномена с категорией национальной толерантности в условиях глобализации и всеобщей интеграции, а также показано, что понятие мультикультурализма значительно шире толерантности, поскольку включает не только терпимость, а также активную поддержку групповых различий и трансформацию общественной жизни для полноценной инклюзии членов различных этногрупп.

Ключевые слова: мультикультурализм, толерантность, социо-культурная и социо-психологическая вариативность, мультикультурная идентичность, полиэтничность, поликультурность.

Актуальность предложенной проблематики определяется необходимостью фундаментального анализа трансформаций национальной психологии народов в условиях быстрого роста социо-культурной и социо-психологической вариативности. Разработка новейших концептуальных подходов к осмыслению широкого спектра вопросов, связанных с национально-культурной разнородностью социума, требует глубокого исследования содержательной сущности феномена мультикультурализма и его связей с сопредельными категориями, в частности - с понятием национальной толерантности.

Анализ последних исследований

Методология мультикультурализма является новой для отечественной психологической науки, чем, собственно, и можно объяснить отсутствие фундаментальных исследований в этом направлении. В контексте предложенной проблематики стоит вспомнить труды таких ученых как: В. Антонова, Ф. Аткинсона, Дж. Бэнкса, Л. Дерман-Спаркса, М. Дженкинса, В. Кимлики, Ч. Кукатиса, Дж. Льюиса, В. Малахова, Ш. Рамона, Д. Сакса,

В. Тишкова, В. Уоткинса, Б. Уинг, В. Холла, Т. Щедрина и др. Ценным также являются исследования и разработка механизмов национальной толерантности и антидискриминационной практики (А. Асмолов, Ю. Арутюнян, Л. Дробижеева, В. Крысько, Н. Лебедева, А. Реан, Г. Солдатов, Т. Стефаненко, В. Тишков, П. Шихирев, А. Шлягина и др.). В научной литературе мультикультурализм, как целостный психологический феномен подробно не изучен, на фоне попыток операционализировать это понятие в контексте психологической парадигмы. Кроме того, недостаточно освещена проблема соотношения мультикультурализма и национальной толерантности в пределах психологических концепций.

Цель статьи – проанализировать состояние изучения и разработки теоретико-методологических основ исследования мультикультурализма в трудах зарубежных ученых, а также проследить связь этого феномена с категорией национальной толерантности в условиях глобализации и всеобщей интеграции.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования

Феномен мультикультурализма не является новым для психологической науки, однако эмпирическое исследование предложенной проблематики началось лишь с 1990-х годов. Изучение понятия «мультикультурная идентичность», как указывает, например, А.С. Гордеев [3] является ценным, особенно в контексте социальной и индивидуальной психологии, поскольку вопрос того, как у индивидов развивается чувство сообщества, национальной, культурной, этнической и расовой групповой принадлежности становится чрезвычайно актуальным в условиях культурного плюрализма и интеграции. Именно социально-психологические факторы, которые влияют на развитие мультикультурной идентичности, обеспечивают психологов тем инструментарием, который делает исследование индивидуальных вариаций динамики Я-концепции.

В широком смысле мультикультурными есть личности, которые продолжительный период проживали в разных странах, воспитывались в поликультурной среде (кроме господствующей культуры, в обществе присутствовали культуры национальных меньшинств), активно были включены в межкультурные отношения и тому подобное. С точки зрения психологии, не существует единой согласованной трактовки мультикультурализма. Как правило, мультикультурными считаются индивиды, самоназвание которых (Я - мультикультурная личность) или групповая самокатегоризация (Я - русский) отражает их культурный плюрализм.

В узком смысле мультикультурализм целесообразно интерпретировать как индивидуальный опыт личности, находящейся под влиянием и принимающей особенности двух или более культур. В таком случае мультикультурная идентичность может пониматься как осознание личностью своей принадлежности и наличие внутренней связи с определенными культурами. Важно понимание того, что мультикультурная идентичность является лишь одним из компонентов комплексного и многомерного феномена мультикультурализма. Другими словами, результатом воздействия нескольких культур на индивида и ознакомления его с их особенностями, как считает В.Н. Блохин [1], является формирование мультикультурной личности, и только глубинное осознание своей принадлежности к нескольким культурным системам дает основания утверждать о наличии мультикультурной идентичности у такой личности.

Мультикультурный опыт расширяет когнитивный инструментарий индивида и дает ему возможность усвоить соответствующие когнитивные средства для решения проблем в определенной культурной среде. То есть, личности, которые находятся под влиянием нескольких различных культур, приобретают и используют в даль-

нейших поведенческих стратегиях знания, связанные с соответствующими культурными кодами, для управления своим поведением в рамках конкретных культурных систем. Мультикультурный опыт также поощряет контекстуализацию культурного знания. Индивиды с расширенным мультикультурным опытом осознают культурную специфику единиц знания в их когнитивном инструментарии и дифференцированную связанность различных единиц знания с различными культурными традициями (например, для американо-индийской бикультурной личности понятие человеческих прав является более связанным с американскими традициями, а понятие дхармы с индийской). Благодаря такому контекстуализированному знанию - подчеркивает А.С. Гордеев [3] - мультикультурные личности часто проявляют высокий уровень поведенческой реакции на определенные ситуативные сигналы, что свидетельствует о релевантности различных культурных сценариев.

Согласно точки зрения П. Адлера [7], стоит говорить о существовании нового типа мультикультурной личности, появляющейся в мультикультурной реальности, это личность, не укорененная в определенной культуре, и способная изменять свою идентичность и свойства с целью эффективного существования и функционирования между культурами.

Со своей стороны Дж. Вате [12] выдвигает гипотезу о том, что человек эпохи постмодерна в-принципе не будет одержимым проблемой идентичности перестав воспринимать себя как незыблительное единство.

В плоскости социологии мультикультурализм понимается как особенная форма интегративной идеологии, с помощью которой полиэтнические, поликультурные национальные сообщества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования разных форм культурной жизни.

В работах современных исследователей мультикультурализм рассматриваются как система убеждений и поведенческих стратегий, которая признает и уважает наличие всех разнообразных групп в определенном обществе, допускает и ценит их социокультурные различия, а также поощряет их сотрудничество в контексте культурной инклюзии.

Б. Берри [8] интерпретирует мультикультурализм как ориентацию, которая предусматривает поддержку культурной идентичности и особенностей всех этнокультурных групп, с одной стороны, и взаимодействие и участие всех этногрупп в жизни определенного общества, с другой стороны. Ученый считает, что именно такая трактовка этого феномена позволит исследовать психологические основы социальных политик различных государств по мультикультурализму.

О.С. Головачева [4] различает определенные модели мультикультурализма, а именно: «мягкую», «жесткую», «доминантную» и «эгалитарную». «Мягкая» модель мультикультурализма предполагает, что интеграция индивида в мультикультурную среду происходит добровольно и только по желанию, не создаются особые условия культурного сближения. «Жесткая» модель приводит организацию определенных условиях не только для полноценного привлечения инокультурных индивидов в общественную жизнь, но и для сохранения их культурной идентичности. Особенности «доминантной» и «эгалитарной» моделей заключаются в том, что в контексте первой культура национального большинства является господствующей относительно культур национальных меньшинств, в то время как вторая предусматривает устранение любых барьеров социального, экономического, политического и т.д. участия представителей различных культур в жизни определенной национальной общности.

Феномен мультикультурализма неоднозначно воспринимают представители национального большинства и меньшинства, поскольку первые считают его влияние угрожающим в контексте формирования национальной идентичности, в то время как вторые - благоприятным фактором. Члены национального большинства воспринимают этнонациональные меньшинства и их стремление к сохранению своей культуры как угрозу господствующей культурной среды и групповой идентичности. Согласно социальным психологическим теориям, которые акцентируют внимание на роли группового статуса и интересов в динамике развития межгрупповых отношений, очевидно, что группы менее одобрительно воспринимают мультикультурализм, если он определенным образом противоречит их материальным и духовным интересам.

Таким образом, мультикультурализм позитивно воспринимают представители национальных меньшинств, чем национальное большинство, что, в свою очередь, активно пропагандирует стратегию ассимиляции культурных сообществ. Поддержка и признание культурных отличий в пределах определенной национальной общности может оказаться демотивирующим фактором для представителей национального большинства, поскольку они рассматривают подобную политику как таковую, что грозит их групповому статусу и идентичности.

По вопросу соотношения мультикультурализма с феноменом национальной толерантности стоит отметить, что именно формирование толерантности, безусловно, является первоосновой положительных взаимосвязей и отношений между различными этнонациональными сообществами. Однако национальная толерантность является направляющим вектором гармоничного существования мультинационального общества, ведь оно предполагает прежде всего не то, что все его пред-

ставители похожи друг на друга, а то, что они являются толерантными к «другим». Феномен мультикультурализма значительно шире - подчеркивает П.А. Тихонова [6] - чем толерантность, поскольку он включает активную поддержку групповых различий и трансформацию сфер общественной жизни для полноценного включения членов национальных меньшинств.

Сторонники мультикультурализма утверждают, что только толерантности недостаточно для равноценного и равноправного функционирования вариативных национальностей в рамках общества и именно мультикультурализм предполагает активную поддержку культурных отличий. Мультикультурализм обуславливает не игнорирование или устранение различий, а их признание и оценку. Когда речь идет о толерантности относительно определенных этнонациональных сообществ, то, как правило, она рассматривается как желание или стремление национального большинства смириться с культурными особенностями и различиями национальных меньшинств. В таком случае конечным результатом толерантности для представителей национального меньшинства является толерантность их особенностей, а не утверждение или признание.

Однако следует отметить, что толерантность не стоит отождествлять с релятивизмом или безусловным принятием различий «другого». Ученые отмечают, что степень толерантности зависит от таких факторов, как «кого», «что» и «когда» респондент терпит. Так, в частности, исследования [5 и др.] показали, что взрослые проявляли высокую степень толерантности по отношению убеждений и поступков, которые базировались на отличной информации, чем на отличных моральных убеждениях. Даже больше, принятие того, что люди имеют другие взгляды и убеждения, не обязательно предполагает, что индивид будет толерантным к общественному выражению подобных взглядов или поступков.

В плоскости предложенной проблематики стоит, по нашему мнению, рассмотреть также вопрос национальной идентичности и национальной идентификации. Изучение внутригрупповой идентификации является важным для понимания того, как национальное большинство реагирует на культурное и религиозное многообразие, что характерно для определенного сообщества. Общая концепция заключается в том, что чем выше степень идентификации представителей национального большинства, тем более вероятным является тот факт, что они будут защищать групповые интересы и групповой статус, пропагандируя, например, стратегию ассимиляции.

В работах зарубежных исследователей [10; 11 и др.] предлагаются модели объяснения роли внутригрупповой идентификации сквозь призму внешнегрупповой угрозы идентичности группы и поддержки мультикуль-

турализма считая, что высшей степенью групповой идентификации является более глубокое восприятие угроз через проявление соответствующей реакции пропаганды мультикультурных психологических характеристик.

Иная форма «реакция коллективной идентичности» основывается на мысли, то что понимание коллективной опасности приводит к ситуации, когда происходит большая идентификация индивидов со своей группой, что вызывает негативные внешнегрупповые аттитюды. что индивиды больше определяют себе с собственной командой, то что, непосредственно, приводит во следствии ко отрицательным внешнегрупповым аттитюдам. Но при этом общество обладает шансами справиться с внешнегрупповыми угрозами, адаптируя стратегии, которые направлены на увеличение внутригрупповой идентификации.

Форма модели «посредника коллективной идентичности» предусматривает, тот аспект, что внутригрупповая идентификация вступает во взаимодействие с внешнегрупповой опасностью в целях одобрения идеологии мультикультурализма и закрепления прав за национальными меньшинствами.

Согласно с концепцией межкультурного взаимодействия канадского ученого Дж. Бери [8] аккультурационные стратегии формируются двумя компонентами: социокультурными установками и реальной моделью поведения индивида в определенных условиях, редко совпадающих. Объяснение состоит в том, что усвоение формализованных моделей поведения зачастую расходятся с мотивацией личности в процессе принятия определенного поведенческого решения и как результата социальных ограничений поведения (норм, возможностей и т.д.). Происходит ориентация людей на собственную группу (с целью сберечь свое культурное наследие и идентичность) и на иные группы (контактирование с обществом в целом и участие в жизни сообщества, в котором сосуществуют представители прочих этногрупп).

Присутствие заинтересованности в сохранении собственной культурной идентичности и формирование партнерских отношений с членами прочих этногрупп говорит о существовании аккультурационной стратегии интеграции.

Также, в конечном итоге, маргинализация обозначает низкую (либо целиком недостаточны) интерес в обеспечении сохранности цивилизованной идентичности, а также взаимодействия с иными культурными цивилизациями, факторами чего зачастую бывают исключения либо ограничение в правах [2].

Мультикультурализм сопряжен со стратегией аккультурационной интеграции, так как непосредственно

предусматривает тесную связь представителей разных национальных цивилизаций при поддержке культурной идентичности, то что, непосредственно, возможно только лишь в ситуации мультикультурной среды. Но имеется суждение, то что мультикультурализм обозначает в первую очередь в целом помощь множества культур в обществе в отсутствии их особенной связи воздействия либо партнерства. В этом случае происходит корреляция мультикультурализма с сепарацией, таким образом имеется опасность акцентуации культурных отличий, а также усиление формы мышления по типу «Мы-Они». Другие ученые считают [9 и др.], что мультикультурализм не является чистой интеграцией, поскольку воспринимается как временное средство на пути к ассимиляции. Такая точка зрения, как правило, характерна для представителей национальных меньшинств, которые убеждены, что взаимодействие с доминантной группой приведет к потере их культурной идентичности. В современных условиях глобализации и сотрудничества национальных сообществ, мультикультурализм является основой интеграционных стратегий, поскольку предполагает существование всеохватывающих рамок общих ценностей, которые функционируют как опора в мультиэтническом государстве, рамок, гибких и чувствительных к разнообразным культурам, которые образуют нацию.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Таким образом, феномен мультикультурализма в соответствии с зарубежной психологической теорией рассматривается как система убеждений и поведенческих стратегий, которая признает и уважает наличие всех этнокультурных групп в определенном обществе, терпит их социокультурные и социо-психологические различия, а также поощряет их взаимодействие и сотрудничество. Анализ научных работ по данной проблематике позволил констатировать, что основательное изучение проблемы мультикультурализма предусматривает рассмотрение этого понятия в контексте исследования таких психологических категорий, как национальная идентификация и идентичность, национальное большинство и меньшинство, внутригрупповая идентификация и внешнегрупповая угроза, аккультурационные стратегии и тому подобное. Соотношение феноменов мультикультурализма и национальной толерантности показало, что понятие мультикультурализма значительно шире толерантности, поскольку включает не только терпимость, а также активную поддержку групповых различий и трансформацию общественной жизни для полноценной инклюзии членов различных этногрупп.

Перспективами дальнейших исследований может служить попытка теоретико-методологического и эмпирического изучения формирования национальной толерантности в условиях мультикультурных обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блохин В.Н. Феномен мультикультурализма // Диалог культур в глобализирующемся мире: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / Под ред. В.Э. Манаповой. - Махачкала: АЛЕФ, 2020. 182 с.
2. Бондаренко Ю.В. Идея мультикультурализма в современном обществе // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. № 1. 2020. С. 102-106.
3. Гордеев А.С. Мультикультурализм как модель эффективной межкультурной коммуникации // Студенческая наука - взгляд в будущее. 2020. С. 372-374.
4. Головачева О.С. Мультикультурализм как модель поликультурного общества мировых держав и его применение в современной России // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов, 2008. № 8. С. 93-96.
5. Негода Л.Л. Толерантность и интолерантность в контексте социального измерения // Актуальные эколого-политологические аспекты современности. 2020. С. 76-79.
6. Тихонова П.А. Упадок культуры западного общества. Парадокс политики мультикультурализма // Достижения науки и образования 17 (71) (2020). С. 53-55.
7. Adler P. Beyond cultural identity: reflections on cultural and multicultural man / P. Adler//Cultural learning: Concepts, application and research/ed. R.W. Bristian. - Honolulu, 1997. P. 24-41.
8. Berry J.W. Cross-cultural psychology / John W. Berry, Ype H. Poortinga, Marshall H. Segall, Pierre R. Dasen. - Cambridge University Press, 2002. 588 p.
9. Crisp R.J. Multiple social categorization [In M.P. Zanna (Ed.)] / R.J. Crisp & M. Hewstone // Advances in Experimental Social Psychology. - Vol. 39. - Orlando, FL: Academic Press, 2007. P. 163-254.
10. Gurin P. Context identity and intergroup relations [In D. Prentice & D. Miller (Eds.)] / P. Gurin, T. Peng, G. Lopez, & B. R. Nagda // Cultural divides: The social psychology of intergroup contact. - New York: Sage, 1999. P. 133-170.
11. Nguyen A.-M. D. Biculturalism unpacked: Components, individual differences, measurement, and outcomes / A.-M. D. Nguyen & V. Benet-Martinez // Social and Personality Psychology Compass. 2007. № 1. P. 101-114.
12. Vattimo G. Rozdiely, konflikty, kultúrny minimalizmus / G. Vattimo // Aspekt. 1997. № 2. С. 223.

© Волкова Наталья Александровна (Volkovanat189@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАДЕЖНОСТИ ГРУППЫ В СОВМЕСТНОЙ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Демин Игорь Владиславович

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Курский
государственный университет»
dema-7@yandex.ru

EXPERIMENTAL STUDY OF THE GROUP'S RELIABILITY IN JOINT SPORTS ACTIVITIES

I. Demin

Summary: The purpose of the study was to study the socio-psychological conditions of the reliability of small groups in joint sportive activity. The object of the study was joint sports activity as part of a small social group in the conditions of training and competitions. The actualization of the reliability of small social groups in the tense conditions of joint activity is due to the level of organization of these groups. The empirical basis of the study was made up of small sports groups. A total of 25 small groups participated in the study. The article presents the program and results of an experimental study of the reliability of small groups in joint sports activities. It is shown that the main indicators of the reliability of sports teams in competition conditions are determined by the level of organization of the group.

Keywords: reliability, small group, joint activity, standard and stressful conditions of activity, organization, experiment.

Аннотация: Цель исследования заключалась в том, чтобы изучить социально-психологические условия надёжности малых групп в совместной спортивной деятельности. В качестве объекта исследования выступала совместная спортивная деятельность в составе малой социальной группы в условиях тренировок и соревнований. Актуализация надёжности малых социальных групп в напряженных условиях совместной деятельности обусловлена уровнем организованности этих групп. Эмпирическую базу исследования составили малые спортивные группы. Всего в исследовании участвовало 25 малых группы. В статье представлена программа и результаты экспериментального исследования надёжности малых групп в совместной спортивной деятельности. Показано, что основные показатели надёжности спортивных команд в условиях соревнований детерминировано уровнем организованности группы.

Ключевые слова: надёжность, малая группа, совместная деятельность, стандартные и напряженные условия деятельности, организованность, эксперимент.

Введение

Совместная деятельность команд в групповых видах спорта осуществляется в условиях острой межгрупповой конкуренции (а в некоторых видах спорта и межгруппового конфликта), которые справедливо оцениваются социальными психологами как напряжённые. Соревновательная деятельность членов спортивных команд помимо выполнения совместных действий на наилучшем возможном уровне требует экстремальных по своим характеристикам физических усилий, что, несомненно, повышает степень психической напряжённости. Однако, надёжность малых социальных групп, осуществляющих совместную спортивную деятельность, недостаточно исследована в социальной психологии. Феномен надёжности группы исследован преимущественно на материале малых групп операторов [2], инкассаторов [1], учебных групп студентов школьников [3], а также групп молодежных лидеров в условиях развивающих социальных сред [4]. Исследование данного феномена позволит оценить и повысить надёжность малых групп, осуществляющих в условиях спортивных соревнований совместную деятельность, различающихся по формам организации (совместно-индивидуальную, совместно-последовательную, совместно-взаимодействующую).

Программа экспериментального исследования

Цель исследования заключалась в том, чтобы изучить социально-психологические условия надёжности малых групп в совместной спортивной деятельности. В качестве объекта исследования выступала совместная спортивная деятельность в составе малой социальной группы в условиях тренировок и соревнований. Предмет исследования – социально-психологические условия актуализации надёжности малых спортивных групп в совместной деятельности в напряжённых условиях. Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что актуализация надёжности малых социальных групп в напряженных условиях совместной деятельности обусловлена уровнем организованности этих групп.

Эмпирическую базу исследования составили малые спортивные группы. Всего в исследовании участвовало 25 малых группы - 14 мужских спортивных команд и 11 женских (всего 206 человек, в том числе 113 лиц мужского пола, 93 лица женского пола). Возраст испытуемых - от 17 до 22 лет.

Методы исследования включали наблюдение, беседу, бланковые и психодиагностические методики, в том числе: методика В.А. Хащенко «Зрительно-аналоговая шкала» (ЗАШ) [6], «Карта-схема психолого-педагогической

характеристики группы» [9], «Методика для экспертной оценки согласованности действий» С.В. Сарычева [4 с. 164-165; 94], «Методика для экспертной оценки взаимодействия» С.В. Сарычева [4, с. 162-164]. Для исследования надёжности групп в лабораторных условиях использовался прибор-модель совместной деятельности «Арка» [8].

В соответствии с гипотезой и целью исследования нами была выработана общая стратегия исследования надёжности малых социальных группы в совместной спортивной деятельности (стандартных и напряженных условиях). В данном исследовании нам представляется целесообразным сочетать разные группы эмпирических методов исследования: эксперимент, наблюдение, опросные методы, аппаратные методы.

Формой организации исследования нами был избран лабораторный и естественный социально-психологический эксперимент. При исследовании надёжности группы в напряженных условиях совместной деятельности целесообразно в качестве главного метода организации исследования использовать естественный эксперимент, позволяющий изучить спортивные группы в реальных напряженных условиях (в условиях соревнований). Его необходимо дополнить лабораторным экспериментом, что позволит выделить изучаемые психологические явления «в чистом виде» и уточнить данные, полученные в естественном эксперименте.

Положения, приведенные выше, явились основополагающими для конструирования методического блока, использованного нами для экспериментального исследования надёжности группы в напряженных условиях совместной деятельности. В рамках социально-психологического эксперимента мы использовали прибор-модель совместной деятельности «Арка», позволяющий актуализировать процесс и свойства совместной деятельности группы.

В лабораторном эксперименте мы отвели приоритетное место моделированию совместной деятельности группы с помощью «Арки». Для обеспечения корректности исследования и сравнимости данных о группах с различной степенью организованности нужно было разделить группы по признаку организованности, которая согласно гипотезе исследования выступала в качестве независимой экспериментальной переменной.

Мы воспользовались типологией организованности групп, предложенной А.С. Чернышевым [11], согласно которой выделяются три типа групп. Основные показатели организованности измерялись с применением «Карты-схемы психолого-педагогической характеристики группы», разработанной Л.И. Уманским, А.С. Чернышевым, А.Н. Лутошкиным и др. [9, с. 256-263].

Измерение основных показателей осуществлялось в стандартных и напряженных условиях совместной деятельности, каждый из показателей соотнесен нами с определенными в «Карте-схеме» квантами. Степень проявления каждого наблюдаемого проявления жизнедеятельности группы оценивается по пятибалльной шкале, смонтированной в «Карту-схему».

По каждому из показателей определялось значение моды (M₀). «Карта-схема» использовалась и как основа для монографического наблюдения за жизнью и деятельностью спортивных групп в естественном и лабораторном эксперименте, и как основа для экспертной оценки этих групп. Все исследуемые группы были оценены экспертами. В качестве экспертов выступали тренеры, работающие с данной командой, представители администрации. Каждую группу оценивали не менее пяти экспертов.

В качестве показателя организованности групп мы использовали также психологический настрой на совместную деятельность. Данный показатель измерялся с помощью прибора-модели «Арка», актуализирующего именно этот показатель в наибольшей степени. Величина психологического настроя определяется по соответствующей формуле [8].

С помощью данной методики можно изучить влияние группового статуса на самочувствие ее членов, их общественную активность и гуманизацию межличностных отношений в группе. «Арка» предназначена для предъявления групповой задачи, требующей дружного, согласованного практического действия группы людей в составе от 2 до 20 человек. В 1980-90 гг. А.С. Чернышевым, Ю.А. Луневым, С.В. Сарычевым и А.В. Корневым были разработаны модификации экспериментальных процедур работы с «Аркой» [7; 12].

Из этих модификаций мы использовали: деятельность в особо мотивированных условиях («на рекорд»); деятельность в условиях лимита времени («отсчет времени»); деятельность в условиях исключения или замены одного из членов группы.

Важным показателем организованности является единство мнений [10, с. 29], которое измерялось нами по методике «Зрительно-аналоговая шкала [6]. Обработка данных предполагает измерение полученных оценок с помощью линейки, вычисление средних групповых показателей по каждой шкале, сопоставление индивидуальных показателей со средними групповыми, вычисление среднего линейного отклонения. Методика применялась разработчиками как в естественном, так и в лабораторном эксперименте [1; 5; 13].

В соответствии с логикой экспериментального исследова-

дования, гипотезой, целями, задачами и предметом исследования, были определены его основные параметры. Предметом экспериментального исследования является надёжность группы в напряженных условиях совместной деятельности, выступающая в нашем исследовании в качестве зависимой экспериментальной переменной. В качестве независимой экспериментальной переменной в осуществленном нами исследовании уровень организованности группы.

Результаты исследования

Измерения значений показателя «результативность» в стандартных и напряженных условиях совместной деятельности, анализ которых позволяет прийти к заключению о расширении диапазона возможных исходов результативности совместной деятельности в напряженных условиях по сравнению с оптимальными.

Данные исследования показывают, что по эмпирическому референту «наличие и качество плана» существуют значительные отличия групп среднего уровня организованности, как от высокоорганизованных групп, так и от групп с низким уровнем организованности. Главное отличие проявляется в степени количественной выраженности данного эмпирического референта у групп среднего уровня организованности. Это характерно как для стандартных, так и для напряженных условий совместной деятельности.

Среднеорганизованные группы в процессе ориентировки вырабатывают лишь частичную ориентировочную основу предстоящей совместной деятельности, что негативно сказывается на продуктивности и безотказности. Расхождения плана с действиями в этих группах существенные, предпринимаемые действия во многом спонтанны.

Попытки согласования, упорядочения действий в напряженных условиях совместной деятельности групп низкого уровня организованности имеют противоположный эффект тому, который проявляется у всех высокоорганизованных групп и большинства групп среднего уровня организованности. В стандартных условиях совместной деятельности план либо отсутствует, либо его качество низкое.

Характеризуя показатель «согласованность действий» групп низкого уровня организованности, можно сказать, что в стандартных условиях совместной деятельности уровень его столь же невысок, как и в напряженных условиях. У большинства групп в особомотивированной деятельности в напряженных условиях совместной деятельности по основным эмпирическим референтам согласованности действий еще ниже. Для групп такого рода даже стандартные условия совмест-

ной деятельности представляют собой препятствие в плане согласования действий по достижению общего результата, которое группа не способна преодолеть посредством выработки плана действий предстоящей совместной деятельности, согласованием действий и реализацией плана.

В напряженных условиях совместной деятельности для групп низкого уровня организованности характерно отсутствие заранее продуманного способа взаимодействия, готовности проявить инициативу в плане изменения взаимодействия, пассивное ожидание помощи от других членов группы. В результате взаимодействие оказывается негибким, ригидным, закостеневшим в «старых формах», которые привычны для членов группы.

Группа низкого уровня организованности оказывается не властной над способом взаимодействия, не способна провести его изменение в соответствии с теми требованиями, которые перед группой ставят внешние и внутренние условия деятельности. Изменение взаимодействия происходит как бы само по себе, вне зависимости от намерений членов группы.

Эмпирический референт «самостоятельность и инициативность во взаимодействии» у групп низкого уровня организованности имеет низкий уровень выраженности. Инициатива во взаимодействии у групп высокого уровня организованности исходит от многих членов группы, не замыкается на отдельных лицах.

Инициативное поведение большинства членов высокоорганизованных групп постоянно соотносится с групповыми целями, возможностями группы. По эмпирическому референту «вариативность и иерархия взаимодействия» группам высокого уровня организованности в напряженных условиях совместной деятельности присуще сохранение уровня выраженности данного референта. Качественное своеобразие проявления данного референта в напряженных условиях совместной деятельности заключается в соотношении членами группы мотивации группы на внесение изменений во взаимодействие с общегрупповой целью достичь наилучшего результата в совместной деятельности, образ которой заранее создается членами группы.

Мы установили, что инициатива в этих группах исходит не только от узкого круга лидеров, но и от других членов группы. Существенно и то, что высокоорганизованные группы мотивированы на принятие инициативы любого члена группы, если инициатива соответствует целям группы, учитывает возможности ее членов, особенности ситуации совместной деятельности группы. Кроме того, у групп этого типа проявляется связь между инициативностью и вариативностью взаимодействия, заключающаяся в том, что высокоорганизованная груп-

па, опираясь на инициативные предложения любого из членов, желает и способна изменить взаимодействие в соответствии с теми целями, которые перед ней стоят.

Итак, спортивные группы высокого уровня организованности в напряженных условиях совместной деятельности выполняют совместную деятельность безотказно, с минимальным разбросом лучших и худших результатов. Это наиболее типично для особомотивированной деятельности в напряженных условиях.

Однако и в обычной деятельности в напряженных условиях уровень безотказности весьма высок (91% заданий выполняется безотказно). Основные эмпирические референты результативности изменяются согласованно. Уровень их выраженности коррелирует со степенью напряженности условий совместной деятельности группы: чем выше степень напряженности условий совместной деятельности, тем меньше отказов, выше продуктивность, меньше разброс максимальных и минимальных результатов. В результативности высокоорганизованных групп как бы синтезируются позитивные стороны групп средней и низкой организованности: повышение продуктивности и повышение безотказности в напряженных условиях совместной деятельности.

Члены высокоорганизованных групп придают большое значение согласованию коллективных действий, кропотливой разработке проекта грядущей совместной деятельности. Ориентировочная часть общей деятельности в напряженных условиях располагает большим удельным весом, чем в стандартных условиях.

Содержательная область проекта грядущей совместной деятельности в напряженных условиях улучшается по сравнению с условиями стандартными. Свойство подобного проекта характеризуется тщательным распределением функций, возможностью любого члена группы доказать необходимость распределения функций, устойчивостью самого плана. значительную роль в согласовании совместной деятельности играют лидеры высокоорганизованных групп, их видение ожидающей и протекающей совместной деятельности «концептуально», они видят обстановку в целом.

Группы высокого уровня организованности в напряженных условиях совместной деятельности характеризует полнота соотношения совместной деятельности плану, разработанному в ориентировочной доле деятельности. Это сочетается со способностью группы вносить коррективы в план в согласовании с модифицирующимися условиями. В напряженных условиях совместной деятельности подобные группы готовы к произвольной саморегуляции совместной деятельности в согласовании с идеальным образом результата и хода совместной деятельности.

Согласование в высокоорганизованных группах в напряженных условиях совместной деятельности ориентировано на деловую интеграцию группы, действия членов группы устремлены на ключевых обстоятельствах взаимодействия, необходимых для достижения групповых целей. Члены подобных групп испытывают нужду и готовы к изменению взаимодействия из-за достижения оптимального вероятного результата.

В напряженных условиях они устремляются к созданию более абсолютной формы порядка совместной деятельности за счет перестройки взаимодействия. Предельное значение ключевых экспериментальных референтов достигается в особомотивированной деятельности в интенсивных условиях, притом члены подобных групп устремляются реализовать точный учет вероятных последствий от изменений, вносимых во взаимодействие.

Динамика ключевых экспериментальных референтов результативности у групп не носит скоординированного характера, противоречива. Группы данного типа, тем не менее, готовы к увеличению продуктивности совместной деятельности в напряженных условиях (только в особомотивированной деятельности), только ценой роста разброса лучших и худших показателей результативности и снижения безотказности. эффективность становится непрогнозируемой в интенсивных условиях совместной деятельности.

Низкоорганизованным группам свойственно преимущество исполнительской доли совместной деятельности над ориентировочной долей и в оптимальных, и в интенсивных условиях. В напряженных условиях совместной деятельности по сопоставлению с типовыми условиями уменьшится удельный вес ориентировки в структуре совместной деятельности.

План предстоящей совместной деятельности отсутствует либо характеризуется низким качеством. Если даже план имеется, то в интенсивных условиях уровень выраженности экспериментального референта «соответствие деятельности плану» снижается.

Таким образом, увязка действий и функций осуществляется стихийно, члены низкоорганизованных групп не стремятся к их упорядочению и согласованию и в стандартных, и в напряженных условиях совместной деятельности. Взаимодействие в интенсивных условиях совместной деятельности не соотносится ни с групповыми целями, ни с возможностями группы.

Уровень выраженности взаимодействия постоянно низок в стандартных и в напряженных условиях совместной деятельности. Вследствие неимения предварительно продуманного способа взаимодействия, его

оптимизация в напряженных условиях для низкоорганизованных групп не осуществима.

В напряженных условиях уровень самодостаточности и инициативности членов групп данного типа опускается по сравнению со стандартными условиями (наиболее явно – в особомотивированной совместной деятельности). Полная включенность во взаимодействие в напряженных условиях совместной деятельности замечена нами только у незначительного числа членов низкоорганизованных групп, причем полнота включенности уменьшится с возрастанием уровня напряженности ситуации совместной деятельности. предельная включенность во взаимодействие отмечается в особомотивированной совместной деятельности.

Заключение

Таким образом, экспериментальное исследование доказало выдвинутую гипотезу. Полученные итоги позволили сформулировать следующие выводы: достоверность спортивных групп в интенсивных условиях совместной деятельности детерминирована организованностью.

1. Группы разного уровня организованности характеризуются разной динамикой ключевых показателей надежности в напряженных условиях совместной деятельности.

2. Причинно-следственная связь между надежностью и организованностью по своему характеру не является линейной, а носит сложный и опосредованный характер.
3. Выступая в свойстве опосредующего звена надёжности, организованность качественно передает содержание ключевых характеристик надежности в интенсивных условиях совместной спортивной деятельности группы. По своему психологическому содержанию надежность выступает как система групповых мотивов и социальных конструкций на улучшение системы совместной деятельности группы в интенсивных условиях.
4. Существуют веские отличия по степени выраженности и по динамике ключевых характеристик надежности в напряженных условиях групп различного уровня организованности в зависимости от формы организации совместной деятельности.
5. Качественной спецификой надежности в интенсивных условиях спортивных групп среднего и высокого уровня организованности является полная безотказность в особомотивированной деятельности.
6. Различные группы (даже в рамках одного типа) характеризуются различной динамикой и соотношением, степенью выраженности разнообразных психологических механизмов надежности, «индивидуальными» психологическими свойствами группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дука А.И. Исследование характеристик надежности как социально-психологического качества групп инкассаторов / А.И. Дука, Е.А. Болотова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – Вып. 2 (36). – 2016. – С.119-124.
2. Надёжность и быстродействие человеко-машинных систем. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1983. – 144 с.
3. Сарычев С.В. Исследование надёжности малых групп в социально-психологическом эксперименте / С.В. Сарычев // Российский психологический журнал. – 2007. – №3. – Т. 4. – С. 21–34.
4. Сарычев С.В. Социально-психологические аспекты надёжности группы в напряженных ситуациях совместной деятельности / С.В. Сарычев, А.С. Чернышев. – Курск : Изд-во КГПУ, 2000. – 180 с.
5. Сарычев С.В. Социально-психологические факторы надёжности малых групп в различных социальных условиях : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / С.В. Сарычев. – Курск, 2008. – 259 с.
6. Хащенко, В.А. Программа комплексного исследования жизнедеятельности личности и группы в экстремальных условиях / В.А. Хащенко // Методики психологической диагностики личности и группы. – М. : ИП АН СССР, 1990. – С. 150–190.
7. Чернышев, А.С. Аппаратурная методика «Арка» : диагностика малой группы в совместной деятельности : методическое руководство / А. С. Чернышев, С. В. Сарычев. – Санкт-Петербург : ИМАТОН, 2016. – 55 с.
8. Чернышев, А.С. Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности / А.С. Чернышев, С.В.Сарычев, Ю.А. Лунев. – М. : Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – 189 с.
9. Чернышев, А.С. Психологическая школа молодежных лидеров / А.С. Чернышев, Ю.А. Лунев, Ю.Л. Лобков, С.В. Сарычев. – М., 2005. – 275 с.
10. Чернышев, А.С. Социально-психологические основы организованности первичного коллектива (на материалах исследования молодежных групп и коллективов) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / А.С. Чернышев. – М., 1980. – 65 с.
11. Чернышев, А.С. Социально-психологические основы работы классного руководителя / А.С. Чернышев, А.С. Крикунов, А.И. Луньков. – М. : Просвещение, 1989. – 107 с.
12. Чернышев, А.С. Экспериментальная методика изучения межгруппового взаимодействия / А.С. Чернышев, Ю.А. Лунев, С.В. Сарычев, А.В. Корнев // Методики социально-психологической диагностики. – М. : ИП АН СССР, 1990. – С. 162–170.

13. Gamova, E.I. Socio-psychological problems of the preventient part of joint activities in youth small groups / E.I. Gamova, S.V. Sarychev // Problems of education in 21st century. – Vol. 18. – P. 60-65.

© Демин Игорь Владиславович (dema-7@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Курский государственный университет

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ У ПАЦИЕНТОВ ПОСЛЕ ОСТРОГО НАРУШЕНИЯ МОЗГОВОГО КРОВООБРАЩЕНИЯ

A COMPREHENSIVE APPROACH TO THE RECOVERY OF HIGHER MENTAL FUNCTIONS IN PATIENTS AFTER ACUTE IMPAIRMENT OF CEREBRAL CIRCULATION

*N. Zemtseva
L. Tishina*

Summary: Currently, the problem of restoring the functions of higher nervous activity in acute cerebrovascular accident due to an increase in the frequency of occurrence in the population, as well as the lack of safe and effective methods for correcting negative symptoms is becoming increasingly important. This article describes the main symptoms that arise with this anomaly, describes its complexity and heterogeneity. The main risk factors leading to the emergence of acute disorders of cerebral circulation are highlighted. The issues of diagnosis and recognition of negative symptoms are discussed in detail and a detailed description of the clinical case is provided using an individual approach to the convalescence of the functions of higher nervous activity. Separately, the importance of creating aspects of an integrated individual approach in the treatment of behavioral and cognitive disorders is emphasized, as well as methods, approaches and methods of treatment are proposed for correcting various clinical symptoms of this disease based on the analysis of the literature data.

Keywords: communicative function of speech, higher nervous activity, cognitive disorders, acute impairment of cerebral circulation, integrated approach.

Земцева Наталья Владимировна

Аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет
nataliznv@mail.ru

Тишина Людмила Александровна

К.п.н., доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет
tishinala@mgppu.ru

Аннотация: В настоящее время проблема восстановления функций высшей нервной деятельности при остром нарушении мозгового кровообращения в связи с ростом частоты встречаемости в популяции, а также отсутствием безопасных и эффективных способов коррекции негативной симптоматики приобретает всё большую актуальность. В рассматриваемой статье приводится описание основных симптомов, возникающих при этой аномалии, описывается её сложность и гетерогенность. Выделены основные факторы риска, приводящие к появлению острого нарушения мозгового кровообращения. Детально разобраны вопросы диагностики и распознавания негативной симптоматики и приводится подробное описание клинического случая с применением индивидуального подхода к реконвалесценции функций высшей нервной деятельности. Отдельно подчёркивается важность создания аспектов комплексного индивидуального подхода при лечении поведенческих и когнитивных нарушений, а также предлагаются способы, подходы и методы лечения, при коррекции разных клинических симптомов этого заболевания, исходя из приведенного анализа литературных данных.

Ключевые слова: коммуникативная функция речи, высшая нервная деятельность, когнитивные нарушения, острое нарушение мозгового кровообращения, комплексный подход.

Проблема восстановления функций высшей нервной деятельности при остром нарушении мозгового кровообращения (ОНМК) давно волнует человечество. В связи с ростом стрессогенных воздействий, общей урбанизации, а также увеличения доли пожилого населения, в последнее время отмечается тенденция к росту, как частоты встречаемости этой патологии, так и скорости её распространения [3]. При этом синдром ОНМК в последние годы сильно смещает свой возрастной диапазон в сторону более молодого населения. Так, согласно данным ВОЗ, в мире частота встречаемости инсульта каждые 5 лет стабильно становится на 1 млн. человек больше [6, 20]. Нельзя забывать и о важности социального аспекта: так как на определённом этапе пациент полностью неспособен к самообслуживанию, то общество теряет сразу двух человек – пациента и того, кто за ним ухаживает.

Как правило, при ОНМК возникает целый комплекс когнитивных нарушений, характеризующийся нарушениями речи, снижением объема кратковременной и долговременной памяти, неадекватным социальным поведением, поражением когнитивных процессов, утратой способности логически мыслить и решать проблемы [9]. Имеются литературные данные [2, 18], согласно которым подобные каскадные нарушения обусловлены широким спектром триггерных аспектов: ухудшением активности практически всех важнейших нейротрансмиссивных систем (дофаминергической, серотонинергической, ГАМКергической), увеличением индукции провоспалительных цитокинов и развитием нейровоспалительной реакции, увеличением уровня свободных радикалов и появлением органических поражений головного мозга. При этом возникают и поведенческие нарушения: асоциальность, стереотипность поведения, депрессивные

расстройства и нарушения речи.

В настоящее время усилия многих научных центров направлены на изучение этиопатогенетических механизмов, возникающих при ОНМК, а также на поиск способов коррекции и возвращению пациентов к прежнему уровню функциональной активности. При этом, учитывая гетерогенность и сложность возникающих нарушений, адекватным подходом для решения проблемы представляется создание комплексного индивидуально-подхода к лечению и коррекции этой аномалии.

Именно поэтому большое значение имеет индивидуально-личностный подход к состоянию каждого пациента: лечащий специалист должен владеть информацией о его профессиональных интересах, значимых событиях личной жизни, преморбидных увлечениях и типе нервной системы. Особое внимание следует уделить изучению сопутствующих заболеваний при их наличии, в особенности тех, что накладывают серьёзные ограничения на образ жизни человека. К таким нарушениям можно отнести ряд системных патологий: сахарный диабет, заболевания сердечно-сосудистой системы, психические расстройства и зависимости. Для этого важно исследовать глубину повреждений ВПФ всеми доступными методами – МРТ, КТ, опрос больного и изучение состояния его когнитивных функций [13, 14].

Как правило, вместе с терапией лекарственными препаратами лечение должно проводиться и психосоциальными методами: для коррекции нейропсихологических нарушений и контроля общего состояния больного важно участие психолога, невропатолога, психиатра, логопеда и окружения пациента. Для составления качественной и количественной оценки общего состояния когнитивных процессов пациента, а также возможных прогнозов о дальнейшем лечении специалист должен применять широкий спектр тестов и методик.

Так для первичной экспресс-оценки когнитивных функций пациента целесообразно применение опросника MMSE (Mini Mental state Examination), шкалы деменции Матиса, батареи тестов для оценки лобных дисфункций, FAB (Frontal Assessment Battery) и шкалы глобального клинического снижения (Global Deterioration Scale – GDS) [4, 15, 19]. Во избежание переутомления пациента и искажения результатов необходимо проводить диагностику в кратчайшие временные промежутки: не более 30 мин. в день [11].

При построении программы по восстановлению и корректировке ВПФ необходимо придерживаться ряда базовых принципов: постепенное усложнение задач, положительное подкрепление, вне зависимости от результата, а также подкрепление мотивации и коррекции функций, как при индивидуальной, так и при групповой

форме работы. Кроме того, важной особенностью ОНМК является длительность процесса реконвалесценции когнитивных функций, потому специалист должен суметь донести до пациента и его окружения необходимость ежедневного лечения. При этом критериями эффективности программы будут являться не только восстановление когнитивных функций, но и субъективные положительные ощущения пациента в случае успеха [5].

Большую роль при работе с пациентом при любом типе нарушений ВПФ является установление личного контакта и доверия. Как правило, для установки доверительных отношений специалисту необходимо не только тонко чувствовать и понимать больного, но и провести серьёзную подготовительную работу – важно знать, кем пациент работает, сложности и особенности его деятельности, его интересы, увлечения, семейное положение и многое другое. В работе этот аспект поможет решить сразу два важных момента: таким образом, врач и пациент смогут говорить на одном языке и лучше понимать друг друга, а также существенно упрощается восстановление когнитивных функций, связанных с ранее известными пациенту моментами. Например, математик, в отличие от писателя, гораздо проще заново освоит приемы устного счёта.

Кроме того, в случае отсутствия видимого прогресса на определённом этапе кредит доверия к лечащему специалисту поможет сохранить контакт с больным. Именно поэтому начальный этап всех занятий должен быть предельно простым и не вызывать у пациента сложностей при освоении, что повышает энтузиазм и положительные эмоции пациента. На начальных этапах рекомендуется сохранять образцы почерка и голоса пациента для последующего сравнения. Этот аспект позволит наглядно продемонстрировать пациенту его прогресс и подстегнуть уверенность в своих силах.

Следует понимать, что восстановление ВПФ представляет собой сложный процесс, зависящий от многих факторов: локализации повреждения, обширности нарушения и длительности негативного воздействия, от личности пациента, его возраста, и даже того, знает ли он другие языки и какой рукой он ест. При этом, согласно литературным данным, существует прямая зависимость между ранним началом лечения и благоприятным и полным восстановлением ВПФ.

В качестве иллюстрации приведем клинический случай. Больной, мужчина 57 лет, страдающий повышением артериального давления до 240/110 мм, регулярно не обследовался. Поступил в стационар с диагнозом острое нарушение мозгового кровообращения в бассейне левой задней мозговой артерии. При первичном обследовании было установлено: пациент охотно вступает в контакт, ориентирован в месте, времени, собственной

личности. Критика к своему состоянию достаточная, к обследованию мотивирован, допускаемые ошибки стремятся исправить, принимает помощь специалиста. У больного выявляются нейродинамические нарушения: инертность, истощаемость, замедление темпа деятельности, увеличение латентного периода во всех видах деятельности. Произвольная регуляция деятельности не нарушена. Уровень психической активности в процессе обследования средний, отмечаются колебания произвольного внимания и работоспособности, необходим период осмысления задания. Поведение пациента в ситуации обследования адекватное. Больной правша, семейное левшество отрицает. Пациенту доступно понимание простых инструкций, сложных – затруднено. На восприятие речи оказывает влияние дефицитарность в сфере произвольного внимания, инертность, недостаточность в сфере переключения слухового внимания. Объем слухо-речевой памяти существенно ограничен. Спонтанная речь бедная, представлена отдельными частотными словами, выраженный лексический дефицит снижает возможности коммуникативной функции речи. Высказывание не всегда носит ситуативный характер, каких-либо произносительных трудностей не обнаруживается. Темп речи нормальный, интонация адекватна содержанию высказывания. Общие коммуникативные возможности нарушены. Диалогическая речь возможна, но ответы не всегда достаточно информативны. Речевые автоматизмы у больного полностью сохранены. Повторная речь в целом сохранена. У больного имеются выраженные трудности называния, преимущественно предметов, обусловленные недостаточностью в сфере зрительных представлений. У больного выявляются выраженные нарушения в сфере зрительного предметного гнозиса, а также буквенная агнозия.

В результате нейропсихологического обследования были выявлены амнестическая афазия, буквенная и предметная агнозия, нарушения нейродинамического компонента психической деятельности.

В процессе определения курса лечения и его осуществления принимал участие широкий спектр специалистов: терапевт, врач ЛФК, психотерапевт, афазиолог, психолог и младший медицинский персонал. Курс лечения, помимо соответствующей лекарственной терапии (пирацетам 1200мг/кг, актовегин 80 мг/кг, глицин 100мг/кг) составил проведение ежедневных индивидуальных занятий на протяжении 8 недель по 60 минут в день.

Для восстановления оптических образов было использовано несколько методик: методики применения объёмных букв и моторного двигательного образа буквы (изображение буквы в воздухе) в сочетании с методом проговаривания, а также слуховой метод актуализации образа буквы. При использовании этих подходов отмечалось улучшение речи в виде уменьшения латентного

периода при назывании предметов.

Большая часть работы была уделена закреплению оптического образа рукописной и печатной буквы. При этом сами буквы были рассмотрены не изолированно, а внутри слова, что требовало от пациента детального анализа при чтении и письме. В этом случае были применены методики вербального анализа при сравнении оптически сходных букв. Большая роль при коррекции этих нарушений уделялась написанию отдельных букв и простых по слоговой структуре слов с опорой на двигательный образ, например, написание букв в воздухе.

После его прохождения у пациента отмечалась положительная динамика – восстановление оптического образа различных бытовых предметов, выраженное в увеличении частоты использования названий бытовых предметов, уменьшение степени выраженности амнестической афазии, заключающееся во введении в речь различных смысловых конструкций, а также заметное улучшение чтения и понимания прочитанного (от побуквенного прочтения слов был замечен переход к пословному варианту).

Существенно важную роль в восстановлении сыграло применение индивидуального подхода и использование «триггерных» материалов: так как пациент – филолог, то специалистом был применён ряд заведомо ложных утверждений основных правил, терминов и фамилий известных филологов, что работало как усилитель внимания, побуждая пациента к исправлению, и как своеобразная стимуляция интереса в случае диалоговой формы работы.

Таким образом, раннее своевременное проведение комплексного восстановительного обучения при соблюдении ряда условий создаёт предпосылки для полного восстановления когнитивных функций, даже в случае вышеуказанного многоаспектного и сложного повреждения: амнестической афазии, буквенной агнозии и алексии.

В соответствии с имеющейся у пациента симптоматикой когнитивных нарушений была составлена программа комплексных мероприятий:

Проведение индивидуальных занятий 3 раза в неделю по 60 минут. Главный акцент занятий был сделан на индивидуально-психологический подход в лечении, который заключался в использовании базовых основ хорошо знакомой пациенту дисциплины – филологии. Например, затрагивались вопросы происхождения и изменения языков различных групп, принадлежность слов к тому или иному языку, особенности их образования и видоизменения. Кроме того, при работе большое внимание уделялось ряду конкретных вопросов и тер-

минов: так как по своей профессии пациент был филологом-лингвистом, специализирующимся на исследовании языков англо-фризской группы, поэтому специалист на занятиях включал в работу особенности адаптации при распространении этих языков, в частности явление «пиджинов».

На более поздних этапах работы обсуждались основные работы известных филологов – Д.Р.Д. Толкиена, Р.Д. Эльяшевича, Г.М. Маклюэна. Специалист интересовался мнением больного, его позицией, а также основными сложностями при работе с новым материалом.

Кроме того, для реконвалесценции когнитивных функций был сделан акцент на арт-терапию для восстановления идеомоторного праксиса, усиления концентрации и скорости ориентирования во времени и пространстве. Кроме того, именно этот этап занятий является первым звеном в социализации пациента, а также формировании позитивной жизненной перспективы и корректировкой его речевых навыков. В начале каждого занятия были проведены упражнения, направленные на усиление концентрации внимания (оптическая и пальцевая гимнастика, музыка- и арт-терапия).

Для дальнейшего сохранения достигнутого прогресса была рекомендована работа с дидактическими тренажерами в соответствии с нейропсихологическими данными пациента. Суть тренировки заключается в восстановлении навыков самообслуживания и работе на тренажерах разной направленности:

- восстановление конструктивного праксиса, предметного гнозиса – складывание мозаики, конструктора;
- восстановление счётных навыков, логического мышления и укрепления внимания через игры – лото, домино;
- восстановление зрительной памяти – сложение кубиков, архитектурное лото;
- восстановление бытовых навыков – работа с домашней утварью, столовыми приборами, деталя-

ми одежды [10, 16, 17].

Несмотря на то, что психокоррекционная работа в стационарных условиях достаточно эффективна, пациенту необходимо обеспечить оттачивание его социальных навыков, что предполагает его общение с семьёй и окружением. Именно поэтому специалист должен доступно объяснить необходимость продолжения дальнейшего курса лечения в домашних условиях [3]. При этом важной деталью в работе с людьми, опекающими больного, будет являться аспект предоставления пациенту постепенно увеличивающейся свободы и приятие роли не надзирателя, а советника. Так, рекомендуется стимулировать пациента по мере его сил на самообслуживание, ведение с ним ежедневных бесед и предоставление ему выбора в принятии простых решений [7].

В результате становится очевидна значимость комплексного подхода при лечении симптомов и механизмов ОНМК и коррекции специфики их проявления. Очевидно, что только благодаря тщательному и педантичному подбору видов и способов активности для каждого конкретного пациента с учётом клинической картины его поражений, можно достичь восстановления прежнего уровня когнитивных функций. При этом, рассматривая синдром ОНМК как комплексную аномалию, вносящую целый каскад изменений в структуру личности, можно добиться возвращения к прежней жизни пациента и нивелированию негативной симптоматики [12].

Поскольку ВПФ человека представляют собой совокупность результатов взаимодействия факторов ментального и физического здоровья, его окружения и общего благополучия, то на их состояние способен оказывать влияние широкий спектр факторов. Принимая во внимание сложность и гетерогенность психических процессов, необходимо понимать, что при их коррекции следует применять комплексный и системный подход к разработке программы восстановительного обучения, что позволит достичь нужного результата в кратчайшие сроки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулаева Н.Н., Вязикова Н.Ф., Шмырина К.В. Особенности эпилепсии у лиц, перенёсших острое нарушение мозгового кровообращения // *Dobrokhotov readings*. 2017. № 31. С. 11–18.
2. Антонова К.В., Танащян М.М., Романцова Т.И., Максимова М.Ю. Острые нарушения мозгового кровообращения: клинические течения и прогноз у больных сахарным диабетом 2 типа // *Ожирение и метаболизм*. 2016. № 2. С. 13.
3. Вахнина Н.В., Парфенов В.А., Никитина Л.Ю. Когнитивные нарушения при инсульте и их лечение мемантином // *Клиническая геронтология*. 2005. № 11(8). С. 49–52.
4. Голубятникова В.И., Кузнецова А.А. Основные подходы к диагностике нарушений речи и других высших психических функций в структуре помощи больным с острым нарушением мозгового кровообращения // *Коллекция гуманитарных исследований*. 2017. № 1. С. 4.
5. Джурабекова А.Т., Шмырина К.В., Рашидова С.И. Острые нарушения мозгового кровообращения у детей // *Актуальные проблемы медицинской науки и образования*. 2019. № 4. С. 238–240.

6. Ермакова Н.Г. Психотерапевтическая среда при реабилитации больных с последствиями инсульта-одна из форм терапии средой // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология, 2016. № 9(2). С.8.
7. Ермакова Н.Г. Психологическая коррекция нарушения высших психических функций больных с последствиями инсульта в нейрореабилитации (теоретико-методологические аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 2008. № 2. С.345–353.
8. Ковальчук В.В., Гусев А.О., Минуллин Т.И., Нестерин К.В. Реабилитация пациентов после инсульта. Критерий эффективности и факторы успеха: роль физической и медикаментозной терапии // Эффективная фармакотерапия. 2017. № 19. С.62–73.
9. Мачинский П.А., Плотникова Н.А., Ульянов В.Е., Кемайкин С.П., Рыбаков А.Г. Сравнительная характеристика показателей смертности и летальности от ишемического и геморрагического инсультов в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки, 2019. № 3(51). С. 101–118.
10. Никитин М.В., Шонгина Н.Н. Чукина И.М. Восстановление речи и других высших психических функций у пациентов, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения, на стадии реабилитации в условиях санаторного комплекса // Colloquium journal. 2019. № 5. С. 29.
11. Шмырина К.В., Вязикова Н.Ф., Абдулаева Н.Н., Исламова Д.С. Роль среднего медицинского персонала в реабилитации пациентов с последствиями перенесённого острого нарушения мозгового кровообращения. // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2019. № 4. С. 21–24.
12. Custodio N., Bererra-Becerra Y., Alva-Diaz C., Montesion R., Lira D., Herrera-Perez E., Castro-Suarez S. Validation and diagnostic accuracy of the global deterioration scale (GDS) to establish severity of dementia in a population of Lima // CES Medicina, 2017. 31(1). P. 14–26.
13. Honda M., Ichibayashi R., Suzuki G., Toyoda Y., Watanab M., Serizawa H., Seiki Y. Мозговое кровообращение у больных черепно-мозговой травмой с острой субдуральной гематомой: ксеновая КТ и перфузионная КТ-исследование // Скорая нейрохирургическая помощь. 2018. № 23(1). С. 1–9.
14. Martin A., Domercq M., Matute C. Inflammation in stroke: the role of cholinergic, purinergic and glutamatergic signaling // Therapeutic advances in neurological disorders, 2018. № 11. С. 67.
15. Mitchell A.J. The mini-Mental State Examination (MMSE): update on its diagnostic accuracy and clinical utility for cognitive disorders. In Cognitive screening instruments, Springer, Cham, 2017. P. 37–48.
16. Nadareishvili Z., Luby M., Leigh R., Shah J., Lynch J.K., Hsia A.W., Latour L. L. An MRI hypertense acute reperfusion marker is related to elevated peripheral monocyte count in acute ischemic stroke // Journal of Neuroimaging. 2018. 28(1). P. 57–60.
17. Sten K., Just J., Blauenfeld R.A., Drasbek K.R. Extracellular Vesicle in acute Stroke Diagnostics // Biomedicines. 2020. 8(8). P. 248.
18. Tarvolen-Scroder S., Hume S., Laimi K. The World Health Organization disability assessment schedule (WHODAS 2.0) and the WHO minimal generic set of functioning and health versus conventional instruments in subacute stroke // Journal of rehabilitation medicine. 2019. № 51(9). P. 675–682.
19. Zhao L., Xiong Q., Staty C.M., Mahgoub O.K., Ye Y., Gu L., Zhu S. Bidirectional gut-brain-microbiota axis as a potential link between inflammatory bowel disease and ischemic stroke // Journal of Neuroimaging, 2018. № 28(1). P. 57–60.
20. Zhu Y., Zhao S., Fan Z., Li Z., He F., Lin C., Zhang B. Evaluation of the Mini-Mental State Examination and the Montreal Cognitive Assessment for Predicting Post-stroke Cognitive Impairments During the Acute Phase in Chinese Minor Stroke Patients. Frontiers in aging neuroscience. 2020. № 12, P. 236.

© Земцева Наталья Владимировна (nataliznv@mail.ru), Тишина Людмила Александровна (tishinala@mgppu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗ СЧАСТЬЯ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ: АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Изотова Ирина Юрьевна

*Аспирант, Тихоокеанский государственный университет
izo27@mail.ru*

THE IMAGE OF HAPPINESS IN EVERYDAY CONSCIOUSNESS: AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT

I. Izotova

Summary: This paper examines the concept of happiness in everyday consciousness. The specifics of happiness are considered. With the help of an associative experiment, the descriptors of happiness can be grouped into 5 categories: the subject of happiness, the object of happiness, the image of happiness, internal and external signs of happiness. 22 subcategories of the implicit structure of happiness were also identified.

Keywords: happiness, associative experiment, subject of happiness, object of happiness, image of happiness, internal signs of happiness, external signs of happiness.

Аннотация: В данной работе исследуется понятие счастье в обыденном сознании. Рассматривается специфика счастья. С помощью ассоциативного эксперимента дескрипторы счастья можно сгруппировать в 5 категорий: субъект счастья, объект счастья, образ счастья, внутренние и внешние признаки счастья. Так же были выделены 22 подкатегории имплицитной структуры счастья.

Ключевые слова: счастье, ассоциативный эксперимент, субъект счастья, объект счастья, образ счастья, внутренние признаки счастья, внешние признаки счастья.

Часто определения счастья от лучших умов человечества довольно разнятся: от мирного и спокойного принятия мира со всем его многообразии, до динамичного переустройства через противостояние и страдания.

Далай-лама считал, что счастье — это не то, что мы получаем в готовом виде. Оно происходит из наших собственных действий [1]. Элеонора Рузвельт полагала, что счастье — это не цель, это побочный продукт [2]. Теодор Исаак Рубин рассуждал, что счастье не приходит от выполнения легкой работы. Это послевкусие от того удовлетворения, которое приходит после решения трудной задачи, которая требовала всего, на что вы способны.

И если задуматься о счастье, то возникают объективные вопросы. Что такое счастье? Какие критерии счастья? Существует ли счастье или это выдумка? Во времена Аристотеля, философы стремились осмыслить эти вопросы. Аристотель определял счастье, как деятельность души в полноте добродетели. Он утверждал, что как таковое понимание счастья на прямую зависит от того, кого мы спрашиваем. В связи с этим возникла важная идея о том, что счастье у всех разное. Он считал, что счастье — это высшее благо, доступное человеку, но в чем именно заключается благо возникают расхождения [3].

Есть и другое мнение, согласно которому счастливым является человек, который ощущает себя таковым. При

таком подходе под счастьем понимается некоторое эмоциональное состояние, возможное максимальное положительное переживание.

Показатель счастья по большей части зависит от общего склад личности, характера и темперамента и в большей степени вопрос субъективного взгляда. Психолог Урсула Штанудингер описывает парадокс субъективного благополучия, и считает, что люди могут быть счастливы независимо от наличия очевидных причин для этого [4].

Американские психологи Соня Любомирски и Кен Шелдон сформировали новую модель счастья, которая была основана на обширных исследованиях, и назвали ее «модель пирога». Данная модель состоит из 3 частей, и содержит разные факторы, с помощью которых люди оценивают уровень счастья или степень удовлетворенности своей жизни:

1. внешние факторы, которые не зависят от нас (место рождения, условия в которых мы живем и др.);
2. внутренние качества, связаны с устойчивым складом личности (эмоционально устойчивые и способны справляться со стрессом);
3. это то, что человек создает собственными руками (наши цели, отношения, которые мы выстраиваем с другими людьми).

В рамках исследования теоретической базы были рассмотрены различные формулы и модели счастья. Мы

считаем, для изучения понимания счастья в обыденном сознании можно использовать ассоциативный эксперимент.

Применение ассоциативного эксперимента позволяет создавать экспериментальные ситуации, заключающиеся в предъявлении испытуемым различных заданий и вызывающие их вербальные реакции, имеющие неосознанный стереотипный характер, превратившиеся в «...навык, в стандарт восприятия и поведения».

Объектом исследования в ассоциативном эксперименте являются системы слов, а предметом – психологические закономерности их проявления. Ассоциативный эксперимент позволяет на основе формальной обработки данных сделать выводы относительно закономерностей «...семантического родства слов (или, вернее, субъективного переживания испытуемым степени их семантического родства)». Ассоциативная техника отражает как когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, так и индивидуальные особенности испытуемых, их личностные смыслы. Последующая статистическая обработка устраняет влияние индивидуальных особенностей, выделяя аспекты, общие для всей группы испытуемых. Дополнительным преимуществом ассоциативного эксперимента является его простота, удобство применения, возможность работать с большой группой испытуемых одновременно, выделять некоторые неосознаваемые компоненты значения.

Таким образом, ассоциативный эксперимент позволяет получить ассоциативные нормы для изучаемого социального объекта, определить набор основных понятий, ставших его символами в сознании людей. На основании частотного и последующего логико-дедуктивного анализа выделяются смысловые блоки в восприятии объекта и реконструируется семантическое содержание образа в коллективном сознании. В итоге, исследуемый имидж объекта предстает как сложное образование, функционирующее в коллективном сознании как система образов и представлений, взаимосвязанных между собой.

Анализ материалов ассоциативных опытов позволяет не только установить состав семантических групп, входящих в семантическую систему тестируемого объекта, но и некоторые особенности их взаимосвязи. Это дает возможность сделать вывод об особенностях восприятия объекта в массовом сознании. Полученные слова-ассоциации и их классификация могут быть использованы для разработки инструментария на следующих этапах исследования.

Методы обработки информации: контент-анализ, математические методы статистической обработ-

ки данных: среднее статистическое значение, количественная и качественная обработка, сравнительный и частотный анализ.

Изучение имплицитной структуры конструкта «счастье»

Для изучения имплицитной структуры представлений о счастье, был использован ассоциативный эксперимент. Данные методик позволили изучить психосемантическое пространство категории «счастье», а также определить категориальную структуру представлений о счастье.

Первым шагом нашего исследования стало проведение ассоциативного эксперимента. Всего в эксперименте участвовало 80 человек.

В качестве стимула в ассоциативном эксперименте были предъявлены понятия «счастье». Данные ассоциативного эксперимента были обработаны методом контент-анализа (Приложение). В качестве единиц анализа выступали слова ассоциации, которые были сгруппированы в основные категории анализа, такие как:

- субъект счастья;
- объект счастья;
- образ счастья;
- внутренние признаки счастья;
- внешние признаки счастья.

Общее количество ассоциаций составило – 939, в среднем по 12 от каждого респондента. Вклад категорий в пространство, отражающее их представления о счастье неоднороден (таблица 1).

Таблица 1.

Категориальное пространство, отражающее представление респондентов о счастье.

Наименование категории	кол-во ассоциаций	%вклад в массиве ассоциаций
субъект счастья	151	16,1
объект счастья	164	17,5
образ счастья	240	25,6
внутренние признаки счастья	268	28,5
внешние признаки счастья	116	12,4

Субъектом счастья являются те с кем респонденты ассоциируют данное понятие. Весь объем ассоциаций, входящий в данную категорию можно разбить на пять групп:

- люди, связанные семейным родством (дети, мама, муж, жена, дочь, сестра, родители, семья);
- люди, не имеющие семейных связей, но находящиеся с испытуемым в близких, дружественных

- отношения (близкие, свои люди, друзья);
- люди, не входящие в близкое окружение респондента (приятные люди, интересные люди, незнакомцы);
- домашние питомцы (животные, кошка, кролик, попугай, собака);
- объективированная сверхъестественная сущность (Бог).

Объектом счастья является то с чем респонденты ас-

социируют данное понятие. В объектах счастья можно выделить подкатегории:

- природные объекты (море, природа, солнце, радуга, цветы, закат, водопад, воздух, дождь и др.);
- продукты питания (вкусная еда, мороженное, кофе, сладкое, мороженное и др.);
- недвижимость (дом, крыша над головой и т.д.);
- социальные объекты (деньги, машина, архитектура, парфюм, подарки, праздник и др.).

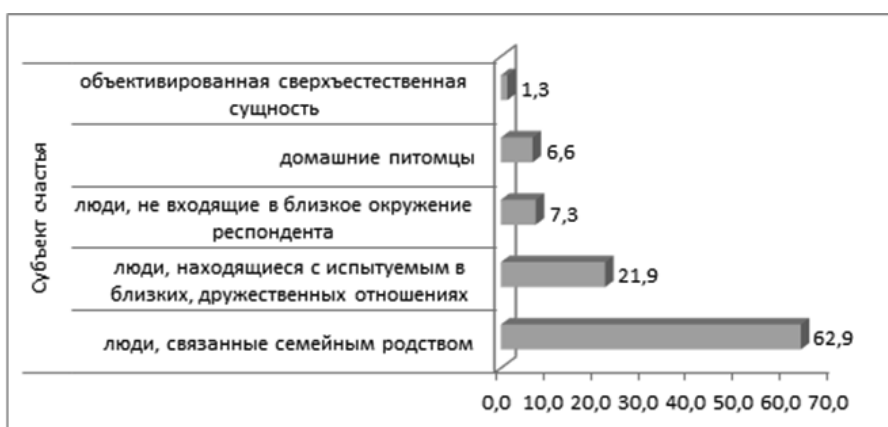

Рис. 1. Группа «субъект счастья» ассоциации респондентов.

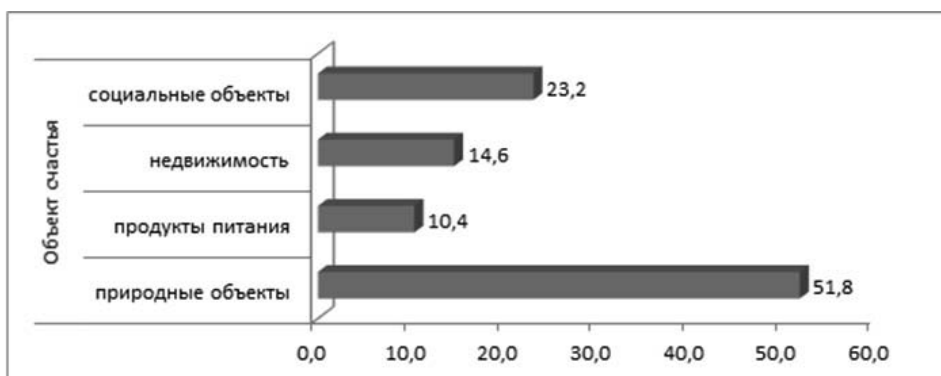

Рис. 2. Группа «объект счастья» ассоциации респондентов.

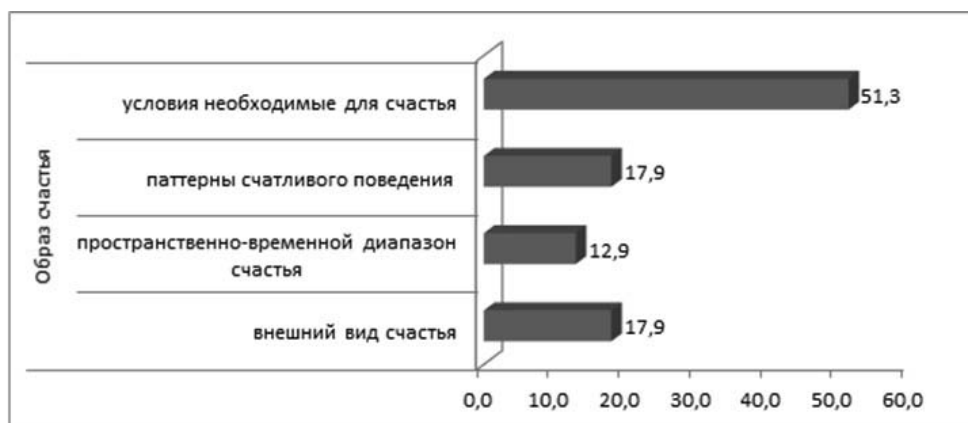

Рис. 3. Группа «образ счастья» ассоциации респондентов.

Образ счастья включает представления о том какое оно, где его можно достичь, а также паттерны счастливого поведения:

- внешний вид счастья – белое, зеленое, прозрачное, ветер в волосах, сияние глаз, объятия, держать за руку, поцелуй, улыбка, смех и др.;
- пространственно-временной диапазон счастья (детство, молодость, прошлое, жизнь без иллюзий и ожиданий, утро, день, лето, осень, Париж);
- паттерны счастливого поведения (интересная работа, путешествие, отдых, отпуск, секс, хобби, танцы, творчество и др.);
- условия необходимые для счастья (здоровье, здоровье близких, духовность, возможность чувственного познания).

К внешним признакам счастья респонденты относят:

- внешнее благополучие (благополучие, признание, безопасность, благодарность, защита, взаимопонимание, поддержка и др.);
- забота (уважение, делиться, возможности, идеи которые сбылись, открытость, создание, терпение и др.);
- изобилие (иметь, достаток, успех, достижение цели, открытие, осваивать, приумножение и др.);
- комфорт (тепло, тишина, красота, стабильность,

мир, красивое тело, чистота и др.).

К внутренним признакам счастья респонденты относят:

- спокойствие (отсутствие переживаний, любовь к себе, гармония, наполненность, умиротворение, доверие, баланс с телом и мыслями);
- саморазвитие (знания, ресурсность, полезность, нужность, интерес, преодоление, созерцание и др.);
- радость (веселье, впечатления, удовольствие, легкость, полет, блаженство и др.);
- любовь (любить и быть любимым, слабость, чувства, эмоции, хорошее настроение и др.);
- свобода (уверенность, самодостаточность, ответственность, независимость, осознанность и др.).

Таким образом, сконструированная имплицитная структура конструкта «счастье» включает 5 категорий и 22 подкатегории (таблица 2).

Выводы: Таким образом в ходе эмпирического исследования мы обнаружили, что дескрипторы счастья можно сгруппировать в 5 категорий: субъект счастья, объект счастья, образ счастья, внутренние и внешние признаки счастья.

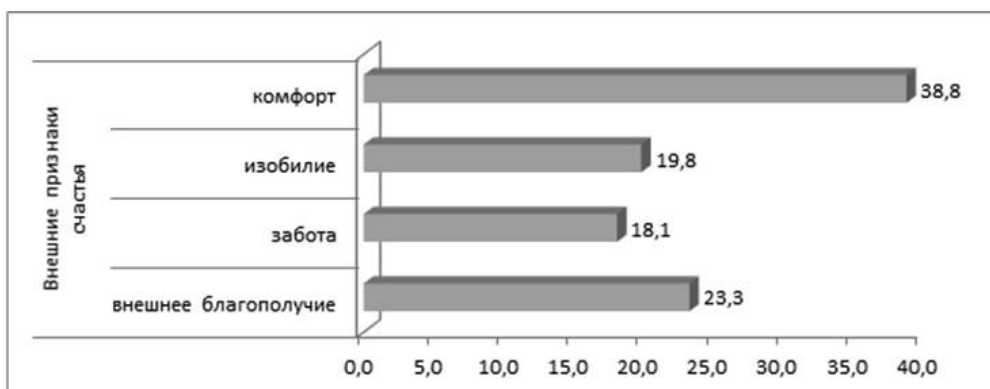

Рис. 4. Группа «внешние признаки счастья» ассоциации респондентов.

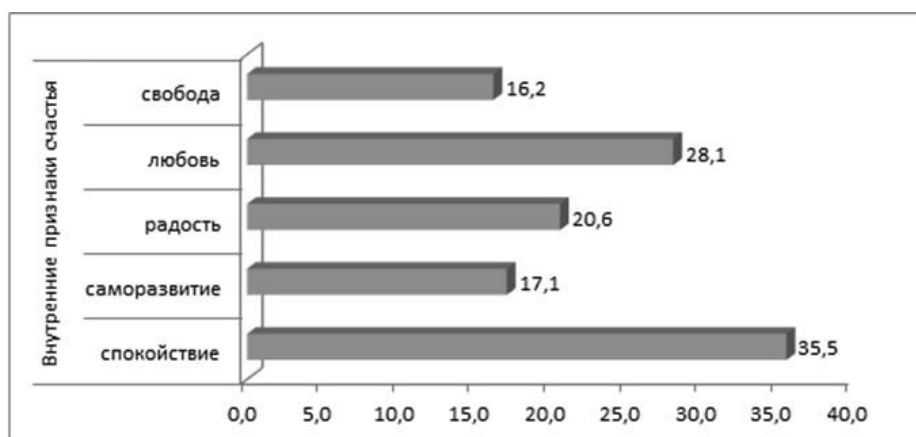

Рис. 5. Группа «внутренние признаки счастья» ассоциации респондентов.

ИмPLICITная структура конструкта «счастье»

Категория	Подкатегория	Частота единиц анализа подкатегорий	Влад подкатегорий
Субъект счастья	люди, связанные семейным родством	95	62,9
	люди, не имеющие семейных связей, но находящиеся с испытуемым в близких, дружественных отношениях	33	21,9
	люди, не входящие в близкое окружение респондента	11	7,3
	домашние питомцы	10	6,6
	объективированная сверхъестественная сущность	2	1,3
Объект счастья	природные объекты	85	51,8
	продукты питания	17	10,4
	недвижимость	24	14,6
	социальные объекты	38	23,2
Образ счастья	внешний вид счастья	43	17,9
	пространственно-временной диапазон счастья	31	12,9
	паттерны счастливого поведения	43	17,9
	условия необходимые для счастья	123	51,3
Внешние признаки счастья	внешнее благополучие	27	23,3
	забота	21	18,1
	изобилие	23	19,8
	комфорт	45	38,8
Внутренние признаки счастья	спокойствие	81	35,5
	саморазвитие	39	17,1
	радость	47	20,6
	любовь	64	28,1
	свобода	37	16,2

Категория «субъект счастья» включает в себя следующие подкатегории:

- люди, связанные семейным родством;
- люди, не имеющие семейных связей, но находящиеся с испытуемым в близких, дружественных отношениях;
- люди, не входящие в близкое окружение респондента;
- домашние питомцы;
- объективированная сверхъестественная сущность.

Категория «объект счастья» включает в себя следующие подкатегории:

- природные объекты;
- продукты питания;
- недвижимость;
- социальные объекты.

Категория «образ счастья» включает в себя следующие подкатегории:

Категория «внешние признаки счастья» включает в себя следующие подкатегории:

- внешний вид;
- пространственно — временной диапазон счастья;
- условия необходимые для счастья;
- паттерны счастливого поведения.

Категория «внутренние признаки счастья» включает в себя следующие подкатегории:

- внешние благополучие;
- забота;
- изобилие;
- комфорт.

Категория «внутренние признаки счастья» включает в себя следующие подкатегории:

- спокойствие;
- саморазвитие;
- радость;
- любовь;
- свобода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нориюки У. Далай-лама о главном. М.: Издательский дом Ориенталия, 2014, С. 25
2. Roosevelt E. You Learn by Living. Harper & Brothers Publishers, 1960., Р. 95.
3. Аристотель. О душе. Рипол классик, 2018., С. 21 – 23,
4. Электронный ресурс <https://nauchkor.ru/media/chto-takoe-schastie-57b4841e5f1be72d74516f52>
5. Любомирски С. Психология счастья. Новый подход. СПб.: Издательский Дом Питер, 2014., стр. 89 — 95.

© Изотова Ирина Юрьевна (izo27@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ

METHODS FOR EVALUATING THE CORPORATE CULTURE OF AN ORGANIZATION

**T. Kurbatskaya
N. Vysotskaya
N. Kurbatsky
A. Gamirullina**

Summary: It is impossible to effectively manage a modern organization without taking into account the peculiarities of its corporate culture. Corporate culture is the rules of behavior recognized in a particular organization (values; social, communicative and moral norms; rituals; corporate identity) and management rules (organizational structure, communications, personnel policy). The corporate culture serves as the foundation for interaction between employees in the process of achieving the established goals of the organization, helping management to fulfill the mission of the organization. The influence of corporate culture covers the entire organization and is an essential element of its activities, which forms its unique image. A positive effect from the influence of corporate culture is achieved only when it is supported by the majority of employees, not only in words, but also in deeds. That is why the formation of the correct corporate culture of the organization is necessary for its functioning and correct development.

Keywords: diagnostics, corporation, corporate culture, organization, efficiency, methods, methods for assessing corporate culture, research, characteristics of methods for diagnosing the corporate culture of an organization.

Курбацкая Татьяна Борисовна

*К.псх.н., доцент, Московский университет им. С.Ю. Витте; доцент, Российский университет транспорта
alterego123@yandex.ru*

Высоцкая Наталья Владимировна

*Д.э.н., профессор, Российский университет транспорта
vyssotsk@mail.ru*

Курбацкий Никита Владимирович

Московский университет им. С.Ю. Витте

Гамируллина Анастасия Сергеевна

*Российский университет транспорта
a.gamirullina@yandex.ru*

Аннотация: Управление современной организацией невозможно эффективно осуществлять без учета особенностей ее корпоративной культуры. Корпоративная культура – это признаваемые в конкретной организации правила поведения (ценности; социальные, коммуникативные и моральные нормы; ритуалы; фирменный стиль) и правила управления (организационная структура, коммуникации, кадровая политика). Корпоративная культура служит фундаментом взаимодействия между работниками в процессе достижения поставленных целей организации, помогая руководству выполнять миссию организации. Влияние корпоративной культуры охватывает всю организацию и является важнейшим элементом ее деятельности, который формирует ее неповторимый образ. Положительный эффект от влияния корпоративной культуры достигается лишь в том случае, когда она поддерживается большинством работников не только на словах, но и на деле. Именно поэтому, формирование правильной корпоративной культуры организации необходимо для ее функционирования и правильного развития.

Ключевые слова: диагностика, корпорация, корпоративная культура, организация, эффективность, методы, методика оценки корпоративной культуры, исследование, характеристика методов диагностики корпоративной культуры организации.

В ходе поиска и анализа литературы [Курбацкая Т.Б., Мяслина Н.Ж., 2020] выяснилось, что для коррекции корпоративной культуры можно использовать следующие диагностические методики:

1. опросник Д. Денисона «Оценка корпоративной культуры и развития лидерства»;
2. методику определения типа корпоративной культуры (по Т.Ю. Базарову);
3. методику выявления качества корпоративной культуры предложенной компанией Nationwide Brokerage Solutions (NBS);
4. методику Р. Гэлэгера;
5. методику «Target Culture Modeling – C-Sort».

Краткая характеристика данных методов:

1. Опросник организационной культуры Д. Денисона «Оценка корпоративной культуры и развития лидерства»

Данная модель и анкета организационной культуры появилась в результате 15 лет исследований доктора Дэниэля Денисона - профессора организационного развития в IMD, Международном Институте Развития Управления в Лозанне, Швейцария. Модель легла в основу двух диагностических исследований организационной культуры и развития лидерства, - проведенных доктором Дэниэлем Денисоном и Вильямом Нилом [Курбацкая Т.Б., Мяслина Н.Ж., 2020]. Результаты этих обследований сейчас используются более чем в 1200 организациях по всему миру. Денисон изучал корреляцию между определенными чертами организационной культуры и организационной эффективностью. Рассматриваемые черты

культуры: вовлеченность, последовательность (постоянство, согласованность, логичность), приспособляемость (адаптация) и миссия (рис.1).

Параметр «Способность к адаптации» можно оценить с помощью индекса способности к изменениям, индекса внимания к клиентам, индекса обучаемости организации.

Параметр «Миссия» - с помощью индекса стратегического направления и намерения, индекса целей и задач, индекса видения.

Параметр «Согласованность» включает в себя индекс координации и интеграции, индекс способности к консенсусу, индекс вовлеченности в ценности.

Параметр «Вовлеченность» оценивается с помощью индекса предоставления полномочий, индекса возможности развития, индекса ориентации на работу в команде.

2. Методика выявления типа корпоративной культуры (автор Т.Ю. Базаров)

Методика разработана профессором Т.Ю. Базаровым и предназначена для выявления типа организационной культуры [Базаров Т.Ю., 2014]. Среди исследуемых параметров - векторы направления, задаваемые руководством; особенности управления персоналом; особенности потребностей и мотивации персонала; особенности управления конфликтами; коммуникационного менеджмента; специфика принятия управленческих решений.

3. Методика выявления качества корпоративной культуры (NBS)

Данная методика позволяет получить данные об отношении к изменениям в организации, особенностях командообразования, использования стандартных алгоритмов работы, об отношении к инициативе и новаторству персонала, оценке труда [Курбацкая Т.Б., Мяслина Н.Ж., 2020]. Также можно получить информацию об особенностях обучения персонала, отношению к ответственности за выполненную деятельность, адекватности распределения ресурсов, уровне коммуникативного менеджмента, оценке организационной культуры со стороны руководства и направленной на достижение высоких показателей индекса «счастья» и максимальное вовлечение сотрудников рабочий процесс.

4. Опросник Р. Гэлэгера по оценке бизнес-культуры компании

Существует множество методик оценки любого бизнеса или производства с финансовой точки зрения [Гэлэгер Р, 2006]. Также имеются эффективные методики для большинства управленческих аспектов, от производительности труда до торгового оборота. Но бизнес-культуру труднее описать цифрами, даже если она играет важнейшую роль в успехах по всем прочим показателям. Однако можно заметить некоторые ключевые факторы, чтобы получить полную картину существующей бизнес-культуры любой организации. Опрос-

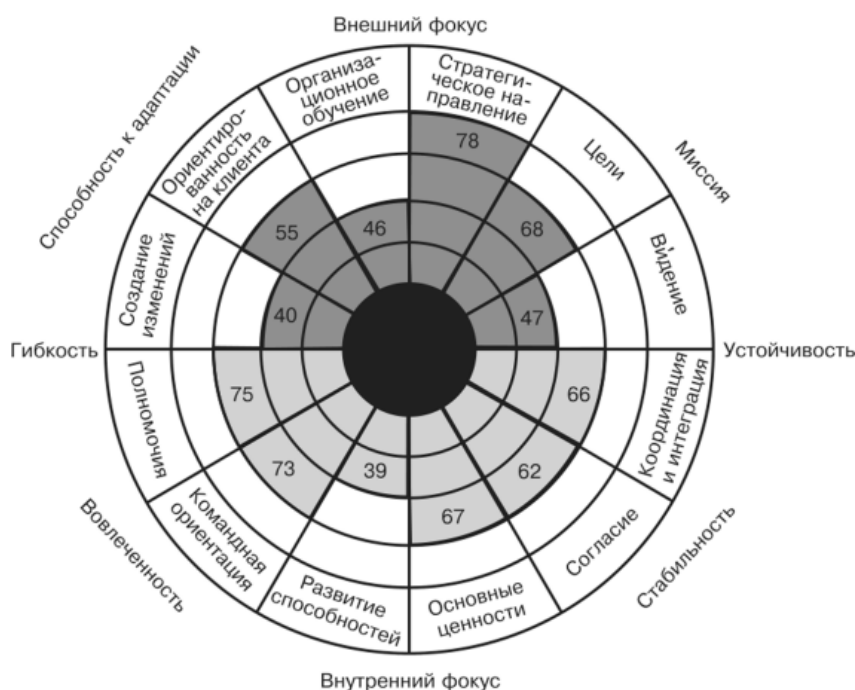

Рис. 1. Параметры корпоративной культуры по Д. Дэнисону

ник Р. Гэлэгера позволяет с другого ракурса взглянуть на сильные стороны культуры компании. В каждом пункте опросника были утверждения, представляющие собой разные, но равноценные по значимости точки зрения на ценности компании. Следовало выбрать то утверждение, которое более точно описывает рабочую обстановку организации, и отметить подходящий ответ. Исследуемые характеристики: превосходство на уровне операций, позитивность рабочей обстановки, особенности построения команд, управления ростом и изменениями, особенности обслуживания клиентов, наличия любви к работе.

5. Методика К. Камерона и Р. Куинна по оценке эффективности корпоративной культуры в организации OCAI (Organization Culture Appreciation Instrument)

Одной из методик диагностики и изменения корпоративной культуры является методика OCAI (Organization Culture Appreciation Instrument). Данная методика, разработанная К. Камероном и Р. Куинном [Камерон К., Куинн Р., 2001], позволяет обработкой специальных анкет определить количественные вклады базовых организационных культур в исследуемую культуру. Измерение конкурирующих ценностей в модели производится с помощью «шкалированных» вопросников. Оцениваются пять параметров культуры на их настоящем и желаемом уровне: важнейшие характеристики организации, стиль лидерства и руководства, управление наемными работниками, сущность организации, стратегическая направленность. В анкете параметр «А» соответствует клановой оргкультуре, «В» - адхократической, «С» - рыночной, «D» - иерархической. По методике OCAI находятся усредненные количественные вклады a, b, c, d базовых типов организационных культур и откладываются на биссектрисах соответствующих квадрантов (рис.1). Сумма $a + b + c + d = e$ должна быть постоянной, что важно при сравнении разных профилей (четырёхугольник ABCD) и наиболее естественно полагать $e = 100$, так как тогда a, b, c, d выражают процентные вклады базовых типов организационных культур в исследуемую культуру. Преимущество методики OCAI: во-первых, общая модель описывает ценности культуры организации в связи с каждым отдельным подходом к определению эффективности и сопоставляет перспективу одного подхода со всеми другими; во-вторых, она позволяет классифицировать организации по признаку принадлежности к тому или иному типу культуры и определить силу данной культуры; в-третьих, использование графических профилей может служить эффективным инструментом корпоративной диагностики. На основе анализа площадей наибольшего различия профилей существующей и желательной культуры можно наметить пути ее изменения и улучшения. Сравнение диаграмм различных параметров для одной и той же культуры или общих профилей для разных подразделений позволяют сделать вывод о культурной

согласованности или несогласованности компании. Равновесное состояние различных аспектов культуры в различных подразделениях ведет к росту сплоченности компании и созданию благоприятного социального климата для принятия управленческих решений. Также с целью диагностики существующего уровня корпоративной культуры целесообразно провести оценку уровня функционального построения системы управления формированием и развитием корпоративной культуры. Если процесс формирования и развития корпоративной культуры является заново проектируемым, уровень функционального построения корпоративной культуры должен быть оценен в первую очередь, так как на основании полученного результата можно судить о достаточности уровня элементарного обеспечения и правильности организационного построения механизма формирования и развития культуры фирмы. Оценка уровня функционального построения корпоративной культуры производится на основании сопоставления тех функций-задач, которые решаются фактически в данной организации, и тех, эталонных, которые должна решать корпоративная культура [Камерон К., Куинн Р., 2001].

Таким образом, корпоративная культура – это признаваемые в конкретной организации правила поведения (ценности; социальные, коммуникативные и моральные нормы; ритуалы; фирменный стиль) и правила управления (организационная структура, коммуникации, кадровая политика). Формированием корпоративной культуры занимается менеджер, входящий в структуру одного из отделов организации. Данный отдел взаимодействует с сотрудниками организации, разрабатывает и внедряет системы обучения, адаптации, мотивации, проводит опросы и занимается вопросами стиля и символики организации. Формирование корпоративной культуры опирается на мнение собственника организации, который определяет ее стратегию, базовые ценности и миссию. Для выполнения этих целей руководство организации может привлечь также специалистов на основе системы аутсорсинга. В настоящее время известны четыре типа корпоративной культуры: бюрократическая, предпринимательская, органическая и партисипативная. Формирование корпоративной культуры включает два этапа: этап формализации, где внедряются регламенты и процедуры и этап координации, где происходит усовершенствование, видоизменение корпоративной культуры. Современная корпоративная культура включает в себя утвержденную систему лидерства, систему коммуникаций, сложившиеся стили решения конфликтных ситуаций, действующую символику (запреты, ограничения, лозунги и ритуалы), статус каждого человека в компании. Под деформацией корпоративной культуры мы подразумеваем изменения в ней и ее структуре. Особенности Европейской корпоративной культуры являются: внедрение основные европейских принципов корпоративного управления (принципы ОЭСР), которые

становятся основой гарантий для обеспечения защиты прав и законных интересов акционеров и инвесторов. В Европейских организациях предусмотрена корпоративная адаптация новых сотрудников; размещение ценностей корпоративной культуры, правил и лозунгов организации на различных носителях; встречи, выступления перед персоналом, во время которых декларируются корпоративные ценности, правила и цели. К особенностям Российской корпоративной культуры можно отнести объединение сотрудников в группы. В Российской модели корпоративной культуры можно наблюдать опору на личные связи и протекцию, что указывает на неформальность отношений. Таким образом, корпоративная культура в Российских организациях подразумевает наличие корпоративного духа, латентных правил, более характерных для азиатских культур. Часто в организациях не предусмотрена корпоративная адаптация новых сотрудников. В ходе анализа были выявлены следующие деформации в корпоративной культуре: формирование

культуры на неформальном принципе, что ведет к размыванию основ корпоративной культуры; повышение дистанции между начальством и сотрудниками, что ведет к недовольству и расслоению в среде сотрудников, а также к моббингу. Для эффективной коррекции корпоративной культуры необходимо сделать предварительную диагностику параметров, выявить тип корпоративной культуры, ее специфические качества, а также факторы, которые требуют корректировки. В ходе поиска и анализа материала выяснилось, что для коррекции корпоративной культуры можно использовать следующие диагностические методики: методику «Target Culture Modeling – C-Sort» (моделирование целевой культуры); методику Р. Гэлэгера [Гэлэгер Р, 2006] методику определения типа корпоративной культуры (по Т.Ю. Базарову) [Базаров Т.Ю., 2014]; опросник Д. Денисона «Оценка корпоративной культуры и развития лидерства»; методику выявления качества корпоративной культуры компании (Nationwide Brokerage Solutions (NBS)).

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров Т.Ю. Психология управления. Теория и практика. Учебник для бакалавров. Издательство Юрайт. 2014, 381с.
2. Демин Д.В. Корпоративная культура. Десять самых распространенных заблуждений. Альпина Паблишер. 2016, 154 с.
3. Курбацкая Т.Б., Мявлина Н.Ж. Корпоративная культура. Методы диагностики. Корпоративное управление. Саарбрюкен, Лап Ламберт Академик Паблишинг. 2020. – 230с.
4. Гэлэгер Р. Душа организации. Добрая книга. 2006. 352 с.
5. Деминг Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. Альпина Паблишер. 2016, 400 с.
6. Кемерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. Перевод с английского под редакцией И.В. Андреевой. СПб Питер. 2001. 320 с.

© Курбацкая Татьяна Борисовна (alterego123@yandex.ru), Высоцкая Наталия Владимировна (vyssotsk@mail.ru), Курбацкий Никита Владимирович, Гамируллина Анастасия Сергеевна (a.gamirullina@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

FEATURES OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF ADOLESCENTS WITH DISABILITIES

**N. Mazurova
E. Sabirova**

Summary: This article presents the results of a study of the motives for choosing a profession by adolescents with disabilities. The sample consisted of 60 students in grades 9-10: 30 normally developing adolescents and 30 hearing impaired adolescents with normal intelligence. The authors analyzed the type of professional orientation, personality traits associated with the choice of a profession, the characteristics of the motivational-need-related sphere and the motives for choosing a profession. It was shown that the professional orientation of modern adolescents with hearing impairments is not associated with disabilities, but is determined by such values as «prestige», «money», «career growth». The needs for recognition and self-actualization of these adolescents are not being met.

Keywords: professional choice, self-determination, adolescents with disabilities.

Мазурова Надежда Владимировна

*Д.псих.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет
rsuh@rsuh.ru*

Сабирова Эльвина Ильгизовна

*учитель, Институт среднего профессионального образования им. К.Д. Ушинского, Москва
elvina.sabirova2015@yandex.ru*

Аннотация: Представлены результаты исследования мотивов выбора профессии подростками с ограниченными возможностями здоровья. Выборку составили 60 учеников 9-10 классов: 30 нормативно развивающихся подростков и 30 слабослышащих с нормальным интеллектом. Анализировались тип профессиональной направленности, наиболее яркие качества личности, связанные с выбором профессии, особенности мотивационно-потребностной сферы и мотивы выбора профессии. Показано, что профессиональная направленность современных подростков с нарушениями слуха не связана с ограниченными возможностями здоровья, а определяется такими ценностями как «престиж», «деньги», «карьерный рост». В зоне неудовлетворенности этих подростков находятся потребности в признании и самоактуализации.

Ключевые слова: профессиональный выбор, самоопределение, подростки с ограниченными возможностями здоровья.

Введение

Вопрос о выборе профессии и овладении её основами является одним из центральных в жизни каждого молодого человека. В наше время поиск своего места в жизни – это и решение проблемы профессиональной ориентации, и глубокое личностное самоопределение, поиск определённой социально-нравственной и психологической позиции в мире человеческих контактов. Это своеобразная проверка гражданской зрелости человека. В силу возрастных особенностей у подростков еще не сформирована готовность к профессиональному самоопределению [1]. Главной задачей профессиональной ориентации становится определение (или иногда формирование) их индивидуальных предпочтений. Огромную роль в этом процессе играет семья ребенка, а также правильно построенный процесс психолого-педагогической помощи [6].

Особую группу составляют подростки с ограниченными возможностями здоровья, которым также предстоит сделать непростой выбор – определиться со своим местом в профессиональной жизни общества.

Значительной проблемой таких детей является психологическая неподготовленность к жизни в имеющейся системе социальных отношений [2, 3]. Прежде всего, это обусловлено типом органической патологии, характером и степенью ее выраженности, особенностями проявления заболевания, спецификой изменений пораженных органов и систем, а также характером вторичных отклонений в развитии [7, 8]. Диапазон различий в развитии детей и подростков с ОВЗ чрезвычайно велик. В зависимости от вариационных особенностей патологии некоторые дефекты могут практически полностью преодолеваться при правильном процессе обучения и воспитания ребенка, другие иметь латентный характер, а третьи только отчасти компенсироваться [5, 7].

Основной детерминантой успешного выбора профессии является профессиональный интерес или профессиональная направленность. Понять реальное психологическое содержание выбора профессии можно через анализ мотивов, лежащих в основе субъективного отношения человека [4].

Единого взгляда на то, как происходит выбор про-

фессии у подростков с ОВЗ, какие факторы влияют на этот процесс, по-прежнему нет. Их профессиональная ориентация и профессиональная адаптация требует разработки специальных методов диагностики профессиональных интересов и склонностей с учетом состояния здоровья. К сожалению, на федеральном уровне отсутствует диагностический инструментарий, необходимый для профориентации данной группы детей и подростков.

На современном этапе развития общества, с формированием демократических принципов образования, появлением инклюзивного типа образовательных учреждений возникла необходимость учета индивидуальных способностей и возможностей учащихся при проведении профориентационной работы. Для оказания такой квалифицированной помощи подросткам с ОВЗ необходимо владеть информацией о состоянии их мотивационно-потребностной сферы относительно выбора профессии.

Нами было предпринято исследование с целью изучения мотивов выбора профессии подростками с ограниченными возможностями здоровья, в частности с нарушением слуха.

Исследование проводилось на базе двух образовательных учреждений: предуниверсарий МГПУ г. Москвы и ОГКОУ «Школа-интернат для обучающихся с ОВЗ 18» г. Ульяновск. Было сформировано две группы респондентов: 30 подростков группы «норма» (20 девочек, 10 маль-

чиков) и 30 слабослышащих подростков (24 девочки и 6 мальчиков). Все – ученики 9-10 классов. Для проведения эмпирической части исследования мы использовали следующие методики: тест Дж. Холланда для выявления типа профессиональной направленности; методику «Семь качеств личности» Р. Кеттелла в модификации А.Г. Грецова; методику «Пирамида» Е.Л. Бережсковской и А.М. Прихожан; методику «Мотивы выбора профессии» Р.В. Овчаровой.

Ход и результаты исследования

По данным методики изучения профессиональной направленности Дж. Холланда подростки с ограниченными возможностями здоровья склонны к реалистичному (47%), интеллектуальному (20%), конвенциональному (13%), предприимчивому (13%), социальному (7%) типам профессиональной направленности. Никто из подростков с ОВЗ не выбрал артистический тип. Таким образом, большинство подростков с ОВЗ предпочитают работать с вещами, а не с людьми, заниматься конкретными объектами и их использованием, ориентированы на четко структурированную деятельность.

Их сверстники с нормальным слухом склонны к артистическому (53%), социальному (20%), предприимчивому (13%), реалистичному 7% и интеллектуальному 7% типам профессиональной направленности. То есть, при выборе профессии они в большей степени опираются на интерес, эмоции и общение с людьми (диаграмма 1).

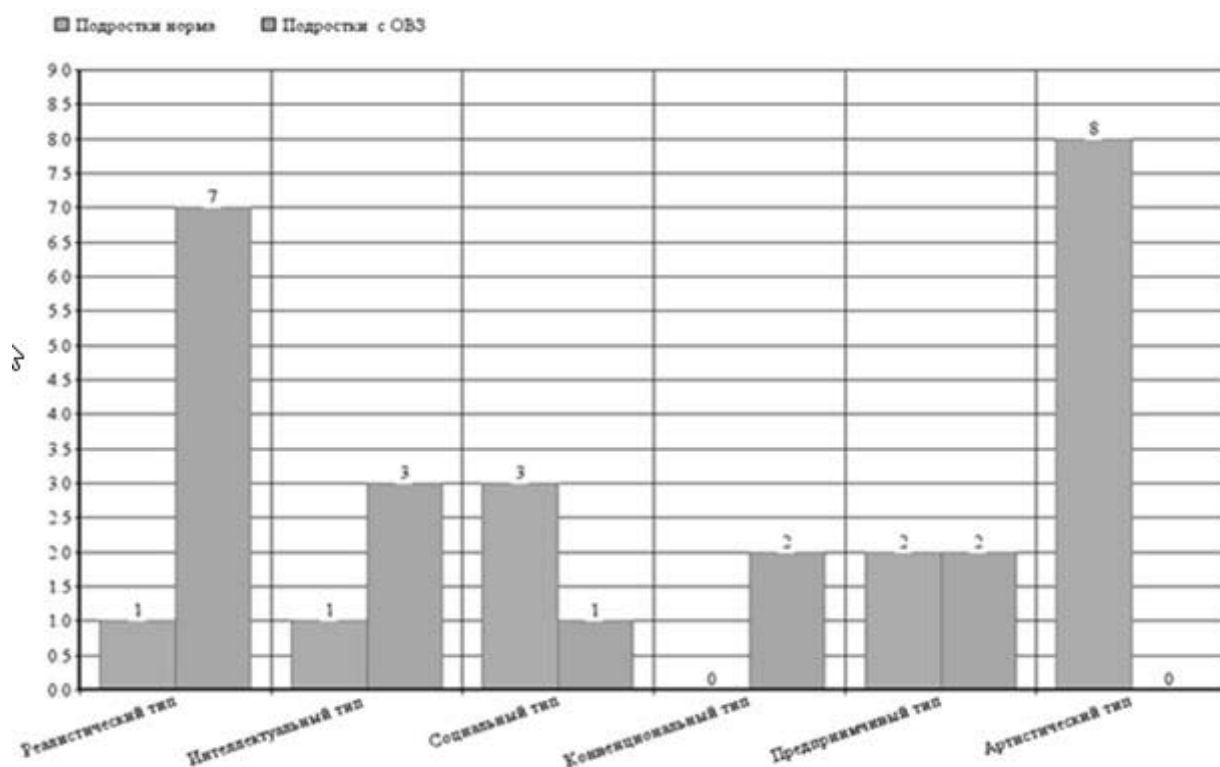

Диаграмма 1. Результаты исследования по методике Холланда

Была проведена проверка различий между группами с использованием U-критерия Манна — Уитни. Результаты находятся вне зоны значимости: UЭмп = 17. То есть, профессиональная направленность подростков с ОВЗ не связана с их ограниченными возможностями здоровья, а скорее определяется их личными качествами.

По результатам методики «Семь качеств личности» Р. Кеттелла подростки с ограниченными возможностями здоровья характеризуются как замкнутые (26%), тревожные (26%), эмоционально неустойчивые (20%), робкие (20%). Они испытывают трудности в принятии решения и часто полагаются на мнение родителей, бурно реагируют на препятствия. Слабо развиты такие качества как: склонность к доминированию и подозрительность. У нормально развивающихся подростков ярко выражены такие качества как: доминирование (53%), подозрительность (46%), эмоциональная устойчивость (40%), общительность (33%). Они характеризуются постоянством интересов и могут адекватно реагировать на неожиданные повороты событий (диаграмма 2).

Расчет U-критерия Манна Уитни: UЭмп = 6, между группами подростков в норме и подростков с ОВЗ действительно существуют значимые различия в качествах личности.

По результатам методики «Пирамида» Е.Л. Бережковской и А.М. Прихожан у подростков с ограниченными

ми возможностями здоровья в зоне удовлетворенности находятся физиологические потребности, потребность в безопасности и принятии. В зоне неудовлетворенности находятся потребности в признании и самоактуализации. Им свойственны следующие варианты ответов: «для меня важно, чтобы окружающие меня принимали, относились ко мне хорошо», «мне важно чувствовать, что родители не сердятся на меня, что у нас все в порядке» и др. Подростки зависимы от внешних факторов, их деятельность направлена на получение одобрения родителей и других взрослых.

Расчет U-критерия Манна Уитни: UЭмп = 6, между группами подростков в норме и подростков с ОВЗ действительно существуют значимые различия в качествах личности.

По результатам методики «Пирамида» Е.Л. Бережковской и А.М. Прихожан у подростков с ограниченными возможностями здоровья в зоне удовлетворенности находятся физиологические потребности, потребность в безопасности и принятии. В зоне неудовлетворенности находятся потребности в признании и самоактуализации. Им свойственны следующие варианты ответов: «для меня важно, чтобы окружающие меня принимали, относились ко мне хорошо», «мне важно чувствовать, что родители не сердятся на меня, что у нас все в порядке» и др. Подростки зависимы от внешних факторов, их деятельность направлена на получение одобрения родите-

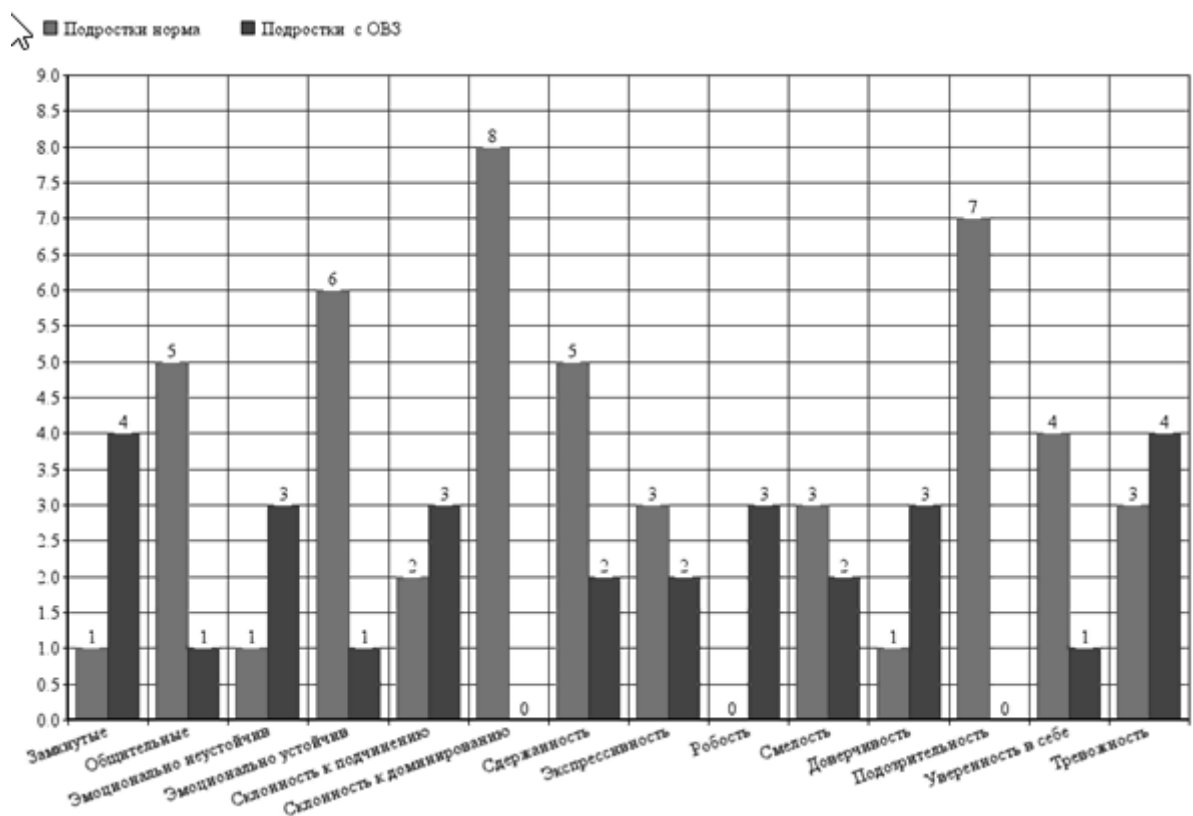

Диаграмма 2. Результаты исследования по методике «Семь качеств личности»

лей и других взрослых.

В группе нормально слышащих подростков в зоне удовлетворенности находятся физиологические потребности и потребность в безопасности. В зоне неудовлетворенности находятся потребности в принятии (любви), признании и самоактуализации. Для них свойственны следующие варианты ответов: «самое интересное в жизни

ни - создавать что-то новое, чего раньше не было», «главное в моей жизни — это мои творческие увлечения», «у меня есть любимое дело, с ним связано мое будущее». То есть, потребность в самоактуализации исходит от самого подростка, а не от внешних факторов.

С помощью U-критерия Манна Уитни была проведена проверка различий между группами подростков. Ана-

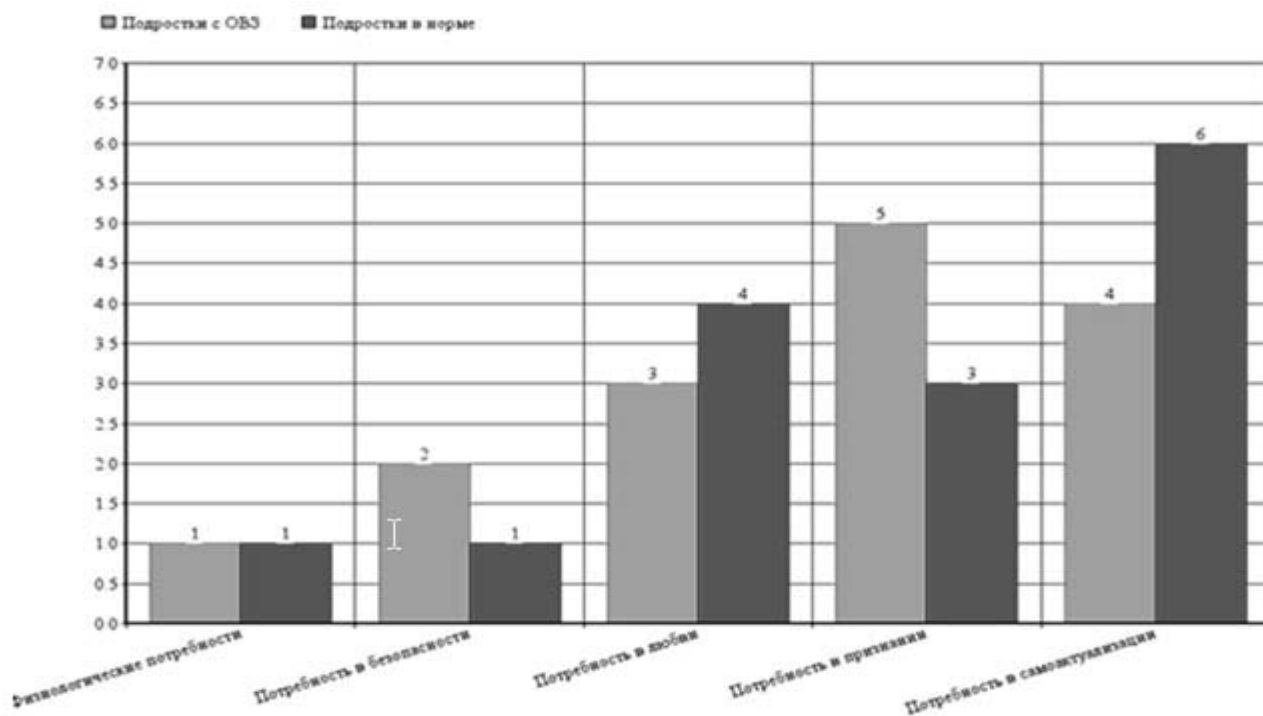

Диаграмма 3. Результаты исследования по методике «Пирамида»

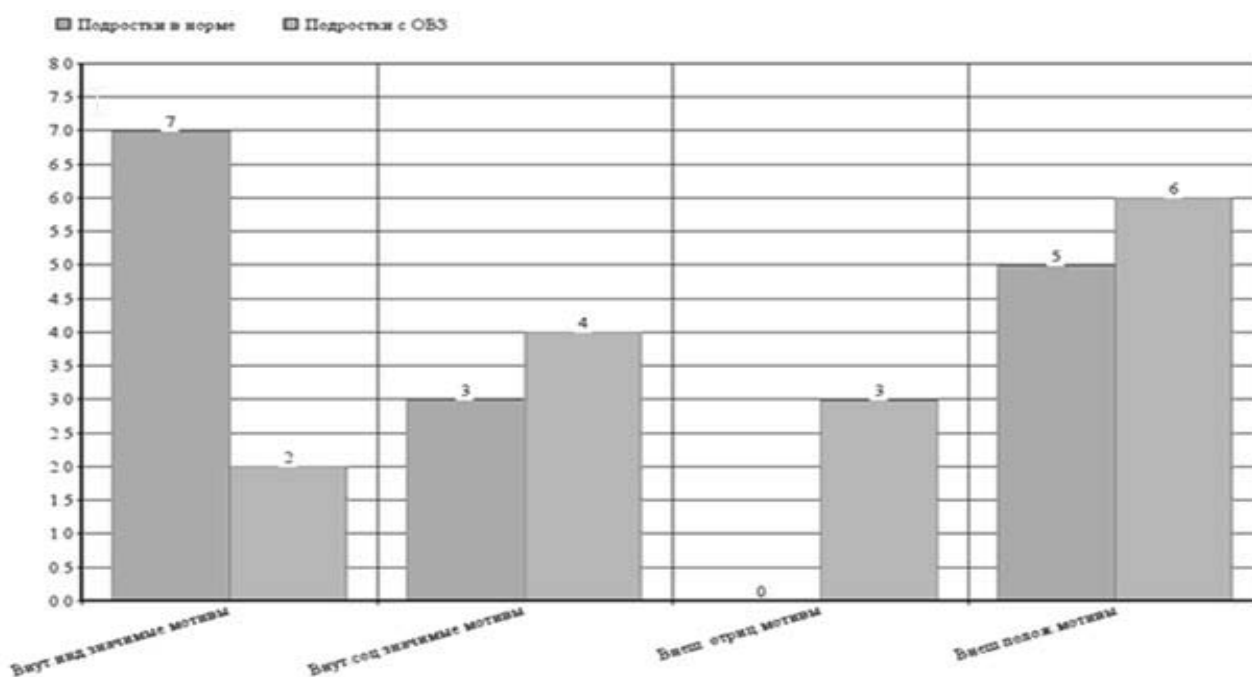

Диаграмма 4. Результаты исследования по методике «Мотивы выбора профессии»

лиз результатов показал, что между подростками с ОВЗ и подростками в норме значимых различий нет.

Исследование мотива выбора профессии с использованием методики Р.В. Овчаровой позволило получить следующие результаты (диаграмма 4).

Подростки с ОВЗ чаще опираются на внешне положительные мотивы (40%), их привлекает престиж профессии и уровень зарплаты. Еще 20% выборов - это внешне отрицательные мотивы, 13% - индивидуально значимые мотивы. Многие ребята опасаются, что из-за неправильно выбранной профессии их будут критиковать или осуждать. Наиболее предпочтительными ценностями, на которые опираются подростки с ОВЗ, являются «деньги», «карьерный рост», «престижность», что свидетельствует о доминировании прагматической ориентации. Более половины подростков с ОВЗ точно не смогли определить свои профессиональные интересы, они не готовы к самостоятельному выбору профессии и нуждаются в помощи по определению своих профессиональных склонностей.

Нормально слышащие подростки при выборе профессии опираются на индивидуально значимые мотивы (47%), внешне положительные мотивы (33%), внутренне социально значимые мотивы (20%). Важными ценностями для них при выборе профессии являются «интерес к профессии», «творчество», «стабильность». Их привлекает творческая реализация в труде, духовное и физическое развитие, общественная значимость профессии.

Выводы

По результатам проведенного исследования мы можем сформулировать выводы относительно профессио-

нального самоопределения подростков с ограниченными возможностями здоровья.

Большинство подростков с ОВЗ склонны к реалистичному типу профессиональной направленности. Это несочетанный, стабильный, ориентированный на настоящее, занимающийся практическим использованием объектов тип. Подростки характеризуют себя как замкнутые, тревожные, доверчивые, робкие, склонные к подчинению, эмоционально неустойчивые. Для них не характерны доминирование и общительность. В мотивационно-потребностной сфере подростков в зоне удовлетворенности находятся физиологические потребности, потребность в безопасности и потребность в принятии. В зоне неудовлетворенности находятся потребность в признании и самоактуализации. Преобладающими мотивами выбора профессии являются внешне положительные и внутренне социально значимые мотивы. Наиболее предпочтительными ценностями, на которые ориентируются подростки, являются: «престижность», «деньги», «карьерный рост». Основная масса подростков с ОВЗ не определилась с ведущими профессиональными интересами.

Таким образом, выбор профессии подростками с ограниченными возможностями здоровья определяется ценностными ориентирами родителей. Сами выпускники школ не владеют информацией о профессиях, а также имеют искаженные представления о своих возможностях. Профориентацию подростков с ОВЗ необходимо осуществлять комплексно, с участием специалистов. Для полноценной социализации выпускников с ограниченными возможностями здоровья нужна единая программа личностной психологической диагностики и профориентирования с учетом индивидуальных возможностей подростков и состояния их здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова, Г.С. Возрастная психология: Учебное пособие для студ. вузов. - М.: Издательский центр «Академия», 2014. - 672 с.
2. Андросова Г.Л. Курс «Социально-бытовая ориентировка» как педагогическое средство социализации подростка с нарушением интеллекта. М.: Педагогика, 2003.
3. Бгажнокова И.М. Воспитание и обучение детей и подростков с тяжелыми и множественными нарушениями развития. М.: Педагогика, 2007. 247 с.
4. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2010. - 304 с.
5. Лебединский В.В. Нарушение психического развития. М.: Педагогика, 2004. - 306 с.
6. Мазурова Н.В., Исаева О.В. Взаимосвязь ценностно-смысловых установок родителей и особенности детско-родительского взаимодействия в семье // Ученые записки РГСУ. - 2018. - Т. 17. - №2. С. 39-50.
7. Основы специальной психологии / Под ред. Л.В. Кузнецовой. - М., Издательский центр «Академия», 2010. - 480 с.
8. Психолого-педагогическое сопровождение семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования / Под ред. В.В. Такачевой. - М.: Издательский центр «Академия», 2014. - 272 с.

© Мазурова Надежда Владимировна (rsuh@rsuh.ru), Сабирова Эльвина Ильгизовна (elvina.sabirova2015@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОРЫ, КОТОРЫЕ ОКАЗЫВАЮТ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Фомина Александра Павловна

ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-
технологический университет»
sacha-fomina@yandex.ru

FACTORS THAT INFLUENCE THE FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS IN ADOLESCENCE

A. Fomina

Summary: In this study, an attempt was made to establish the factors that influence the process of forming value orientations of an individual. The most interesting to the author is adolescence, when a stable circle of interests is formed, which is the basis of the value orientations of adolescents. The author notes that the upbringing of children in modern Russian society is carried out in the conditions of economic and political reform, during which the situation of the younger generation, the principles of functioning of educational institutions, youth associations and the mass media have significantly changed. Among the factors of influence, the author highlights such as: family, social environment and school.

Keywords: social environment; value orientations; adolescence; family, educational process, factors.

Аннотация: В этом исследовании была сделана попытка установить факторы, которые оказывают влияние на процесс формирования ценностных ориентаций личности. Наиболее интересным автору представляется подростковый возраст, когда формируется устойчивый круг интересов, являющийся базой ценностных ориентаций подростков. Автор отмечает, что воспитание детей в современном российском обществе осуществляется в условиях экономического и политического реформирования, в ходе которого существенно изменились положение подрастающего поколения, принципы функционирования образовательных учреждений, молодёжных объединений и средств массовой информации. Среди факторов влияния автор особо выделяет такие как: семья, социальное окружение и школа.

Ключевые слова: социальное окружение; ценностные ориентации; подростковый возраст; семья, учебный процесс, факторы.

В последние годы в российском обществе произошли значительные перемены, которые стали причиной обострения множества различных социальных проблем, включая повышение уровня преступности, конфликты на межнациональной почве, увеличение количества безработных. Данные процессы стали причиной изменения в ценностной ориентации граждан, в особенности это оказало влияние на подростков, ведь процесс формирования принципиальной новой ценностной системы ориентаций произошел во время изменений жизненных условий и попыток приспособиться к данным условиям в ходе ежедневной практики [1]. Молодые люди в подростковом возрасте оказались неподготовленными с нравственной стороны. Это связано с тем, что подростки в силу своего возраста еще не научились различать подлинные и ложные ценности. Уже спустя пару лет подростки вырастут и сформируют свою систему ценностных ориентаций. В настоящее время уже можно проследить явные изменения в материальных и духовных ценностях подростков. В первую очередь у многих подростков нет стандартных базовых ценностей (моральность, духовность, смысл жизни, любовь к своей стране и т.д.). Сейчас правительство активно работает с целью внесения необходимых изменений в государственную политику образовательной и воспитательной сфере. А. Асмолов говорил, что образование необхо-

димо рассматривать в качестве ведущей социальной деятельности, которая напрямую связана с процессом формирования норм, ценностей и идеалов [3]. В связи с тем, что человеку характерно ценностное восприятие окружающего мира, необходимо с самого детства заниматься формированием его системы ценностей. Крайне важным этот процесс является для детей в подростковом возрасте (с 10-11 до 15-16 лет). Дети в подростковом возрасте наиболее предрасположены к формированию духовных, эмоциональных и нравственных ориентиров. То, что человек запоминает в подростковом возрасте, характеризуется высокими показателями психологической устойчивости.

Ценностные ориентации – это крайне непростой социальный и психологический феномен, который характеризует целостный подход личности к окружающему миру, отношение к себе, задает направление поведения и значение всем действиям человека [2]. В научных работах Артюховой Ю.В. отмечается, что термин «ценностные ориентации» начали использовать в послевоенное время в области социальной психологии в качестве аналога термина «понятие ценностей» из философии, однако и в настоящее время нет точного разделения этих двух понятий.

С позиции педагогики ценностные ориентации необ-

ходимо рассматривать в качестве осознанного выбора человека, а также как соотношение базовых социальных ценностей с системой ценностей личности. Это требуется для гармоничного сосуществования как с самим собой, так и с миром. Для того чтобы реализовать данную задачу, необходимо получить ответ на вопрос о том, какие именно факторы оказывают воздействие на процесс формирования системы ценностей у современных детей в подростковом возрасте.

Каждый фактор может оказывать как негативное, так и позитивное влияние.

В рамках данной работы были выделены внешние и внутренние факторы.

К числу внутренних факторов относятся: волевые характеристики человека, виды высшей нервной деятельности, эмоциональные реакции, а также показатели уровня интеллектуального развития.

Отдельно необходимо отметить волевые характеристики человека. Степень их развития определяет активность в подростковом возрасте, которая нацелена на процесс выработки персональной ценностной ориентации [8]. Степень интеллектуальных навыков несет ответственность за процесс формирования разных понятий, которые необходимы для рационального оценивания различных проявлений, основанных на идеалах и нормах. Эмоциональные реакции личности – это требуемое условие для того, чтобы осуществлять внутреннее осознание и принятие осмысленных норм общества.

На процесс формирования системы ценностей в подростковом возрасте также оказывают влияние различные факторы извне. К ним можно причислить: средства массовой информации, семью, родственников и близкое окружение, а также образовательные учреждения и разные проявления современной массовой культуры. Естественно, процесс становления системы ценностей начинается в семье, ведь тут подросток проходит процесс социализации и формирует базовые правила и нормы поведения в социуме, изучает реакции близких на разные обстоятельства. Стоит понимать, что система ценностей подростка напрямую зависит от родителей, ведь подростки ориентируются на то, как семья оценивает происходящие поступки и ситуации, формируя на их основе свои нравственные ориентации. Подростки копируют взаимоотношения внутри семьи, следуют доминирующим системам ценностей в семье, ориентируются на них, долгое время используют принятые в семье реакции на происходящее вокруг. В случае если семья не выступает для подростка в качестве авторитета, то их слова не смогут влиять на него, ведь он просто не будет их воспринимать. Помимо семьи, дети в подростковом возрасте поддаются воздействию ближайшего

окружения, т.н. влияние «улицы». Для старшеклассников характерно значительное влияние сверстников. В такой ситуации ослабевают правила и нормы, которые были привиты в семье. Следовательно, возникает принципиально новый фактор воздействия, влияющий на процесс становления системы ценностей. В подростковом возрасте дети чаще всего пытаются добиться признания от ближайшего окружения. Подросток пытается проводить больше времени с друзьями, воспринимая от них как хорошее, так и плохое. В стремлении сохранить свой круг общения он пытается подстроиться под стандарты определенной социальной группы, таким образом он принимает новые ориентации в свою систему ценностей. Чаще всего в качестве лидеров подобных социальных групп выступают наглые люди, которые пренебрежительно относятся к нормам нравственного поведения. В стремлении получить одобрение лидера такой группы подросток копирует его убеждения, взгляды и стандарты поведения. Огромное значение в процессе формирования системы ценностей играют молодежные субкультуры, которые помогают подросткам приспособиться к миру, принять новые роли в социуме. Стоит отметить, что от типа субкультуры напрямую зависит то, какую именно систему ценностей сформирует ребенок. Ориентации в просоциальных субкультурах не противопоставляются социальным, а дополняют их. Однако в антисоциальных субкультурах ценности напрямую противоречат социальным. В асоциальных субкультурах существуют как социальные, так и антисоциальные направленности [7]. В качестве еще одного значимого внешнего фактора воздействия, который может играть как положительную, так и отрицательную роль в процессе формирования системы ценностей, выступают СМИ. Детальнее рассмотрим воздействие Интернета и телевидения, ведь они сейчас являются очень популярными. По критерию воспитательного воздействия телевидение должно занимать одно из главных мест. Одной из основных проблем на телевидении выступает насилие. Сейчас почти во всех фильмах, сериалах, а иногда даже и в мультфильмах присутствуют те или иные проявления насилия в определенных формах. Насилие в фильмах всегда выглядит эффектно, поэтому его принято воспринимать в качестве нормы. На этом фоне может сформироваться неправильная система ценностей. Транслируя подобные сцены, телевидение крайне негативно воздействует на процессы развития творческих навыков и мышление подростков. Однако телевидение нельзя полностью исключать полностью из жизни подростков. При этом необходимо объяснять детям, что насилие на экране и в жизни во многом отличается. Необходимо осуждать агрессивные действия на экране. Однако следует отметить и положительное воздействие телевидения, которое может влиять на процесс формирования системы ценности подростков. К примеру, телевидение выполняет функции информирования населения, может значительно повысить уровень культуры молодых лю-

дей. Также в настоящее время крайне популярным стал Интернет. Стоит отметить негативное воздействие Сети, в которой нередко можно встретить сомнительную или откровенно неправдивую информацию. Информация о влиянии наркотических веществ, а также суицидах может сформировать увлечение молодых людей подобными вещами. В связи с доступностью Интернета дети в подростковом возрасте могут увлечься различными сектами, радикальными политическими взглядами или азартными играми. В наши дни Интернет и телевидение играют решающую роль в процессе формирования системы ценностей после семьи и выступают доминирующим фактором, который влияет на подростков.

С возрастом подростки все меньше подвержены влиянию семьи, при этом значительно усиливается отрицательное воздействие Интернета. В таких условиях школа становится одним из воспитательных факторов. В учебном заведении дети контактируют с ровесниками и педагогами примерно по шесть часов в день. Естественно, это напрямую влияет на жизнь подростка, стандарты его поведения и систему ценностей. В школе дети получают не просто знания, но также духовное и нравственное воспитание [5]. В работах Панковой Т.А. отмечается, что в ходе воспитания и обучения в школе подростки формируют свое мировоззрение и убеждения, систему общественных установок, а также ценности, которые определяют их отношение к социуму и миру, другим людям и к себе [9]. В условиях современного учебного процесса ценностные ориентации выступают в качестве объекта деятельности педагога и учеников, их семьи, а также сотрудников внешкольных заведений. В ходе формирования ценностных ориентаций в качестве приоритетной

педагогической цели выступает донесение ценностных ориентаций до сознания ученика. Данный процесс крайне непростой и состоит из таких стадий:

1. Демонстрация ценностей.
2. Ценностно-ориентированная деятельность, в ходе которой подросток осознает важность определенных норм для себя, а также принимает их.
3. Применение системы ценностей в повседневной жизни.

Учитель может влиять на формирование системы ценностей учащихся при помощи:

- формирования ситуаций ценностного выбора;
- ценностного диалога;
- личностного воздействия;
- специального формирования ценностных ситуаций с целью принятия их учениками;
- погружения в среду ценностей.

Ценности подростка могут формироваться в семье, различных неформальных объединениях, под воздействием СМИ. Однако самым важным и последовательным влиянием на воспитание в подростках системы нравственных ориентаций выступает школа, которая занимает огромное место в их жизни, ведь они проводят в школе множество времени. Можно согласиться с мнением Щурковой Н.Е., которая утверждала, что в качестве одной из самых важных задач в школьном образовании выступает содействие и помощь ученикам в формировании собственной устойчивой и непротиворечивой системы ценностей, которая будет гарантировать гармоничное взаимодействие подростка с самим собой и с миром [11, с.28-29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбаров, Н.Г. Социальные процессы трансформирующегося общества: проблема подростка - проблема страны / Н.Г. Акбаров. - Научные труды, 2001. - 92
2. Артюхова И. Ценности - цели подрастающего поколения: На первом месте - здоровье, а творчество на последнем // Директор школы. - 2001. - №10. - С.84-87.
3. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования - «Издательство МГУ» - 2005. - С.95
4. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социол. исслед. - 2002. - №1. - С.96-105.
5. Дырин С.П., Чичаева И.И. Ценности образования в современном российском общественном сознании. / Под ред. С.П. Дырина. Набережные Челны, 2001. - 256 стр.
6. Жиров Ю.С. Семья в системе ценностей учащейся молодежи // Социально-педагогическая работа. - 2004. - № 6. - 139 с.
7. Журавлева, Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе/Н.А. Журавлева. - М.: Институт психологии РАН, 2006.-335 с.
8. Мамедова Ж.С. Ценностные ориентации личности в контексте временной перспективы. // Гуманитарные и социально-экономические науки. Спецвыпуск «Педагогика» № 6. Ростов-на-Дону, издательство РГПУ, 2006. С. 121 - 132 (статья).
9. Панкова Т.А. О становлении нравственных и гражданских позиций школьников // Социол. исслед. - 2002. - №5. - С.111-114.
10. Шерковин Ю.А. Проблема ценностных ориентации и массовые информационные процессы // Психологический журнал. 1982. Т. 3. №5. - с. 135-145.
11. Щуркова Н.Е. Классное руководство: теория, методика, технология. - М.: Педагогическое общество России, 2000. - 256 с.

© Фомина Александра Павловна (sacha-fomina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ОТ «ИСТОРИИ ИДЕЙ» К ПОЭТИКЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Еникеев Анатолий Анатольевич

К.ф.н., доцент, Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар)
rizoma69@yandex.ru

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN HUMANITARIAN CULTURE: FROM THE "HISTORY OF IDEAS" TOWARDS THE POETICS OF INTELLECTUAL DISCOURSE

A. Enikeev

Summary: The article is devoted to the analysis of the problem of the development of humanitarian culture. The subject of the research is the concept of S. Zenkin, who identifies the following components of the intellectual discourse of modernity: the history of ideas, the mental scheme, the conceptual frame. As a methodology, «slow reading» is used, which creates an event-based context for understanding the cultural situation. It is concluded that the philosophical reading of the cultural text helps to create a context for understanding the cultural and intellectual situation in modern Russia.

Keywords: humanitarian culture, history of ideas, intellectual discourse, mental scheme, conceptual frame.

Аннотация: Статья посвящена анализу проблемы развития гуманитарной культуры. В качестве предмета исследования используется концепция С. Зенкина, который выделяет следующие компоненты интеллектуального дискурса современности: история идей, мыслительная схема, концептуальный фрейм. В качестве методологии используется «медленное чтение», создающее событийный контекст понимания культурной ситуации. Делается вывод, что философское прочтение культурного текста помогает создать контекст для понимания культурной и интеллектуальной ситуации в современной России.

Ключевые слова: гуманитарная культура, история идей, интеллектуальный дискурс, мыслительная схема, концептуальный фрейм.

Введение

Гуманитарная культура современности характеризуется повышенным вниманием к теоретическим и методологическим основаниям собственного дискурса. Во многом это определяется идейной (а возможно и идеологической) исчерпанностью арсенала используемых в гуманитарных науках средств «аутопойэсиса», хотя есть предположение, что речь здесь идет всего лишь об «обновлении смыслов» современной гуманитарной практики. В этой связи заслуживает внимание работа, проделанная С. Зенкиным для обоснования теоретических положений современного гуманитарного дискурса. Современный исследователь, считает С. Зенкин, должен принимать в расчет как «концептуальное содержание идей» своих предшественников, так и «суггестивно-эвристическую силу метафор», используемых ими. Только тогда он сможет создать те «мыслительные схемы», которые позволят ему «встать на плечи» своих предшественников-гигантов и увидеть новые горизонты развертывания теории [7; 6].

Задача нашего исследования – проследить движение мысли С. Зенкина в вопросе о специфике интеллектуального дискурса, описать основные этапы

развития «истории идей», обозначить перспективы развития гуманитарной культуры современности. В качестве методологического подхода нами будет использована «идеология аллегорического чтения» П. де Мана, который призывал обращать внимание на риторику, а не на грамматику читаемого текста [8; 7]. Также определенную ценность для нас представляет подход В. Подороги, призывающего к «медленному чтению» [10; 22] философских текстов. И, конечно, методологически убедительными представляются взгляды на чтение и анализ философского текста со стороны В. Бибикина, который настаивает, что философское чтение должно быть «событием» [1; 13]. Предметом исследования или своеобразным «событием чтения» для нас выступает текст С. Зенкина «Работы о теории» (2012), который является итогом многолетних практик автора в области формирования интеллектуального дискурса современной России, а также ценным пособием по пониманию логики развития «теории» в качестве значимого концепта гуманитарной культуры. Значимость процедуры чтения определяется для нас возможностью понять поэтику философского текста, определить прагматические особенности функционирования текста в культуре, а также характер позиционирования философских идей в современном обществе [6].

1. История идей в процессе формирования интеллектуального дискурса современности

Собственный метод (способ действия) С. Зенкин определяет следующим образом. «Анализ сделанного прежде – для меня нечто большее, чем обычная в научном исследовании «история вопроса»: это всякий раз попытка с помощью чужой мысли мобилизовать какие-то продуктивные механизмы собственного мышления и применить их к исследованию предметов, о которых еще не думали предшественники» [7; 8]. Такой метод можно назвать «взыскательной герменевтикой, понимающей критикой», именно он позволяет наиболее аутентичным образом переосмыслить предшествующую «историю идей». «Для меня герменевтика теории – это не только интеллектуальная история современности, но и аутогерменевтика, работа интеллектуального самопознания» [7; 8]. Ниже мы рассмотрим основные «мыслительные схемы», которые обнаружил С. Зенкин при анализе особенностей современного гуманитарного дискурса в его теоретических основаниях.

Истоками гуманитарных проблем XX века было методологическое разделение на «объяснительные» и «понимающие» механизмы культуры, которые предопределили логику (и теорию аргументации) развития гуманитарных наук. В сердцевине данной парадигмы оказалась философия, которая не только не пожелала в полной мере освоить методы естественных наук, но и постоянно намекала на собственный «ненаучный» статус. Вполне закономерно поэтому, по мысли С. Зенкина, что «...к концу столетия в ней оказались четко противопоставлены друг другу два типа мысли: с одной стороны, аналитическая философия как рефлексия «естественнонаучного» типа... и деконструкция – рефлексия над традицией, изощренное переосмысление текстов, требующих понимания и пере-понимания, поскольку эти классические тексты сформировали наше собственное сознание» [7; 14]. Таким образом, Э. Дюркгейм и В. Дильтей оказались теми «отцами-основателями» гуманитарного дискурса современности, чье наследие до сих пор подвергается творческому переосмыслению и переоценке.

Казалось бы, соединение двух методологических парадигм невозможно, однако широкое распространение герменевтических процедур понимания (в том числе фактической реальности), создало более широкое пространство теоретического диалога, ведь «...и герменевтика также исходит из того, что смысл, сколь угодно сложный сам по себе, скрывается в отдельном тексте или символе, требующем понимания... В этом пункте позитивистская и философская история культуры смыкаются между собой. Эта двуединая историческая парадигма долгое время была определяющей для всего цикла гуманитарных наук, формируя базовую модель знания о

человеке и обществе» [7; 17]. Процесс осмысления (наделения фактов смыслом) – это важнейший процесс производства гуманитарно-ориентированного знания и здесь встречаются два, на первый взгляд исключаящие друг друга, процесса – субъективная интерпретация фактов и стремление к объективной «нормативизации дискурса». Нормативизм и дескриптивность гуманитарного дискурса современности находят общее пространство взаимодействия в «теории», как ее понимает С. Зенкин. «Такова, в общих чертах, ситуация *гуманитарного* знания, и многие передовые течения в гуманитарных науках нашего времени связаны именно с попытками помыслить, смоделировать с разных сторон такого рода объекты. В этих попытках упраздняется вековое противопоставление (спекулятивной) философии и (позитивистской) филологии; эти две дисциплины вступают в союз в рамках нового, весьма проблематичного рода научной деятельности, который иногда называют, за неимением более точного термина, *теорией*» [7; 18]. Таким образом, именно «теория» становится предметом исследования в работе С. Зенкина, она является наиболее значимым ориентиром развития гуманитарного знания XX века.

Теория развивается как практика осмысления идей, значимых для той или иной культурной и исторической эпохи. Социальные и культурные особенности эпохи накладывают отпечаток на способ решения интеллектуальных проблем своего времени, на развитие тех или иных мыслительных схем или теоретических конструкций. С. Зенкин описывает «историю идей» как проект развития интеллектуальной истории эпохи модерна, который и определяет особенности гуманитарной культуры современности. Решающий поворот к современности произошел в Новое время, когда анонимную «идею» стали трактовать как авторскую «мысль», таким образом появляется субъективное измерение гуманитарного дискурса. «Когда в Новое время «идею» стали трактовать не как существующий сам по себе прообраз вещей, а как субъективную «мысль», у которой есть автор и обстоятельства возникновения, то на этой основе стало возможно появление *истории идей*» [7; 70–71].

История идей совершила переворот в гуманитарном дискурсе, поскольку не только обозначила «субъективный» контекст мысли, но также создала тот «культурный фон», благодаря которому вообще стало возможным изучение культуры. Институт интеллектуальной собственности, возникший в Европе в XVIII веке, ввел в обиход новое понимание «идеи» и это стало новой формой интеллектуального дискурса современности. «Как только идея спустилась на землю и оторвалась от вечных сущностей, идеи истинные и ложные очутились рядом... все в целом такое состояние секуляризованных, присвоенных людьми, исторически подвижных и относительных продуктов мысли может быть названо *культурой*. История идей – едва ли не самая чистая «наука о куль-

туре», поскольку она может заниматься только культурой, только идеями в их «культурном» (историческом) состоянии» [7; 71]. Эволюция понятия «идея» заложила основы научного изучения «теории» в качестве той интеллектуальной задачи, которая, по мысли С. Зенкина, стоит сегодня перед гуманитарным дискурсом.

Интеллектуальный дискурс современности вынужден преодолевать негативные последствия «ложного сознания», которое «...чаще всего создавалось не с чисто научными, а с социально-критическими целями» [7; 71] и которое, по С. Зенкину, имеет три наиболее распространенные формы: предрассудок, идеология и симулякр. Каждая из этих форм имеет свою амбивалентную форму, темпоральную структуру, а также возможности художественной переработки. Не вдаваясь в подробности проведенного С. Зенкиным анализа форм эволюции «ложного сознания», укажем их влияние на современную гуманитарную культуру.

«Рассмотренные три концепции («ложного сознания» А.Е.) включаются в более общее движение новоевропейской мысли – в рефлексию о факторах мнимости, негативности, небытийности, которая развивается в различных направлениях современной философии. Среди перекликающихся с ними концепций можно назвать: (1) понятие необходимых для человеческого сознания «фикций», разрабатываемое в книгах Ницше; (2) философию «как бы», сформулированную в 1870-е годы Х. Файхингером; (3) теорию «возможных миров», разрабатываемую в современной логике и эпистемологии и прилагаемую к теории литературы» [7; 84–85]. Конечно, можно назвать и другие проявления последствий влияния ложного сознания на современный гуманитарный дискурс, но достаточно и приведенных примеров. В этой связи можно согласиться с Зенкиным, который говорит о необходимости преодоления данных форм, затрудняющих развитие интеллектуальной истории идей, и называет те три области гуманитарного знания, где данное преодоление возможно. «Их можно соотнести с методами и задачами трех разных гуманитарных дисциплин: для предрассудков это логика; для идеологем – социология; для симулякров же это современная семиотика и эстетика» [7; 85]. Объединяет эти три гуманитарные области все та же интеллектуальная история, теоретические концепты которой развивает С. Зенкин в своих работах.

«История идей» имеет длительную историю своего развития, начиная с древнегреческой постановки проблемы и заканчивая классическим периодом ее решения [9]. Это означает, что идея возникает достаточно непредсказуемо из различных случайных элементов, у нее потеряна верификационная связь с реальностью, поэтому история идей – это также история заблуждений, иллюзий и прочих форм «ложного сознания». В этой

связи требуются вполне определенные «мыслительные схемы», которые помогут локализовать историю идей в формах современного гуманитарного дискурса.

2. Концептуальный фрейм теории С. Зенкина

В качестве методологического фрейма понимания подхода С. Зенкина можно использовать теорию «концептов» Ж. Делеза, который считал, что задача философии – формировать концепты. «Создавать новые концепты, которые были бы необходимыми, всегда было задачей философии. Но дело в том, что концепты не являются некими общими идеями, носящимися в воздухе. Напротив, именно сингулярности реагируют на потоки ординарного мышления: в мышлении можно прекрасно обходиться и без концептов, но как только появляется концепт, рождается и подлинная философия» [4; 50]. Различая два плана выражения в философии – трансцендентный (выходящий за пределы опыта) и имманентный (непосредственно присущий внутреннему содержанию философской традиции), Ж. Делез настаивает на том, что философия как творчество концептов является «внутренним делом», т. е. принадлежностью плана имманентности. Это означает, что философия должна отказаться от попыток обнаружить истину «в последней инстанции», отыскать бессмертные идеи или дать ответы на вечные вопросы. Философия должна заниматься простыми вещами, событиями и обстоятельствами, сопутствующими жизни человека (даже если он всего-навсего обыватель). Возможно, что занятие «простыми вещами» выведет философию за ее собственные пределы, сделает ее маргинальной практикой, наподобие некоторых видов живописи или музыки. Это и есть «обратная сторона» процесса захвата территории со стороны философии, когда она, казалось бы, перестает быть сама собой, когда она становится маргинальной практикой и, собственно говоря, процессом производства концептов. В этом, по мысли Ж. Делеза, и проявляется творческая сила философских концептов, теряющих и обретающих себя в пространстве имманентного выражения субъектом самого себя.

«Философ – друг концепта, он находится в потенциальной зависимости от концепта. Это значит, что философия – не просто искусство формировать, изобретать или же изготавливать концепты, ибо концепты – это не обязательно формы, находки или продукты. Точнее будет сказать, что философия – дисциплина, состоящая в творчестве концептов» [3; 13–14]. Предметом философии является чистое творчество концептов, поэтому философ – прежде всего творец, который находится в потенциальной зависимости от своего творения. Задача философа – творить все новые концепты, убеждать других пользоваться ими, а также сомневаться в качестве других концептов, сотворенных до него. Каждый более или менее крупный философ является творцом концеп-

тов, за которыми стоит его подпись и которыми пользуются другие.

Именно поэтому философия не является ни созерцанием, ни рефлексией, ни коммуникацией, поскольку это иллюзии, которыми философия прикрывала свою концептуальность. Ж. Делез и Ф. Гваттари аргументированно доказывают, почему философия не является ни созерцанием (оно суть сами же вещи в ходе творения соответствующих концептов), ни рефлексией (называя философию искусством размышления, ее принижают, рефлексивность столь же присуща и математикам, и художникам), ни коммуникацией (поскольку избегает консенсуса мнений). «Созерцание, рефлексия и коммуникация – это не дисциплины, а машины, с помощью которых в любых дисциплинах образуются Универсалии... первейший принцип философии состоит в том, что Универсалии ничего не объясняют, они сами подлежат объяснению» [3; 15–16].

Философия в своем развитии прошла этап господства над другими дисциплинами через создание универсалий, помогающих другим наукам концептуализировать собственные основания. Но не следует забывать, что творчество (в том числе творчество концептов в философии) всегда есть нечто единичное, сингулярное, поэтому универсальность философских концептов ничего не объясняет, но только запутывает существо дела. С помощью концепта можно нечто познавать только в том случае, если философ сам является его творцом, другом концепта, об этом говорил еще Ф. Ницше. Таким образом, вопрос о пользе или вреде философии ставится совсем по-другому. Философия не должна испытывать потребности оправдываться относительно собственной отвлеченности или бесполезности, равно как пытаться доминировать в той или иной сфере человеческой деятельности (науке, религии, искусстве или политике). Истинная задача философской деятельности – творчество концептов, и до тех пор, пока «друзья концептов» (философы) будут творить все новые концепты, философия не будет знать своего предела.

С. Зенкин, будучи переводчиком, подарившим русскоязычному читателю ключевую работу Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» (1998, рус. перев.), высоко оценивает вклад французского мыслителя в проблему концептуальности интеллектуального дискурса. «Некоторые современные мыслители уже обращали внимание на то, как важны в развитии интеллектуальной культуры случайные, уникально-неподражаемые и вовлеченные во временное становление модели. Так, Жиль Делез определял философские концепты как сложные и «шифрованные» конфигурации элементов, составляемые конкретным мыслителем в конкретной ситуации... Для истории идей полезно будет учесть эту философскую концепцию, применяя ее к своим соб-

ственным задачам» [7; 88].

Таким образом, на примере идей Ж. Делеза о «концептуальности» философии можно увидеть непосредственную работу интеллектуального фрейма в теории С. Зенкина, который успешно инкорпировал ключевую работу Ж. Делеза и Ф. Гваттари в российское интеллектуальное пространство, где она нашла как своих апологетов, так и противников [5].

3. Мыслительные схемы в гуманитарной культуре современности

«Мыслительные схемы», которые предлагает С. Зенкин в качестве тех концептов, которые помогают понять историю идей и эволюцию интеллектуального дискурса современности носят, по всей видимости, трансдискурсивный характер. Они, с одной стороны, генетически связаны с некой «идеей», которую призваны воплощать, а с другой, постоянно мигрируют между различными дискурсами, создавая ситуации «непереводимости». «Абстрактность, содержательную незакрепленность мыслительных схем следует понимать двояко: как их относительную независимость от временного развития и как их способность к преодолению дискурсивных и дисциплинарных границ. «Легкие», не отягощенные фиксированным субстанциальным содержанием мыслительные схемы свободны от дисциплинарной фиксации и проникают в различные поля интеллектуальной культуры. В то время как философские концепты часто с трудом поддаются переводу с одного на другой национальный язык, эти схемы гораздо проще могут быть перенесены в другой язык и пересказаны другими словами» [7; 88].

С. Зенкин предлагает три серии примеров, иллюстрирующих функционирование мыслительных схем в гуманитарном дискурсе конца XIX – начала XX века. Первая серия носит название «иерархический переворот»: «В рамках такой мыслительной схемы имеется две смысловые инстанции, которые подчинены одна другой, но в какой-то момент их отношение обращается, или по крайней мере «низший» элемент прорывается вверх, несмотря на сопротивление доминирующего» [7; 88–89]. В качестве примера автор приводит диалектику господина и раба в «Феноменологии духа» Г. Гегеля, теорию бессознательного З. Фрейда, «карнавальную культуру» М. Бахтина. Вторая серия называется «неоднородное поле»: «...в рамках такой схемы описываемые факты изображаются в виде поверхности или пространства, где некоторые точки выделены, выступая на фоне других, нейтральных» [7; 90]. Примерами функционирования неоднородного поля как мыслительной схемы может являться теория психики Ж. Лакана (с ее делением на реальное, воображаемое и символическое), семиотическая теория моды Р. Барта и понятие «места памяти» «...предложенное Пьером Нора и означающее определенные (не обя-

зательно географические) точки реальности, в которых сосредоточена память данного общества о прошлом и которые выделяются на фоне беспмятного или вне-памятного пространства, пространства забвения» [7; 91]. Третья серия у С. Зенкина получила название «*градуальное распределение*». Данная мыслительная схема достаточно разработана А. Лавджоем и М. Фуко. «Градуальное распределение имеет форму шкалы, вдоль которой могут перемещаться отдельные элементы (человеческий дух восходит по «великой цепи бытия», девиантное поведение последовательно корректируется, приводится к норме под действием дисциплинарных мер)» [7; 91].

Проблема, на которую указывает С. Зенкин состоит в том, какого рода знанием (или концептуальным элементом) являются описанные мыслительные схемы. Вполне очевидно, что они уже не являются «идеями», равно как понятиями или «пропозициями», могущими быть проверенными на предмет истинности или ложности. Они слишком абстрактны, чтобы стать «метафорами» или «образами» (хотя их создатели вынуждены использовать метафорический язык), к ним не подходит определение «миф» или «нарратив». «Мыслительные схемы приходится *вообразить*, а не просто *мыслить*. Пользуясь мыслительными схемами, мы чаще всего не сознаем этого и вообще не даем им достаточно обобщенного названия. Вместе с тем очевидно, что мыслительные схемы, хоть и не являются сами по себе идеями, лежат в основе важнейших идей современности» [7; 92].

Дискурсивные особенности современной мысли говорят нам о том, что проблема текста (в том числе философского) должна решаться с привлечением более широкого интеллектуального контекста. Например, используя «мыслительные схемы» в качестве концептуальных единиц знания. «По-видимому, мыслительные схемы служат матрицами, порождающими моделями, чьи возможности богаче, чем реальные концептуальные построения, создаваемые на их основе. Они фундаментально важны для нашей умственной работы – но по самой своей природе не поддаются категоризации; скорее их можно было бы охарактеризовать как фигуры – одновременно в гештальтпсихологическом и риторическом смысле слова» [7; 92]. Здесь можно согласиться с мнением С. Зенкина, поскольку текстологический и дискурсивный объем используемого в мыслительной схеме знания с одной стороны требует развитого «воображения» (ведь их невозможно «мыслить»), а с другой, богатого арсенала языковых средств и риторических приемов. Фигуративность мыслительных схем также наводит на мысль относительно их топологической структуры и способа существования, поскольку пространственная логика их понимания и выражения более чем очевидна [5].

Фигуративность мыслительных схем также предполагает, по мысли С. Зенкина, использование методов и

приемов поэтики, понимаемой им в качестве «науки о фигурах». Отсюда и возникает программа «поэтики интеллектуального дискурса», которая в основных своих положениях отличается от «истории идей», и которая является наиболее востребованной формой современной гуманитаристики на Западе. «Если обычная история идей имеет дело по преимуществу с близкими отношениями преемственности, полемики, взаимобмена между интеллектуальными высказываниями, то есть с отношениями, возникающими при документируемых, доказуемых контактах между текстами и авторами, то поэтика интеллектуального дискурса изучает более далекие, дистантные отношения, которые труднее проследить известными нам методами, но которые часто весьма продуктивны и значимы в интеллектуальной жизни той или иной эпохи» [7; 93].

Другая, не менее важная проблема, на которую указывает С. Зенкин, заключается в том, почему описанные мыслительные схемы носят ярко выраженный «современный» характер, ведь можно увидеть и более отдаленные исторические проявления их логики. Ответ на поверхности, во-первых, это действительно так (история данных схем уходит глубоко в прошлое), и поэтому эволюция мыслительных схем сопоставима с эволюцией основных понятий гуманитарной мысли, требованиями «обновления словаря». А во-вторых, ослабление «концептуальности» в мышлении современной эпохи приводит к тому, что необходимо заново изобретать данные концепты, чтобы сделать мысль внятной и адекватной происходящим в современной культуре процессам. «Впечатление такое, что именно современная эпоха особенно склонна пользоваться неконцептуальными, нелогическими порождающими моделями, мыслительными схемами нарративно-временного или визуально-пространственного типа, и не случайно, что именно современная культура так активно занимается теоретическим осмыслением нарративных и визуальных (образных) представлений» [7; 94]. Попросту говоря «визуальный сдвиг» современной культуры сделал ее менее концептуальной и понятийной; «клиповое мышление» (Ф. Гиренко) современной эпохи дискредитирует философский дискурс и требуется дать ответ на возникшую ситуацию.

В этой связи примечательным является подход Ф. Гиренка, который описывает современный российский интеллектуальный дискурс в целом, и философский в частности, следующим образом:

«Современное состояние философии в России определяется, на мой взгляд, следующими обстоятельствами:

1. скрытым конфликтом между двумя дискурсами – русским и советским;
2. противостоянием философского способа мышления и научного;
3. поиском философией ответов на вопросы, кото-

рые поставлены фактом существования виртуальных практик и актуального искусства;

4. осознанием того факта, что на место сознания встал язык. Это главное событие в философии XXI века;
5. обнаружением пределов понятийного сознания и разработкой теории клипового сознания;
6. б) поисками антропологического «бозона», который виртуальное превращает в реальное;
7. переосмыслением разумности человека и концептуальный отказ от идеи логоса в пользу идеи абсурда» [2; 35-36].

Думается, что решение обозначенных проблем и предопределяет динамику развития российской гуманитарной культуры, решающую роль в становлении которой будет играть философия посредством развития новых способов порождения и потребления значимых для культуры текстов.

Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, следует сказать, что проблема описания перспектив развития гу-

манитарного дискурса современности имеет множество сценариев. Одним из возможных сценариев является подход С. Зенкина, которому мы дали детальный анализ. Обозначим основные «концептуальные единицы» данного подхода. Во-первых, интеллектуальный дискурс современности является отражением логики и динамики развития «истории идей», которая в свою очередь является выражением культурных и социальных процессов в истории человеческой культуры. Во-вторых, интеллектуальная история человечества может рассматриваться как преодоление различных форм «ложного сознания», таких как, предрассудок, идеология и симулякр. Результатом такого преодоления является «мыслительная схема», помогающая адекватно отразить и понять сущность культурных процессов. В-третьих, для анализа особенностей гуманитарного дискурса современности следует использовать различные «фреймы», помогающие контекстуализировать культурный текст, приводить его в соответствие с требованиями времени. Проведенное нами исследование также может рассматривать как «фрейм» работы С. Зенкина, позволяющее более детально репрезентировать значимые для гуманитарной культуры современной России концепты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибихин В.В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. 536 с.
2. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. 256 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с франц. С.Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 1998. 288 с.
4. Делез Ж. Переговоры. 1972–1990 / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. 235 с.
5. Еникеев А.А. Введение в чтение Ж. Делеза. Исследование по поэтике и топологии философского текста. Краснодар: Новация, 2017. 110 с.
6. Еникеев А.А. Проблема чтения и письма в контексте поэтики и прагматики философского текста // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 122. С. 867-887.
7. Зенкин С.Н. Работы о теории: Статьи / Сергей Зенкин. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 560 с.
8. Ман П. де. Аллегории чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста: Пер. с англ. / Пер., примеч., послесл. С.А. Никитина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 368 с.
9. Панофски Э. Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма / Пер. с нем. Ю.Н. Попова (изд. 2-е, испр.). СПб.: Андрей Наследников, 2002. 237 с.
10. Подорога В.А. Время чтения / В.А. Подорога. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. 376 с.

© Еникеев Анатолий Анатольевич (rizoma69@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СМИ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

MASS MEDIA AS AN AXIOLOGICAL REGULATOR OF PUBLIC CONSCIOUSNESS: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

D. Izmailova

Summary: The article analyzes the role of modern mass media in the formation of the value content of human consciousness. As a result of the analysis of the value composition of modern mass media, a classification of mass media according to their axiological significance has been proposed. The degree of influence of modern media on the formation of value orientations and the transformation of the consciousness of youth is considered. The socio-cultural significance of the media in the formation of public consciousness has been proved.

Keywords: mass media, values, axiology, value content, object values, spiritual values.

Измайлова Джамиля Ибрагимовна

Старший преподаватель, ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
Jamilyushka@yandex.ru

Аннотация: В статье проанализирована роль современных средств массовой информации в формировании ценностного наполнения человеческого сознания. В результате анализа ценностного состава современных средств массовой информации предложена классификация СМИ по их аксиологической значимости. Рассмотрена степень влияния современных СМИ на формирование ценностных ориентиров и трансформацию сознания молодежи. Доказана социокультурная значимость СМИ в процессах формирования общественного сознания.

Ключевые слова: средства массовой информации, ценности, аксиология, ценностное наполнение, предметные ценности, духовные ценности.

Актуальность исследования заключается в назревшей необходимости формирования и регулирования нравственных ориентиров современного общества, особенно молодежи. Проблема продиктована, в первую очередь, массовым засильем средств информации и коммуникации, транслирующих чуждые (а порой и враждебные) традиционной славянской культуре ценности.

Вопросами исследования ценностного наполнения современных СМИ занимались такие исследователи как Б. Бекер, М. Вайнштейн, А. Крокер, У. Ньюман, М. Паэту, Э. Тоффлер.

Целью данного исследования выступает анализ влияния средств массовой информации на формирование общественного сознания в контексте нравственных ориентиров и ценностного наполнения.

Для реализации поставленной цели был решён ряд задач:

1. проанализированы этапы развития традиционных СМИ;
2. изучен ценностный состав современных СМИ, на основе которого была предложена их классификация по степени аксиологической значимости;
3. выделены этапы формирования социокультурных ценностных ориентиров посредством современных СМИ.

Методологический каркас исследования составляют определённые принципы, подходы и методы. Принцип объективности обеспечивает всесторонний и комплексный анализ предмета исследования, на основе которого проведена классификация современных российских СМИ по степени аксиологической значимости и наполненности; принцип компаративизма позволил провести сравнительный анализ влияния различных форм СМИ на сознание человека.

Исследование проводилось на основе ценностного, многомерного и междисциплинарного подходов.

Формирование ценностного наполнения человеческого сознания может быть продиктовано и обусловлено множеством социокультурных и социально-экономических явлений общественной жизни. В социологии и педагогике принято считать, что ценностные ориентиры личности формируются в период её социального становления в различных социальных группах: от детского сада до трудового коллектива и круга друзей. То есть основное ценностные ориентиры личности формируется под влиянием различных институтов социализации. Здесь необходимо отметить имеющуюся бинарность процесса социализации, т.е. не только индивид усваивает имеющийся социальный опыт и аксиологические ориентиры данной группы, но и социальная группа способна трансформироваться под воздействием опыта индивида. Исходя из этого очевидно, что формирование ценностного наполнения личности может происходить как за счёт

уподобления значимым персоналиям социальной группы (общества), так и за счёт присвоения общественных ценностей [1, с 12].

В контексте данного исследования мы будем рассматривать степень влияния средств массовой информации на формирование ценностных ориентиров и трансформацию общественного сознания. Здесь автор считает необходимым задаться рамками концептуализации понятия ценности. В данном случае, имеет смысл разделить ценности на базовые группы:

- предметные ценности. К ним отнесём все ценности материальной культуры человечества, имеющие положительную значимость;
- духовные ценности. К ним отнесём оценочные стороны всех явлений общественной жизни, а именно: общественные установки, нормы морали, представления о смысле жизни, добре, справедливости и т.д.

В рамках данного исследования проанализируем влияние СМИ на формирование духовных ценностей.

Предшественниками нынешних средств массовой информации стоит считать так называемые куранты, появившиеся в Российской империи ещё при Петре I и представлявшие собой рукописные обзоры немецкой и голландской прессы. В 1720 году появились печатные «Санкт-Петербургские ведомости», а в 1756 году «Московские ведомости». К 1917 году пресса Российской империи стала одной из мощнейших на то время в мире – различная периодика выходила без малого в 200 городах России.

Традиционно принято выделять четыре этапа в развитии средств массовой информации:

1-ый этап – эпоха газет. Для этого этапа характерно активное использование СМИ властью для целенаправленного воздействия на граждан. С помощью газетных сообщений формировалось общественное мнение.

2-ой этап – радиоэпоха. Начинается примерно с 1921 года, когда в России началось регулярное массовое проводное вещание, и продолжается вплоть до 40-ых годов XX столетия. Очевидно, что эффективность информационного влияния вышла на новый уровень, т.к. благодаря радиотехнологиям спектр информационного воздействия расширился от новостных газетных сообщений до информационно-развлекательных и познавательных программ. Кроме того, очевидно, что расширился круг объектов воздействия: газеты были доступны только грамотной части граждан, а радиосообщения могли слушать на улице все желающие.

3-ий этап – эпоха телевидения. Хронологически это наиболее длительный и максимально эффективный этап эволюции СМИ. Его продолжительность порядка 50 лет, вплоть до появления глобальной сети. Эффективность

информационного воздействия на граждан объясняется синхронным воздействием на основные органы чувств человека – зрительный и слуховой [2, с.4].

По мнению автора из перечисленных выше средств вещания, особое место занимают печатные СМИ. Это объясняется тем, что содержание информации, выраженной в письменной форме более склонно к аналитичности. То есть сам процесс чтения предполагает активную интеллектуальную работу по усвоению, интерпретации и анализу полученной информации. Кроме того, к печатной информации всегда можно вернуться для уточнения, детализации, переосмысления и т.д.

При этом основные преимущества радио связаны с оперативностью, абсолютной доступностью и технической простотой и дешевизной производственного процесса. Стоит отметить, что выразительные средства радиожурналистики – прямые эфиры, живой голос и т.д. обладают достаточно высоким потенциалом в реализации поставленных задач по формированию общественного мнения.

И наконец, телевидение. Оно органично сочетает в себе возможности радио, кино, живописи, театра и т.д., тем самым добиваясь полного жизнеподобия транслируемых картин. Причинами столь быстрого распространения телевидения можно назвать, в первую очередь, зрелищность – известный факт, что 90% информации об окружающем мире человек получает именно через зрительный анализатор. Ну, а кроме того, для восприятия телевидения не требуется никаких специальных знаний или навыков, даже элементарной грамотности.

Наиболее важным и интересным этапом в развитии СМИ можно считать четвёртый этап.

Четвертый этап – эпоха глобализации – время, когда на массовое сознание воздействуют все предыдущие СМИ (газеты + радио + телевидение) и появляется глобальная сеть Интернет [2, с. 5]. Мы предлагаем этот этап считать началом качественно нового уровня: переход средств массовой информации в средства массовой коммуникации, поскольку любой пользователь сети может не только знакомиться с новостями в Интернете, но и предлагать своё альтернативное видение существующей информации.

Анализируя этапы эволюции СМИ, становится очевидным, что кроме своей основной функциональной нагрузки (информационной, просветительской, развлекательной и т.п.) СМИ всегда были не только идейными вдохновителями, идеологическим локомотивом, но аксиологическим ретранслятором любого общества.

Определим назначение и основные функции СМИ в

Российском обществе.

Согласно ряду исследований [3, с.140], выделяют четыре основные теории для характеристики СМИ.

1. Авторитарная теория. Согласно этой теории, СМИ предназначены для поддержания и проведения политики действующего правительства и обслуживания государственных интересов.
2. Либертарианская теория. Согласно этой теории основная цель СМИ заключается в информировании и развлечении общества, но при этом в помощи в определении истины и контроле правительственных действий.
3. Теория социальной ответственности. Основные цели СМИ по этой теории заключаются в информировании и развлечении, но при этом в переводе возможных социальных конфликтов на уровень обсуждения.
4. Советская социалистическая теория. Согласно этой теории, основная цель СМИ – способствование успеху и поддержанию советской социалистической власти, а в частности диктатуры партии.

На сегодняшний день в современной России сформировался подход к средствам массовой информации близкий к либертарианской теории. Этот подход также называют «концепцией свободной воли» [4, с. 21]. Согласно этой концепции главной целью современных СМИ является удовлетворение потребности общества в информации.

Расширение масштабов использования средств массовой коммуникации в XXI в. актуализировало общественное сознание как продукт коммуникативно-информационных технологий. На сегодняшний день масс-медиа можно смело назвать мощнейшим средством воздействия на ценностные ориентиры общества, его моральные и нравственные установки. Как указывает Городенко Л.М., важнейшей функцией и основным назначением современных масс-медиа является предоставление конечному потребителю объективной информации и реальной картины настоящего, обеспечение свободы мысли и слова, а также предоставление права публично выражать свои мысли и отстаивать гражданскую позицию [2, с. 9]. В свою очередь Г.Г. Почепцов указывает, что СМИ должны осуществлять контроль за работой различных ветвей власти, поднимать актуальные вопросы и следить за ходом их решения, выполнять роль общественного наблюдателя, представлять интересы конечного потребителя общественной информации [3, с.143]. По мнению автора в условиях глобализационных тенденций ведущая роль СМИ в формировании гражданского сознания заключается не только в самом определении СМИ как «четвёртой власти», т.е. в выполнении функции не столько идеологического и политического влияния, сколько социокультурного влияния и воспитания. Т.е.

в нашем понимании помимо основных общепринятых функций СМИ на первый план сегодня выходит функция аксиологическая. В контексте современных глобальных кризисов ключевой вектор движения российских (и не только) СМИ ориентирован, в первую очередь, на массовое потребление и коммерческий успех; традиционные культурные ценности заменены на псевдоценности и мнимые (часто генетически чуждые) аксиологические установки. Следствием такого развития СМИ вполне обоснованно стали очевидные сдвиги в традиционной иерархии ценностных компонентов в сторону этических «суррогатов».

«Аксиосфера» современных СМИ не имеет единого социокультурного стержня. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что современное мировое сообщество по своей сути сегодня является поликультурным. Поэтому из всех доступных средств массовой информации к нам ежедневно доносят христианские (мусульманские, буддийские и т.д.) или демократические (республиканские, монархические и т.д.) и иные ценностные категории, при этом однозначным мерилom данных ценностей (или псевдоценностей) не может, пожалуй, выступить никто.

Изучить ценностный состав современных медиа представляется довольно сложной задачей по многим причинам. В рамках настоящего исследования автор предлагает ввести некую условную классификацию СМИ по степени аксиологической значимости и наполненности. При составлении данной классификации автор опирается на базовую систему ценностей.

1. Религиозные СМИ. Данную категорию СМИ автор выносит на первое место в силу того, что именно религиозные СМИ могут и способны сформировать у гражданина базовые ценности для данного общества. В нашем случае такими СМИ могут выступить православные печатные издания, теле- и радиоканалы, христианские сайты и интернет сообщества. Хотя в России, так исторически сложилось, и представлены все мировые религии, но общие точки соприкосновения в фундаментальных ценностях есть.
2. Культурно-просветительские СМИ. Сюда отнесём периодические издания, телепроекты и сайты, посвящённые литературе и искусству, научно-популярные и просветительские программы.
3. Патриотические СМИ. К этой категории отнесём многочисленные сетевые проекты патриотической направленности, радиостанции и телеканалы (например, «Звезда»), периодические издания.
4. Научные СМИ. К этой категории отнесём специализированные СМИ строго научной направленности, способные формировать правильную картину мира.

Анализ рейтингов современных СМИ показал, что подавляющее большинство из них находится в некоем «ценностном хаосе». Например, к программам с наибольшим рейтингом за 2018 и 2019 год относятся ток-шоу «Пусть говорят», «Прямой эфир», «Давай поженимся», «Секрет на миллион», а также ряд телесериалов. Необходимо отметить, что самой рейтинговой программой 1-го канала Российского телевидения за 2019 год стала трансляция парада Победы.

Значительно раньше анализируемого рейтинга, а именно в июне 2005 года была принята «Хартия телеведущих против насилия и жестокости», подписанная руководителями шести российских телеканалов. В частности в указанном документе говорится, что все без исключения должны принять всевозможные меры к недопущению нанесения ущерба общественной нравственности [5,6].

Процесс формирования социокультурных ценностных ориентиров средствами массовой информации можно условно разделить на три этапа.

Первый этап – синтез определенной ценности на основе наблюдения за отдельными фактами общественной жизни и показа этих фактов.

Второй этап – популяризация данной ценности или включение её в систему уже существующих в данном обществе ценностей.

Третий этап – утверждение данной ценности в системе путём её пропаганды в обществе [7, с.913].

Очевидно, что на первом и втором этапе формирования ценности ключевую роль играют именно средства массовых коммуникаций. А третий этап, что называется, дело техники при условии чётко отработанных первых двух.

Выводы. Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что современные средства массовой информации являются одним из самых мощных средств, ответственных за формирование ценностных ориентиров, моделей поведения и стереотипов мышления в современном социуме. Этот факт констатирует необходимость признания значимости СМИ в процессах формирования и трансформации ценностных основ внутреннего мира человека, в формировании духовно-нравственных основ личности.

Перспективой дальнейших исследований является анализ воздействия СМИ на сознание молодёжи в контексте влияния социальных сетей на формирование духовно-нравственных ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погорелая Л.П. Негосударственные средства массовой информации как институт гражданского общества (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Киев, 2015. - 20 с.
2. Городенко Л.М. Средства массовой информации в контексте общественного мнения: формирование, функционирование, жанровые приёмы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев: 2003. - 12 с
3. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003. - 381 с.
4. Чубенко Д.С. Ценности современной России // Сборник научных статей. – Нижний Новгород: Изд. НГУ, 2006. С. 21.
5. Баркова Э.В. Планетарный смысл сохранения гуманитарно-интеллектуального потенциала культуры: взгляд эколога // Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтничном ВУЗе. Материалы IV Всероссийской (с международным участием) научно-методической конференции. Под редакцией Л.Д. Торосян. - М.: 2018. С. 23-31.
6. Баркова Э.В. Гуманитарное мышление в экофилософских ориентирах самоидентификации субъекта современного мира // Право и практика. 2018. № 1. С. 248-255.
7. Волков, В.А. Влияние СМИ на формирование культурных ценностей: аксиологический аспект // Молодой ученый. — 2015. — № 3 (83). — С. 913-915. — URL: <https://moluch.ru/archive/83/15136/> (дата обращения: 31.05.2021).

© Измайлова Джамиля Ибрагимовна (Jamilyushka@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЕВРАЗИЙСТВО В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

EURASISM IN THE PERIOD OF SOVIET RUSSIA

L. Kocharsky

Summary: The article reveals the essence of ideas of Eurasianism and their influence on the state policy of the USSR. The article emphasizes the relevance of the Eurasian concept on the example of the formation of interstate organizations and the modern development of the concept of classical Eurasianism in the form of Neoeurasianism. The presented article is devoted to the study of the ideas of Eurasianism in the Soviet period, in the works of leading domestic and foreign scientists in this area. The author came to the conclusion that the political and philosophical concept of Eurasianism had practically no effect on the constitutional system and state administration in the USSR. Although attempts were made to introduce Eurasian ideas in the USSR, by publishing their works and putting forward programs.

Keywords: eurasianism, neourasianism, orientalism, geopolitics, russian emigration.

Кочарский Лев Савельевич

Аспирант, Сочинский государственный университет,
г. Сочи; м.н.с., ФГБУН «Федеральный исследовательский
центр «Субтропический научный центр
Российской академии наук»
lum.mas@yandex.ru

Аннотация: Статья раскрывает содержание идей евразийства и их влияние на государственную политику СССР. В статье подчеркивается актуальность евразийской концепции на примере образования межгосударственных организаций и современного развития концепта классического евразийства в форме неоевразийства. Представленная статья посвящена исследованию идей евразийства в Советский период, в трудах ведущих отечественных и зарубежных ученых в данной сфере. Автор пришел к выводам, что политико-философская концепция классического евразийства практически не повлияла на конституционный строй и государственное управление в СССР. Хотя производились попытки внедрения евразийских идей в СССР, путем публикации своих работ и выдвижения программ.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, ориентализм, геополитика, русское зарубежье.

Актуальность в изучении развития евразийской политико-философской концепции в СССР весьма очевидна. Во-первых, так как евразийство в период становления Советской России, стало историческим продолжением эпохи эмигрантского евразийства. Во-вторых, необходимо изучить влияние идей евразийства на конституционный строй и политику Советского государства.

Необходимо подчеркнуть, что тематика евразийства с их социально-философскими воззрениями и предложениями, направленными на государственное управление СССР в научной литературе, в данной проблематике, рассматривается в основном поверхностно. Стоит отметить таких представителей научного сообщества, которые касались данной проблематики - А.С. Панарин, А.Г. Дугин, так и западных исследователей, таких как М. Ларуэль, Н. Рязновский, З.М. Бассин, в изучении евразийства в Советской России [1,2,3,4,5].

Также, актуальность исследования евразийских идей обозначена, современной политической ситуацией на мировой арене, которая влияет на Россию: введение санкций по отношению к нашей стране, кризис внешнеполитических отношений с США и Европой.

Данные события наталкивают на мысль, что Россия не является Европой и она не сможет интегрироваться с Европой и Америкой. Возможно развитие России связано с особым самобытным путем, который и отста-

ивали в своих идеях евразийцы.

В этом исследовании будет использован метод сравнительного анализа. Сравнительный анализ будет применен для выявления влияния евразийских концепций на политику СССР в исследуемый период.

Евразийство — это движение русской интеллигенции эмигрировавшей в страны Европы, которое зародилось в 20 годах, XX века. Основными взглядами, которые отстаивало данное политико-философское движение, выступали: самобытность России, ее принадлежность к геополитическому концепту Евразии и выделение азиатского компонента нашей страны как ключевой особенности [6].

При рассмотрении евразийской концепции в советский период, необходимо дать краткую характеристику самого явления евразийства и его основных этапов. Обычно в научной литературе, выделяют 3 этапа, через которые прошло евразийское движение:

1. Классический период. На этом этапе, в 1920 х годах, сформировалось само политико-философское движение с его основными концепциями, такими как - обоснование антизападничества и самобытности России. Основные представители: Н. Трубецкой, Г. Флоровский, П. Савицкий.
2. Советский период. Для него характерен возврат к идеям классического евразийства, после распада их организаций в 30 годах. В это время про-

исходит разработка социально-экономических и политических программ, для применения евразийских идей в контексте советской политики. Основные представители: П. Сувчинский, Н. Алексеев, С. Эфрон.

3. Период неоевразийства. Характеризуется адаптацией евразийских идей к современным условиям. Основные представители: Л. Гумилев, А. Дугин, А. Панарин.

Российская эмиграция за рубежом, активно следила за революционными событиями, происходившими в России. Становление советской власти в России, стало благоприятным условием для реализации новых политических идей. В первые годы после образования СССР были провозглашены многие демократические идеи, такие как: равноправие вне зависимости от пола и национальной принадлежности, право на труд, идея гражданского мира.

Все это стало той средой, в которой реализовывались различные политические идеи и течения, в том числе и евразийство.

Сама мировая послевоенная обстановка конца XIX века и первой трети XX, была благоприятной почвой, для выдвижения национальных государственных идеологий и евразийской концепции в том числе.

В этот период произошло столкновение таких политических движений и идеологий как: фашистская, коммунистическая и нацистская. В Америке, во время Великой депрессии были выдвинуты такие программы и идеи, как «новый курс» и прогрессивизм. Все эти процессы повлияли на государственную политику стран США, Европы и СССР второй половины XX века.

Основатели евразийства видели положительную тенденцию в смене власти в России. В последствиях Гражданской войны и революции в России, евразийцы рассматривали как соглашение между народом и большевиками. В первую очередь евразийцы выражали свои надежды в том, что наша страна, вернется к своей самобытной культуре и произойдет восстановление и развитие общественно-политического строя в России. Н.С. Трубецкой в своих работах отмечал: «Советскому государству 30-х годов, присущ классовый коллективизм, который лежит в основе его государственного устройства, и противопоставляется буржуазному индивидуализму» [7, с.3-9].

Если в революции евразийцы видели позитивную динамику, то к коммунистической идеологии у них оставались вопросы. Так, по их мнению: «советская идеология губительна и может забрать за собой в гроб другие социалистические принципы в целом» [8, с.15-17]. П. Н.

Савицкий, видел демотическое некоммунистическое будущее в СССР.

Поэтому представители евразийства пришли к мнению, что им необходимо разработать новую идеологическую концепцию, которая будет реализована в СССР.

Для претворения в жизнь своих замыслов представители евразийства, хотели создать свою партию, посещали СССР и старались наладить связь с советскими оппозиционными организациями.

Одним из основных шагов, для претворения своих замыслов в жизнь, стала разработка евразийской программы 1927 г. В ней были заложены положения по поводу православной религии, раскрывались демотические и идеократические идеи, предназначавшиеся для государственного реформирования Советского государства.

Под демотией евразийцы понимали органическую демократию, реализующей принцип участия граждан в решениях вопросов, влияющих на всю судьбу народа. Н.С. Трубецкой отмечал - «идеократическое государство - это суверенная политическая организация, объединенная национальной идеологией включающая в себя интересы социальных, религиозных, профессиональных, этнокультурных и других групп населения и классов [7, с. 5-6].

Программа подразумевала, внесение изменений в советский конституционный строй. В частности, закрепление религиозных правовых норм, включающих в себя легитимизацию священнослужителей и религиозных организаций и наделение их юридическими правами и обязанностями.

Стоит отметить схожесть Конституции СССР 1927 г. с некоторыми положениями программы, выдвигаемой евразийцами в этом же году [9, с.353-355]. В частности, положения, касающиеся конституционного строя, а именно совпадения в структуре государственных органов власти.

Адепты евразийской идеи, были не единственными, кто занимался пропагандой идеократии в советский период. Представители русского фашизма, также выступали за создание идеократического государства в СССР. Отличие между ними заключалось в том, что фашисты выдвигали первоочередность православия и русской национальности. Евразийцы требовали сохранить русскую самобытность и нацию.

Под нацией они понимали «исторически сложившуюся общность людей, с единством духовной культуры, экономических условий, языка и территорий» [7, с. 15].

Стоит отметить, что не все евразийцы позитивно отнеслись к революционным преобразованиям советской

власти. На основе разного отношения к государственному управлению в СССР, произошел раскол в философско-политическом движении на два евразийских крыла на левое (просоветское) и правое (антисоветское).

Представителями левого крыла являлись: Д.П. Святополк Мирский, С. Эфрон, П.Л. Красавин, правого Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий и Н.С. Трубецкой.

В это время в 1930 году, была выпущена листовка «Газета «Евразия - не евразийский орган», в которой было отмечено, что левое крыло евразийства, является антиевразийства. Некоторые из представителей этого крыла, вернулись в СССР и были репрессированы. Но стоит отметить, в это же время правое крыло продолжило свою издательскую деятельность журналов, книг, брошюр и даже в 1932 году основало эмигрантскую евразийскую партию [10, с. 55-57].

Несмотря на свою политическую активность, представителям евразийства не удалось реализовать свои политико-правовые идеи. Одной из причин выступил тот факт, что большинство евразийцев придерживались антикоммунистических позиций и подверглись репрессиям со стороны действующей власти.

Советскую власть, они считали временным явлением, на смену которого должно прийти идеократическое евразийское государство. Основная претензия евразийцев к коммунистическому режиму, выражалась в неприятии атеистического и классового характера государственного управления в СССР.

Другой причиной является утопичность и некоторая противоречивость евразийских идей, выраженных в евразийской программе 1927 г. и евразийских трудах советского периода. Например, концепт «потенциального православия», в котором отмечено, что «православие выступает единственно верным ответвлением христианства и иные вероисповедания, тяготеют к нему как к своему центру».

В работах евразийцев эта идея выделяла православный русский народ перед остальными евразийскими народами. Данный концепт противоречит идеи «евразийского плавильного котла», который выступал национальной консолидацией равенства всех народов населения СССР.

После раскола евразийства в 30-х годах прошлого столетия, эта политико-философская концепция оказалась в вакууме. На фоне политических процессов в СССР этого времени, она стала представлять из себя всего лишь «угасшую идеологию», которая осталась на долгие годы табуированной тематикой.

Концепции и прогнозы представителей евразийства проецируемые на Советскую Россию не оправдались, так и оставшись на страницах теоретических трудов того периода. Несмотря на это, евразийские идеи остаются актуальными и в последнее время активно используются, как и в теоретической форме неоевразийства, так и в практической деятельности международных организаций, и в политической практике стран бывшего СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М: Евразийское движение, 2017. 532 с.
2. Панарин А.С. Атлантизм и евразийство: два сценария для России // Россия: опыт национальногосударственной идеологии. М: 1994. 325 с.
3. Bassin Mark. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://www.cambridge.org/core/journals/slavicreview/article/abs/russia-between-europe-and-asia> (дата обращения: 13.05.2021).
4. Marlène Laruelle. L'idéologie eurasiste ou comment penser l'empire. Paris, L'Harmattan. Paris. 2018. 425 p.
5. Riasanovsky N. Prince N.S. Trubetskoy's «Europe and Mankind» // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas, 13 (1964). S. 207–220; idem. The Emergence of Eurasianism // Californian Slavic Studies, 1967. №. 4. P. 39 –72.
6. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. М: 2018. 632 с.
7. Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VIII.
8. Савицкий П.Н. Евразийство // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
9. «Русские источники современной социальной философии». Кн. 2. «Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн» (ред.-составит. Новикова Л.И., Сиземская И. Н.). М., 1992.
10. M.Galas // Soviet State in Russia in the New Economic Policy Period in Historical Researches of the Eurasians and Smenovekhovtsy. p. 55-61.

© Кочарский Лев Савельевич (lum.mas@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЮРКСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ И ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ В СВЕТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Кулиев Фахрaddin Абдулкерим оглы

*Д. философии по философским наукам, Азербайджанская
Высшая Военная школа имени Гейдара Алиева (г. Баку)
fakhraddin.kuliyev@inbox.ru*

THE RELATIONSHIP BETWEEN TURKIC FOLK POETRY AND THE THEORY OF FUNCTIONAL SYSTEMS IN THE LIGHT OF EVOLUTIONARY EPISTEMOLOGY

F. Guliev

Summary: The article is devoted to the study of the relationship between Turkic folk poetry and the theory of functional systems in the context of evolutionary epistemology. The epistemological significance of the theory of functional systems in the study of the evolution of man and his cognition is indicated, which makes it possible to establish such properties of evolution as the nonlinearity of the path of development, the harmonious relationship between structure and function, functional and structural hierarchy and fractality, anticipating reflection, as the basic principle of the organism's adaptation to the external world. Turkic folk poetry in its genesis and development mechanism is a poetic interpretation of the principles of the theory of functional systems, demonstrates the scientific and methodological potential of system genesis and the concept of advanced reflection. The theory of functional systems and Turkic folk poetry, complementing each other, can form a methodological basis for a holistic study of the nature of human cognition and its creativity.

Keywords: evolution, functional system, folk poetry, anticipatory reflection, hierarchy, fractality.

Аннотация: Статья посвящена исследованию взаимосвязи тюркской народной поэзии и теории функциональных систем в контексте эволюционной эпистемологии. Обозначено гносеологическое значение теории функциональных систем в исследовании эволюции человека и его познания, позволяющих установить такие свойства эволюции как нелинейность пути развития, гармоническое соотношение между структурой и функцией, функциональноструктурная иерархичность и фрактальность, опережающее отражение, в качестве основного принципа приспособления организма к внешнему миру. Тюркская народная поэзия по своему генезису и механизму развития является поэтической интерпретацией принципов теории функциональных систем, демонстрирует научнометодологический потенциал системогенеза и концепции опережающего отражения. Теория функциональных систем и тюркская народная поэзия, дополняя друг друга могут составлять методологическую основу для целостного исследования природы человеческого познания и его творчества.

Ключевые слова: эволюция, функциональная система, народная поэзия, опережающее отражение, иерархичность, фрактальность.

Введение

Народная поэзия, будучи одним из наиболее важных источников национального мировоззрения, образа мышления, отношения к окружающему миру и эволюции народной поэзии с точки зрения исследования эволюции народного мышления имеет большое научнофилософское значение.

Известно, что закономерности и принципы эволюции живых систем как объектов отражения, оказывают заметное влияние на эволюцию отражающей системы, в частности, на тюркскую народную поэзию, в силу того, что в процессе отражения, отражаемое первично, а отражающее, вторично. Исходя из этого исследовать взаимосвязь эволюции живых организмов и тюркской народной поэзии в аспекте теории функциональных систем П.К. Анохина, является более целесообразным, так как данная теория включает в себя научные основы эво-

люции человека и познавательных процессов. В частности, теория системогенеза раскрывает физиологические механизмы возникновения и развития человеческого организма, как *homo sapiens* – человека разумного (как принято в биологии) и гносеологические основы творческого мышления, которое свойственно *homo cogitans* – человеку познающему.

Целью данной статьи является попытка показать значение теории функциональных систем в установлении взаимосвязи эволюции живых организмов и тюркской народной поэзии, с учетом их тождественных и различительных свойств.

В качестве методологической основы данного исследования выбрана эволюционная эпистемология, в которой показано, что люди, и их познавательные способности являются результатом эволюционного процесса [13, с. 408].

Концептуальные основы теории функциональных систем

В связи с тем, что функциональная система является сложным и многоаспектным феноменом, то П.К. Анохин представил, различные ее дефиниции, в частности, «динамическое целостное образование», «динамически складывающийся саморегулирующийся комплекс центральных и периферических образований», «комплекс нервных образований», «система активно объединенных процессов, сочетание процессов и механизмов, которые обеспечивают достижение полезных приспособительных результатов».

В работе используется данное П.К. Анохиным определение «функциональной системы» как единицы интеграции целостного организма, складывающегося динамически, для достижения любой его приспособительной деятельности и всегда на основе циклических взаимоотношений, избирательно объединяющая специальные центрально-периферические образования [4, с. 154].

Основы теории функциональных систем составляют: 1) принцип выборочной мобилизации структур, который является доминирующим [3, с. 25]; и 2) идея о том, что созревание функциональных систем всегда происходит в процессе опережения навстречу экологическим факторам, т.е. концепции опережающего отражения, как «универсальный и единственно возможный путь приспособления организма к внешнему миру» [5, с. 17-18].

Механизмы возникновения и развития функциональных систем раскрывает разработанная Анохином теория системогенеза, которая включает три основополагающих принципа: 1). Принцип избирательности (гетерохронии) в развитии отдельных функциональных систем и их компонентов. 2). Принцип консолидации элементов в функциональных системах. 3). Принцип минимального обеспечения функций.

Эти принципы объединяет идея оптимизации, каждый из которых выражает оптимизацию в сфере своего функционирования. Иными словами, пути развития функциональных систем нелинейны и имеют альтернативные варианты.

Смысл гетерохронности заключается в том, что структурные компоненты независимо от сложности и простоты закладываются в разное время к определенному времени объединяются и одновременно включаются в состав консолидированной функциональной системы.

Принцип консолидации компонентов функциональной системы оценивается как критический пункт развития ее физиологической архитектуры, т.е. система в процессе развития проходит через точки, в которых

путь развития разветвляется, имеет важное значение в смысле устойчивости функционирования системы.

Идея консолидации созвучна с идеями доминанты, так как доминанта создается за счет образования функциональной констелляции центров, часто расположенных в различных уровнях нервной системы, центры как участники данной констелляции, — «могут входить в разных комбинациях и с другими темпами и ритмами активности в состав других констелляций, осуществляющих другие рефлексы или другие произвольные акты» [16, с. 31-34].

Функциональные системы формируются по принципу оптимальности, т.е. по принципу минимальных затрат. Для обеспечения достижения результата нет необходимости окончательного структурного оформления всех компонентов системы, а достаточно, только, минимально необходимые составляющие операционной архитектоники. В онтогенезе созревают в первую очередь те функциональные системы, которые необходимы для дальнейшего развития организма.

Эти принципы включают физиологические и познавательные механизмы: в частности, взаимопереход синтетических и аналитических механизмов, что необходимо вместе с обратной афферентацией для принятия решения, обеспечивающего полезный результат; функциональную фрактальность, динамическую иерархию, и повышенную приспособительную способность.

Всё вышесказанное показывает, что «сложные структуры эволюции, как правило, подчинены принципу вложенности, масштабной инвариантности, самоподобия» [10, с. 139].

Системно-структурные особенности тюркской народной поэзии

Тюркская народная поэзия, как и функциональные системы формируется по принципу оптимальности, т.е. по принципу минимальных затрат. Если в функциональной системе для обеспечения достижения результата достаточно только минимально необходимые составляющие операционной архитектоники, то тюркская народная поэзия как саморазвивающаяся нелинейная система, в силу своей самодостаточности, диктует соответствующие лексические, структурные и функциональные средства для своего развития. В тюркской народной поэзии в качестве критерия оптимальности применим принцип наименьшего действия, который вместе с ограничениями (нелабиализованный теджнис, джыгалы теджнис и др.) являются достаточным для адекватности отражения народной поэзией процессов, происходящих в материальном и духовном мире как вторичная моделирующая система.

В тюркской народной поэзии наиболее распространенной формой поэзии является баяты, который состоит из четырех строк, состоящие из семи слогов и образует ядро тюркской народной поэзии. Все остальные формы образуются путем последовательного увеличения количества слогов в строках и куплетах. Преемственность и процессуальность народной поэзии постепенно приближает ее к своей оптимальной форме, и, тем самым, соответствует гносеологическому принципу Колмогорова, согласно которому в качестве универсального принципа, руководящего работой мышления и творчества, остается лишь тенденция к поискам возможно более простых решений [20, с. 30].

В структурном плане тюркская народная поэзия состоит из семантических центров – аттракторов и его окружения, которые повторяются в различных уровнях иерархии и в различных уровнях сложности. Аттрактор – это редиф или рифма, являющаяся точкой конвергенции строк. Рифма, как вспомогательный центр, находится на следующем иерархическом уровне, и таким образом, центр и его окружение повторяется рекурсивно. Рекурсия, будучи самодостаточной, самообразуется повторно, раскрывая свою сущность, саморазвивается и достраивает свою структуру. Этот процесс аналогичен «циклическим взаимоотношениям избирательно объединяющих специальных центрально-периферических образований» в функциональной системе, где редиф и рифма заменяют нейроны. Еще Низами сравнивал слово с живой водой и видел в этом его отражательные возможности: «Хотя живая вода скрыта в словах, И все, что возможно, дозволено в них отразить» [9, с. 44].

Слово, как живая клетка имеет свою эластичную, подвижную внутреннюю форму. Его значение как «условная оболочка мысли, охватывают тысячи различных явлений опыта и способна охватить еще новые тысячи» [15, с. 35].

Формы народной поэзии создаются на основе критериев «метр» и «ритм», при этом ритм – опора стихотворения, последовательность во времени, повторы основных характеристик процесса в равных временных интервалах, проявляют себя как в интеллектуальной,

так и эмоциональной формах. Иерархия ритмических единиц соблюдается в рамках словосочетания, строки, куплета и всего стихотворения.

Категория «гармония» в народной поэзии имеет динамическую природу, и в зависимости от поставленной задачи, процесс изменения содержания, как ведущая сторона поэтического творчества, требует соответствующую форму. Тем самым, гармония между формой и содержанием осуществляется с помощью принципа соответствия.

По отношению к данной проблеме искусство слова имеет, по существу, неограниченные возможности и проблема гармонии между формой и содержанием требует более глубокое и всестороннее исследования. «Исследование топологической структуры тюркского народного стиха раскрывает структурный изоморфизм между универсумом, головным мозгом и тюркским стихом» [21, с. 111] (См. рис. 1.).

В результате анализе механизмов афферентного синтеза Анохин сформулировал принцип интегративной деятельности нейрона, который выражается в конвергенции возбуждений на одном и том же нейроне и составляет центральную закономерность интегративной деятельности мозга. «Конвергенция возбуждений на одних и тех же нейронах, по-видимому, центральный механизм, без которого не может произойти афферентный синтез, ибо конвергенция обеспечивает взаимодействие, сопоставление и синтез возбуждений в аксоплазме нервных клеток» [5, с. 166].

Принцип конвергенции является рабочим принципом и народной поэзии, подчиняя себе все грамматические правила, действует в рамках строки, куплета и стихотворения, о котором сказано выше.

В теории функциональных систем, проблема гармонического соотношения функции и структуры рассматривается с позиции принципа выборочной мобилизации структур, которая в поэтическом искусстве рассматривается как проблема содержания и формы.

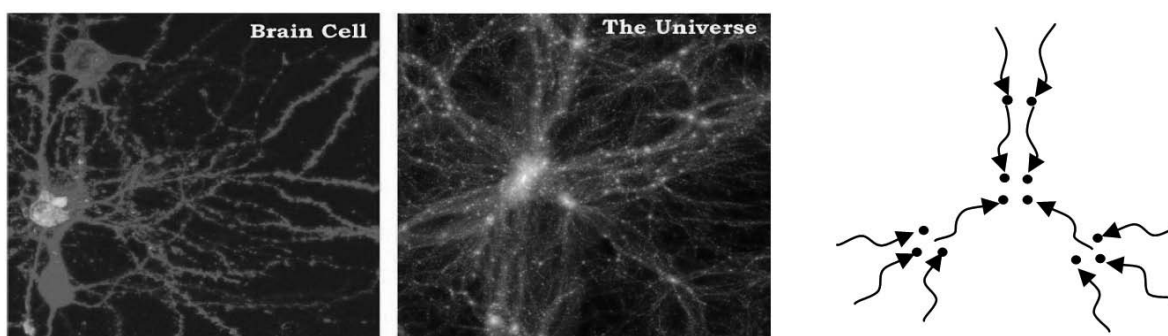

Рис. 1. Структура головного мозга и Универсума, Структура теджниса состоящего из трех куплетов

Содержание и форма – философские категории, отражающие взаимосвязь двух сторон природной и социальной реальности: содержание есть определенным образом упорядоченная совокупность элементов и процессов, образующих предмет или явление, а форма способ существования и выражения этого содержания. Содержание – ведущая, подвижная, динамичная сторона во взаимодействии, а форма, это не пассивная сторона, она не только способ существования содержания, но и своим активным содействием способствует его воплощению и развитию.

Народная поэзия более рельефно выражает взаимоотношения диалектических противоположностей, взаимодействие между формой и содержанием, и обратное влияние формы на содержание [19, с. 11].

Гносеологическое значение концепции опережающего отражения

С позиций эволюционной эпистемологии познавательный процесс представляет собой один из механизмов адаптации к окружающему миру, обеспечивающий необходимые условия для плодотворной деятельности и научное объяснение которого основывается на результатах современной теории эволюции. В этом смысле, концепция опережающего отражения П.К. Анохина проливает свет на ортологические и гносеологические аспекты проблемы творчества.

Подобно тому, как философия мыслит концептами, так и народная поэзия, как система национально-культурных взглядов на мир, на общество, на человеческую жизнь для поэтического выражения, также использует концепты как фундаментальные и исходные формы человеческого мышления. Концепты составляют основные структурные элементы концептуальной схемы, где каждый концепт занимает свое четко определенное место на уровне концептуальной схемы и концепты одного уровня конкретизируются на других уровнях, т.е. как отдельные концепты такие концептуальные схемы имеют фрактальную природу. А онтологическая фрактальность действительности позволяет определить фрактал не только как один из эффективных методов исследования окружающего мира, но и ее адекватного отражения. Форма отношения между микро и макрокосмом имеет аналогию в интерпретации концептуальных идей, изложенных в первом куплете во всех остальных куплетах во времени и пространстве [18, с. 122].

Если в теории функциональных систем, иерархия систем превращается в иерархию результатов каждой из подсистем предыдущего уровня [2, с. 30], так и в народной поэзии, имеется своя иерархия концептов и мотивов.

Функциональные системы отличаются своей динамичностью, их структурные образования обладают исключительной мобилизуемостью, благодаря которой системы становятся пластичными и способными внезапно менять свою архитектуру, чтобы получить требуемый полезный результат.

Искусство слова, в этом плане, имеет известное преимущество, так как, оно менее инерционно выражает человеческие мысли, которые более изобретательны, неожиданны и более пластичны. Тем самым концепция опережающего отражения проливает свет на механизмы творческого мышления, в том числе и поэтического. «С категорией отражения тесно связан принцип отражения, служащий основой требования объективности, адекватности результатов познания (образов, знаний) своим оригиналам» [17, с. 454].

Отражение – это выражение особенности процессов, свойственных оригиналу, как продукту взаимодействия объекта с субъектом. Онтология отражения представляет собой процесс взаимодействия объектов действительности, а гносеология отражения – установление соответствия между отражаемым и отражающим. Человеческий мозг, отражая пространственно-временной континуум, благодаря особой способности живого вещества, кроме всего прочего, накапливает опыт прошлого и способен через континуум строить опережение событий. И эта способность живого была широко использована на всем протяжении эволюции [5, с. 47-48].

Отражение – это двоякая функция материи как свойства и отношения носит всеобщий и закономерный характер, рассматривается как изоморфное или гомоморфное соответствие образа предмету. Отражение, как процесс многостадийный, творческий, требует от субъекта активного действия в избирательности и целенаправленности восприятия в процессе познания. А. Пуанкаре, анализируя процесс творчества, выделяет три последовательные стадии – это подготовка, инкубация и прозрение. Среди этих стадий прозрение имеет определяющее значение, так как прежде всего, «поражает своим характером внезапного прозрения, с несомненной свидетельствующий о долгой предварительной бессознательной работе; роль этой бессознательной работы в процессе математического творчества кажется мне неоспоримой» [14, с. 406-407].

Ж. Адамар обращает внимание на четвертую – сознательную стадию процесса, которую считал необходимой также и А. Пуанкаре: «... это новое выступление сознания после бессознательной работы необходимо не только ради очевидной цели изложить устно или письменно полученные результаты, но еще по трем мотивам, которые, впрочем, сильно связаны между собой» [1, с. 55].

Как известно, до стадии процесса решения проводится долгая предварительная бессознательная работа, и эта работа необходима для формирования механизма мышления.

Для обоснования гносеологических выводов необходимы научные данные, лучшие образцы которых, имеются в физиологической науке. В частности, механизм опережающего отражения включает именно акцептор результатов действия, «выполняющий функцию модели и аппарата предсказания будущих результатов и кодирует все свойства этого результата до того, как он будет реализован» [5, с. 45-46].

Проблема опережающего отражения в поэтическом творчестве поставлена еще Аристотелем, по мнению которого «задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости» [6, с. 655], т.е. кроме поэтического дара поэт должен иметь еще и аналитическое мышление, чтобы оценить предстоящее.

Концепция опережающего отражения П.К. Анохина посредством механизма обратной афферентации проясняет сущность стадии «озарения», с позиций нейрофизиологии обосновывает механизмы творческого мышления.

Процессы происходящих на молекулярном и клеточном уровнях в живом организме представляют собой универсальные механизмы функциональных систем, как объективно существующие аппараты самоорганизации приспособительных функций организма человека. В свою очередь, человеческий язык будучи самодостаточным, представляет собой «вечно порождающий себя организм» [8, с. 78] и раскрывает свои возможности в поэзии, ибо «всякое подлинное поэтическое произведение искусства представляет само по себе бесконечный организм, ... оно свободно творит из себя, поэтическое произведение преисполнено материей действительности» [11, с. 190]. Эти параллели имеют свои физиологические истоки: по мнению А.П. Анохина, интеграция более высокого уровня сравнима с понятием «рефлекса», рефлекс

же в виде временной связи существует в формах первой и второй сигнальных систем. Вторая сигнальная система, сигналы сигналов – это речь, слово, физиологическая основа абстрактного мышления в понятиях. «Слово усложняется, насыщается массой новых жизненных оттенков, приобретает ту жизненность, ради которой оно и существует на свете» [11, с. 39], а «язык-слишком сложный организм, хранящий и причудливым образом сочетающий то, что было приобретено в долгой эволюции» [12, с. 64].

Выводы

Эти аргументы являются достаточным основанием для вывода о том, что между теорией функциональных систем и тюркской народной поэзией существуют глубокие функционально-структурные связи.

Физиологическая сущность принципа консолидации элементов функциональных систем, составляющая онтологию адаптивного существования организма имеет гносеологическую аналогию в народной поэзии.

Теория функциональных систем и тюркская народная поэзия, дополняя друг-друга, объясняют две стороны процесса эволюции человека (физиологическую и познавательную), составляют необходимые элементы для целостного исследования природы человека.

Если принципы и концепции теории функциональных систем использовать в качестве критерия адекватности отражения действительности тюркской народной поэзии, то тюркская народная поэзия, как искусство слова, демонстрирует различные интерпретации онтогносеологической сущности теории функциональных систем в виде обобщения, параллелизма и фрактальности.

В процессе эволюции поэтического мышления как самого древнего и метафорического вида мышления, постепенно формировалась тенденция к адекватному отражению действительности, в особенности, эволюции человеческого организма и его мозга. В результате этого, народная поэзия приобрела свойства целостности, функционально-структурной иерархии и фрактальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. – М.: Советское радио, 1970, –152 с.
2. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // В кн: Принципы системной организации функций. – М.: Наука, 1973, – с.5-61.
3. Анохин П.К. Теория функциональной системы, в книге «Общие вопросы физиологических механизмов». – М.: Наука, 1970, с. 6-41.
4. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. – М.: Наука, 1980, – 197 с.
5. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. Избранные труды. – М.: Наука, 978 с.
6. Аристотель. Сочинения. – Т.4. – М.: Мысль, 1983, – 830 с.
7. Гегель. Сочинения. – Т. XIV. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958, – 440 с.
8. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.:Прогресс, 1984, – 400 с.
9. Гянджеви Н. Хосров и Ширин. – Баку: Элм, 1985, 440 с.

10. Князева Е.Н. Эволюционная эпистемология перед лицом междисциплинарных вызовов современной науки // Философия науки. Вып. 19. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФ РАН, 2014. С. 125-144.
11. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Издательство Московского университета, 1990, 269 с.
12. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. – М.: Наука, 1979, – 304 с.
13. Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010, Т. 4 - 736 с.
14. Пуанкаре А. О науке. – М.: Наука, 1990, – 736 с.
15. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.
16. Ухтомский А.А. Доминанта. – М-Л: 1966, – 264 с.
17. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989, – 815 с.
18. Quliyev F.A. Aşiq Hüseyin Bozalqanlının şeirlərində konseptual fraktallar, Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası, Fəlsəfə İnstitutu, Elmi əsərləri. Bakı: 2018, № 2(31), – s. 119-125 (на азербайджанском языке).
19. Quliyev F.A. Xalq poeziyasında forma və məzmun dialektikası, Geostrategiya, №4, Bakı: 2018, –s.10-14 (на азербайджанском языке).
20. Quliyev F.A. Türk xalq poeziyasında optimallıq prinsipləri haqqında, Metafizika. Bakı: 2019, №2, – s. 25-40 (на азербайджанском языке).
21. Quliyev F.A. Türk xalq şeiri strukturunun planetarlığı haqqında, Metafizika. Bakı: 2018, № 1, – s.102-115 (на азербайджанском языке)

© Кулиев Фахраддин Абдулкерим оглы (fakhraddin.kuliyev@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Азербайджанская Высшая Военная школа имени Гейдара Алиева

СУБЪЕКТЫ И ТЕХНОЛОГИИ ВОПЛОЩЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Латышева Наталья Александровна

*К.ф.н., доцент, Российский университет транспорта
(МИИТ-РОАТ),
nalat59@mail.ru*

SUBJECTS AND TECHNOLOGIES FOR THE EMBODIMENT OF THE SYMBOLIC SPACES OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF STRATEGIC INSTABILITY

N. Latysheva

Summary: The modern world is distinguished by unparalleled instability and changeability. The reasons and factors of its instability have long been the objects of study and analysis of domestic and foreign researchers. Many scientists distinguish the object-subjective aspects of social fluctuations and shocks. These are, first of all, the globalist intentions of certain world circles and elites. They are reflected in the corresponding cultural trends and symbolic and sign values. In many ways, such actions are associated with the leveling of national consciousness and culture. Often they are directed to depersonalize and discredit them. In the article, the author reveals the specifics of the symbolic spaces of Russia, identifies its main subjects and the technologies they use to embody the symbolic spaces of Russia, taking into account the specifics of modern strategic instability in the world. The author notes that the real unity of Russia is formed initially through the achievement of unity in symbolic spaces through overcoming the threats of strategic instability. Social networks and related technologies are identified as one of the factors of instability in the social space.

Keywords: discourse, subjects of symbolic spaces, symbolic spaces of Russia, symbol, strategic instability, technologies for the embodiment of symbolic spaces.

Аннотация: Современный мир отличается беспрецедентной нестабильностью и изменчивостью. Причины и факторы его неустойчивостью давно являются объектами изучения и анализа отечественных и зарубежных исследователей. Многие ученые выделяют объектно-субъективные аспекты социальных флуктуаций и потрясений. Это, в первую очередь, глобалистские интенции определенных мировых кругов и элит. Они находят отражение в соответствующих культурологических тенденциях и символично-знаковых ценностях. Во многом подобные действия связаны с нивелированием национального сознания и культуры. Часто они направлены на их обезличивание и дискредитацию. В статье автор раскрывает специфику символических пространств России, выявляет его основных субъектов и используемые ими технологии воплощения символических пространств России с учетом специфики современной стратегической нестабильности в мире. Автор отмечает, что реальное единство России формируется первоначально через достижение единства в символических пространствах через преодоление угроз стратегической нестабильности. Одним из факторов нестабильности в социальном пространстве определены социальные сети и связанные с ними технологии.

Ключевые слова: субъекты символических пространств, символические пространства России, символ, стратегическая нестабильность, технологии воплощения символических пространств.

Современный мир характеризуется тотальной нестабильностью. Каждый день мы слышим о кризисе, катастрофах, хаосе, военных конфликтах. А.С. Панарин один из первых в своем работал XXI век распознал и определил, как век стратегической нестабильности: «XXI век только начался, а здесь он уже окрещен в целом как стратегически нестабильный – то есть непредсказуемо пертурбационный в самых существенных моментах» [7, с. 5.]. А.С. Панарин пришел к выводу, что источником нестабильности является бросок ряда элит рыночной цивилизации обмена к своему планетарному доминированию под прикрытием понятиями «глобализация», «глобализм»: «Глобализм» ныне – наимоднейшее слово либерально-прогрессивистской мысли. Хотя, если вдуматься в объективное содержание, обозначаемое этим словом, нас поразит его банальность. В самом деле: еще в начале XIX столетия исследователи писали о едином мировом пространстве, создаваемом рыночной

цивилизацией обмена... Как бы ни поражала наше воображение современная информационная революция, к сути понятия, обозначающего мировую цивилизацию обмена, она мало чего добавляет». [6, с. 5.]

А.С. Фурсов пишет о кризисе-матрешке, который неразрывно связан с борьбой проектов. [17, с. 3-20] Кризис-матрешка содержит в себе несколько взаимосвязанных кризисов: кризис мультикультурализма, который продвигали сторонники глобализма, демографический кризис, биосферно-экологический. И генерируются эти кризисы капитализмом, самой его природой: «Поскольку капитализм – это, во-первых, глобальная система, во-вторых, система, основанная на необратимой эксплуатации не только человека, но и природы, его кризис – это ресурсный кризис в масштабах планеты Земля». [16, с.13.]

Последнее указывает на то, что современный гло-

бальный хаос и стратегическая нестабильность обусловлены деятельностью определённых социальных субъектов. У этого стратегического хаоса есть определённые выгодополучатели/бенефициары. [18]

Конечно, у современной стратегической нестабильности есть и объективная сторона. Но сама риторика, связанная с ситуацией хаоса и глобальной нестабильности, все жёстче смыкается на человеке, который объявляется главным виновником хаоса. [20]

Следует отметить, что не конкретному человеку, а человеку как таковому, как биологическому типу и форме живого фактически объявлена война и провозглашен курс на постчеловечество и конец истории. [13] Одновременно ведётся работа по демонтажу национального государства и основанной на нем архитектуры современного мира. [15] События, связанные с Covid-2019, усиливают данные тенденции. [5]

Удивляют и названия некоторых работ, которые можно рассматривать и как своеобразный симптом происходящего. Примером может служить работа Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции». [14] Складывается впечатление, что автор работы не является представителем человечества, а неких субъектов, стремящихся выйти за пределы человечества путём его отрицания и преодоления. Ф. Ницше этого субъекта определил, как сверхчеловека.

В этом плане сама технологическая революция выступает источником хаоса и нестабильности, вызывая у людей шок будущего (футурошок), о чём в своё время отметил в своей работе Э. Тоффлер. [11], по его мнению, шок, который испытывают люди, приводит к психологическому онемению, к самой реальной опасности, которая подстерегает человечество. Причина шока будущего – увеличивающийся разрыв между скоростью перемен в разных секторах общества, скоростью изменения окружения и ограниченной скоростью человеческой реакции на эти изменения. [11] Футурошок вызывает культурный шок, который в свою очередь ведет к замешательству, фрустрации, дезориентации и реальным болезням среди больших масс людей. [11]

Применительно к России эта ситуация осложняется определенными циклами разрыва в истории. Н.А. Бердяев указанную особенность русской истории описал следующими образом: «Для русской истории характерна прерывность. В противоположность мнению славянофилов, она менее всего органична. В русской истории есть уже пять периодов, которые дают разные образы. Есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет новая Россия». [1, с.15.] Послед-

ние 30 лет Россия находится на таком переходе от одной своей исторической формы к другой, которую Н.А. Бердяев назвал «новой».

При этом следует отметить еще одну особенность русской истории. Пристальное внимание за отечественной историей позволяет говорить об определенных циклах падения России по причине сбоя в мировоззрении и целеполагание элиты. Слово о полку Игореве красноречиво об этом говорит. А в наши дни источником падения России стал мировоззренческий и ценностный соблазн элиты глобализмом. Определённые детали этого процесса описаны А.С. Панариным в соответствующей работе. [6]

Символическое пространство является одним из измерений бытия России, российского общества и государства. И оно также стало одним из пространств стратегической нестабильности. Эти явления идут по всему миру. Ярким выражением данного процесса является снос памятников, которые так или иначе связаны с базовыми идеями и событиями Нового времени. По большому счёту, этот хаос связан с сознательной деконструкцией Модерна как культурно-исторического проекта и фазы развития человечества. Базовым средством-технологией демонтажа Модерна является постмодернизм.

Постмодернизм первоначально возник с сферы искусства, то есть в символическом пространстве. Снос Модерна начался именно в символической сфере: с деконструкции базовых идей и принципов архитектуры Модерна. Феномен и практика постмодерна неразрывно привели к эпохе постправды [16] и тотальности фейков. [12]

Символ изначально имел свою онтологию, он был онтологичен и являлся смысловым и энергичным проводником человека к трансцендентному, метафизическому миру. Символы выступали своеобразными концептами/зародышами, которые, попадая в благоприятную среду разворачивались в самых разных социальных формах: от отдельного города до целой империи, мир-системы (если, использовать терминологию И. Валлерстайна). На этом строилась вся теория символического реализма как в искусстве, так и в социальном проектировании. [4]

В этой связи, на примере анализа творчества Ф.М. Достоевского Вяч. Иванов в работе «Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика» писал: «...Мировоззрение Достоевского предстает как своеобразный онтологический реализм, основывающийся на мистическом проникновении в чужое Я как на некоей реальности, существующей в Ensrealissimum. Художественное исследование причин человеческих действий в трех планах прагматическом, складывающемся из внешних событий, психологическом и, наконец, метафизическом, являю-

щемся одновременно сферой характера умопостигаемого, – показывает, что человек действует и самоопределяется как совершенно свободная личность только в этом, третьем плане. Тем самым собственно трагедия перемещается в область первичного самоопределения свободной воли, то есть в сферу метафизическую». [3, с. 5-6.]

Постмодернизм разрушает любую онтологию символа, создавая механические и волюнтаристски любой набор символов прошлых эпох без онтологии. Его царство – поверхность, мир дольний. Поэтому и преобладает в постмодернизме формат и феномен ризомы. Об этой угрозе писал в своё время В.С. Соловьев: «Но, чуждые прежнему религиозному содержанию искусства, они обращаются всецело к текущей действительности и ставят себя к ней в отношение рабское вдвойне: они, во-первых, стараются рабски списывать явления этой действительности, а во-вторых, стремятся столь же рабски служить злобе дня, удовлетворять общественному настроению данной минуты, проповедовать ходячую мораль, думая чрез то сделать искусство полезным. Конечно, ни та, ни другая из этих целей не достигается. В безуспешной погоне за мнимо-реальными подробностями только теряется настоящая реальность целого, а стремление соединить с искусством внешнюю поучительность и полезность к ущербу его внутренней красоты превращает искусство в самую бесполезную и ненужную вещь в мире, ибо ясно, что плохое художественное произведение при наилучшей тенденции ничему научить и никакой пользы принести не может». [10, с. 58-59. (с. 57-72).]

В этой ситуации можно выделить два типа субъектов (индивидуальных и коллективных) и связанных с ними технологиями воплощения символических пространств России в условиях стратегической нестабильности.

Первый тип субъектов можно определить, как онтологически укорененных, они и лично и социально связаны с практиками постижения трансцендентного. Их символ – вертикаль и глубина. Второй тип характеризуется своеволием и жадной установлением своей власти над миром. В определённой степени — это символически показано Рафаэлем в картине «Афинская школа». Первый тип субъектов и субъектности представлен Платоном, второй – Аристотелем. Неспроста Платон считается органически связанным с Востоком, а Аристотель – с Западом.

Первые – субъекты онтологического символизма выстраивают символическое единство народов, племен, земель, эпох и т.п. Вторые – используют технологии распада и разрушения через дискредитацию реальных символов и создание символов симулятивных ложных.

Первые формировали историю России процесс, который получил название «Собирание земель русских». Вот как этот процесс описывает Ф.К. Шенк: «Церковь под небесным покровительством “премудрости Божией” принадлежала к символическому инвентарю столиц Руси, которые задумывались и концептуализировались как отражения Константинополя или Иерусалима. Софийский собор стал символом Новгорода, в источниках часто именовавшегося “городом Святой Софии” ...». [19, с. 38]

Ф.К. Шенк отмечает: «Прославленный великий князь Александр Ярославич оказался символом, переходившим из рук в руки в борьбе за политическую власть между Москвой и Новгородом. Оба города стремились завладеть историческим и символическим наследством Киевской Руси для утверждения собственных политических амбиций. Конкурирующие дискурсы об Александре Невском в новгородской литературе XV в. – признаки этой борьбы за “русскую историю”. Великое княжество Московское с конца XIV в. пыталось подготовить программу “собираания русских земель” посредством “собираания русской истории (или историй)” и символически продолжить ее. Этот процесс выкристаллизовался в летописях, призванных создать представление о единстве земель Руси, и в строительстве символически нагруженных архитектурных сооружений в Московской земле, как и новых новгородских церквей, напоминавших об эпохе единства Русской земли и укреплявших московское самосознание. “Символическая борьба” между Новгородом и Москвой достигла кульминации в конце XV – начале XVI в. в легендарном споре о белом клобуке и шапке Мономаха. Оба головных убора считались репрезентациями регалий правителей византийского происхождения. Ссылаясь на эти легенды, архиепископский двор в Новгороде и связанный с великим князем Московским митрополит претендовали после падения Константинополя в 1453 г. на сакральное наследие Византии». [19, с.76.]

Даже в рамках одного концепта мы можем видеть борьбу различных субъектов за своё первенство в его воплощении. На примере русской истории мы это видим в борьбе Киева и Новгорода за статус Нового Иерусалима или Нового Константинополя. Позже – между Новгородом и Москвой.

Само явление «символической борьбы» не ново для России. Выражением этой символической борьбы в пространстве русской истории являются как историософские концепции в слове, так и архитектурные проекты (философия в камне). В первом случае примером выступает «Слово о законе и благодати» Киевского митрополита Иллариона. Примером «философии в камне» является Десятинный собор в Киеве.

Следует отметить, что поиск форм социально-поли-

тического единства всегда сопрягается с выработкой форм и концептов такого единства в символическом измерении. Стремление киевского князя Владимира к единству выразилось в создании языческого пантеона на Подоле. Но как показала практика – этот проект уже не соответствовал действительности. В мехи старого языческого мировоззрения не вписывалась смысловая проблематика эпохи и задачи исторического бытия Руси. Поэтому собирание земли Русской происходило на иной мировоззренческой платформе.

Аналогичные процессы происходят и в наши дни. При этом преобладают деструктивные процессы и выстраивание даже символического единства истории России является лишь мечтой. Идет демонтаж советского наследия и демонизация символов. Этот процесс начался со сноса памятника Ф. Дзержинскому на Лубянке и достиг своего определенного апогея на/в Украине. Но одновременно не только на постсоветском пространстве, но и в пределах современной России идет дискредитация символов Императорской России. На Северном Кавказе наблюдается негативная реакция на образы Ермолова, А.В. Суворова. Самым масштабным является критика

культурного кода и символики русской/российской цивилизации в целом. Ярким примером является позиция А.И. Ракитова, который в своё время был советником Б.Н. Ельцина. В статье «Цивилизация, культура, технология и рынок» [9. с. 3-15] А.И. Ракитов называет СССР самой большой, самой жестокой империей в истории человечества. [9. с. 3.]

При этом следует отметить, что субъекты-демонтажники символического пространства России вписаны в структуры внешнего субъекта, в структуры субъектов глобализации. Получается двуединый субъект. Этот субъект на символическом уровне по всему миру демонтирует символические структуры образы национальных государств, которые являются неотъемлемыми структурами Нового времени и индустриальной фазы развития. Россия в этом отношении особо уязвима, так как народ и элита оказались оторванными друг от друга. [9]

Развитие России в современных условиях требует формирования и усиления коллективного субъекта, способного создать символическое и реальное единство России. Для этого необходимы созидательные технологии и в сфере сознания, в символическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999. 624 с.
2. Врач назвал признак, подтверждающий, что коронавирус — биологическое оружие // <https://rossaprimavera.ru/news/20a759c6>
3. Иванов В.И. Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2021. 476 с.
4. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: РусскийМир, 2014. 736 с.
5. Никулин И. Кому и для чего нужна мировая пандемия? Размышление эксперта по биооружию // <https://rossaprimavera.ru/article/92fe2b87>;
6. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 416 с.
7. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 5.
8. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. 352 с.
9. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. № 5, 1992. С. 3-15.
10. Соловьев В.С. Из речей в память Достоевского // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 57-72.
11. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 560 с.
12. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность. Коллективная монография / С.Т. Золян, Н.А. Пробст, Ж.Р. Сладкевич, Г.Л. Тульчинский; под ред. Г.Л. Тульчинского. СПб.: Алетейя, 2021. 288 с.
13. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 588 с.
14. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с.
15. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка: научно-популярное издание. М.: Издательство АСТ, 2017. 704 с.
16. Фуллер, С. Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
17. Фурсов А.С. Борьба проектов // На пороге глобального хаоса. Битва за будущее. М.: Книжный мир, 2015. С. 3-20
18. Хозяева и бенефициары глобального хаоса. Как победить в битве за будущее. М.: Книжный мир, 2016. 448 с.
19. Шенк Ф.К. Александр Невский в русской исторической памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
20. Эстуллин Д. Трансэволюция. Эпоха разрушения человека. М.: Книжный мир, 2015. 352 с.

© Латышева Наталья Александровна (nalat59@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МНОЖЕСТВЕННАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

MULTIPLE SUBJECTIVITY AND THE PROBLEMS OF TECHNOGENIC CIVILIZATION

*M. Openkov
N. Tetenkov*

Summary: The object of the study is multiple subjectivity and technogenic civilization. The purpose of the study is to consider the question whether technology is a rock for a person. The relevance and novelty lies in the fact that the authors for the first time consider the perception of technology by multiple subjectivity. The theoretical basis of the article is the works of Pico della Mirandola, Yates, where the idea of human uncertainty is expressed, in the works of Ixkull, Vollmer, etc., which consider the cognitive capabilities of a person, M. Heidegger's views on technology and the attitude of a person to technology. The hypothesis of the article is that due to the multiple subjectivity inherent in a person, a technogenic civilization is not fatal for a person. The methodological basis of the article is the analysis of the concepts of «multiple subjectivity» and «cognitive niche», the analysis of the relationship of multiple subjectivity to technology.

Keywords: multiple subjectivity, cognitive niche, technogenic civilization, Heidegger, Pico della Mirandola, Vollmer.

Опёнков Михаил Юрьевич

*Д.ф.н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск
kotobarz@gmail.com*

Тетенков Николай Борисович

*К.ф.н., доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск
tenibo@yandex.ru*

Аннотация: Объектом исследования являются множественная субъективность и техногенная цивилизация. Цель исследования – рассмотреть вопрос, является ли техника роком для человека. Актуальность и новизна заключается в том, что авторы впервые рассматривают восприятие техники множественной субъективностью. Теоретическую основу статьи составляют работы Пико делла Мирандола, Йейтса, где высказывается идея о неопределённости человека, в работах Икскуля, Фоллмера и т.д., в которых рассматриваются когнитивные возможности человека, взгляды М. Хайдеггера на технику и отношение человека к технике. Гипотеза статьи – в силу множественной субъективности, присущей человеку, техногенная цивилизация не является фатальной для человека. Методологической основой статьи является анализ понятий «множественная субъективность» и «когнитивная ниша», анализ отношения множественной субъективности к технике.

Ключевые слова: множественная субъективность, когнитивная ниша, техногенная цивилизация, Хайдеггер, Пико делла Мирандола, Фоллмер.

Джованни Пико делла Мирандола – одна из ярких фигур итальянского Возрождения, аристократ, получивший образование в университетах Болоньи и Падуи, связанный с гуманистическим кружком Марсилио Фичино.

Можно привести три важнейшие особенности мышления Пико:

1. Обостренное внимание к антропологической стороне богословских, философских, логических построение. Это общее отличие ренессансного стиля мышления;
2. стремление к установлению логической структуры и иерархического порядка во всяком предмете, который только может быть мыслим в членораздельности, достаточной для выделения такого рода порядка;
3. склонность к магии и мистике, весьма своеобразном понимании: строгом и упорядоченном, предполагающим отчетливую смысловую основу, укорененность ее в философском знании, а философия, в свою очередь, может приобретать магическую силу.

Находясь в Падуанском университете Пико сближается с каббалистами.

Флавий Митридат переводит для него каббалистические комментарии к «Книге творения». «Девятьсот тезисов» Пико делла Мирандола – это манифест, который обращен только к тем философам и теологам, которых Пико считал правильными и настоящими. Среди них схоласты, неоплатоники и те каббалисты, которые готовы признать, что из Каббалы с необходимостью выводится истинность христианства. Именно они должны были, по замыслу Пико, сформировать некое философско-теологическое единство и высказаться по поводу самых разнообразных вопросов, положив конец спорам [1].

Необходимо отметить промежуточное положение Пико между Каббалой и «Великим искусством» Раймунда Луллия.

Пико прекрасно сознавал, что отличие каббалистической мысли от луллианской состоит в том, что каббалист неизвестную реальность открывает посредством чтения по слогам переставляемых букв. Луллианская комбинаторика не открывает неизвестной реальности, она рабо-

тает с уже с известной и никоим образом не меняет её.

Одним из источников Луллия можно считать идею Великой Цепи Бытия. Эта идея является по своему происхождению неоплатонической. Строгий неоплатонизм, который Средневековье принимает умеренно, утверждает, что Божественная Вселенная - это эманация непознаваемого и неопишемого Единого через ряд ступеней бытия или ипостасей, продуцирующих на различных уровнях вплоть до самой низшей материи.

Существа размещаются на ступенях, последовательно удаляясь от Единого и принимая по убыванию участие в Божественной природе, которая умалывается, рассеиваясь до низших ступеней цепи или лестницы сущностей. Отсюда берут начало два принципа - космологический и этико-мистический.

Каббала, принятая в Средневековой Испании, проповедовала учение о 10 сефирот и 22 буквах еврейского алфавита. Сефирот – это 10 имён Бога, образующие вместе одно великое Имя. Мироздание есть проявление этих творящих имён.

Соответственно, 10 имён сефирот коррелировали с 10 сферами космоса: 7 сфер планет, сфера звёзд, и 2 высшие сферы. В качестве метода прочтения Каббалы использовалась гематрия, согласно которой каждой букве еврейского алфавита соответствовало число. Предполагалось, что транспортируя слова в числа, а числа слова, можно познать мироздание, которое записано этими числами-словами, например, небесное воинство, с этой точки зрения, определялось числом 301655172.

Слова-числа ассоциировались и с именами 72 Ангелов, которых можно призвать и благодаря им получить доступ с сефирот, призвать Ангелов можно было только на еврейском языке или молчаливым призыванием при помощи демонстрации букв, слов или знаков.

Согласно космологическому принципу, если каждая ступень лестницы бытия - это фаза одной и той же Божественной эманации, то существуют отношения сходства, родственности и аналогии между низшими и высшими состояниями. Именно эта идея лежит в основе всех теорий сходства и космической симпатии.

Согласно этико-мистическому принципу, если эманационная лестница представляет собой нисхождение от непостижимого совершенства Единого к низшим ступеням материи, то познание, спасение и мистический союз подразумевают восхождение, возвращение к высшим состояниям Великой Цепи Бытия.

Луллий создал механизм, который рассматривал не только вопросы теологии и метафизики, но и космологии, геометрии, медицины и т.д., тем самым Ars стал механизмом создания энциклопедии знания.

Ars выстраивает вопросы также по принципу иерархии (существует ли что-то, что это, каким способом существует и т.д.), иерархически выстраиваются и субъекты: Бог, ангелы, небо и т.д. Ars позволяет осмыслить элементы лестницы, Вселенной, возможные вопросы. Дерево Знания является образом лестницы, корни Древа – 9 достоинств и 9 отношений, у него 16 ветвей, из которых вырастает своё древо.

Исследователи отмечают в древах динамичность, почти биологического типа, контрастирующую с логико-математической статичностью луллианского искусства предшествующего периода, но чтобы уметь пользоваться Искусством, предполагается предварительное знание, которое как раз допускается древами [2].

Следуя хитрым советам Флавия Митридата, нежели тех, кто предлагал факториальное исчисление, начиная с Пико утверждался - в соответствии с его идеей защиты достоинства и прав человека - призыв к изобретению. Это означает, что если мы говорим о бытии, то следует избрать то бытие, которое еще должно быть создано, а не то, которое уже существует. Пико подтолкнул современную мысль в этом направлении.

«Речь о достоинстве человека» можно с полным правом назвать Великой хартией магии Возрождения – новой магии, созданной Фичино и усовершенствованной Пико делла Мирандола [3]. В ней он отмечал: «Рождающемуся человеку Отец дал семена и зародыши разнородной жизни и соответственно тому, как каждый их возделает, они вырастут и дадут в нем свои плоды. И если зародыши растительные, то человек будет растением, если чувственные, то станет животным, если рациональные, то сделается небесным существом, а если интеллектуальные, то станет ангелом и сыном Бога. А если его не удовлетворит судьба ни одного из творений, то пусть возвратится к центру своего единообразия и, став единым с Богом-духом, пусть превосходит всех в уединенной мгле Отца, который стоит над всем. И как не удивляться нашему хамелеонству!» [4].

Значит, человек есть творение неопределенного облика или существо-хамелеон. На какие мысли это наводит?

В работе «A Stroll Through the Worlds of Animals and Men» фон Икскуль значению использовал понятие «окружающий мир», которое мы можем трактовать как «когнитивная ниша», и охарактеризовал окружающие миры насекомых и животных [5]. На основании приведенных примеров фон Икскуль сделал вывод, что для любого организма свойственен свой окружающий мир или когнитивная ниша. Продолжая мысль фон Икскуля, Фоллмер Г. отмечал: «Когнитивную нишу человека мы называем «мезокосмос». Наш мезокосмос есть, таким образом, часть реального мира, которым мы овладеваем, воспринимая и действуя, сенсорно и моторно. Мезокос-

мос – грубо говоря – мир средних размеров» [6].

Исходя из сказанного выше можно сделать выводы:

1. У человека нет собственной когнитивной ниши. Есть существа, которые в своей когнитивной нише гораздо эффективнее человека. Наш разум состоит из множества когнитивных ниш. Наш разум заключается в пересечении границ между когнитивными и нишами. Наше сознание множественно. Потенциально мы - носители множественной субъективности.
2. Введенное Герхардом Фоллмером понятие «мезо-космос» – типичный пример ретросказания. Ведь мезо-космос уже продуман теоретически. Это мир геометрии Евклида (плоская земля) и физики Аристотеля (движение исключительно в упругих средах). Можно согласиться с Фоллмером лишь в том, что наука есть выход за пределы очевидного.
3. Необходимо ввести понятие расслоения (bundle) в историю мысли.

Первый пример такого расслоения - наследие Пико делла Мирандолы. Расслоение возникает тогда, когда философ обозначает расходящиеся тропы мысли. Таков Мирандола. Он стоит у начала двух дорог. Одна и них - дорога европейского гуманизма, которая привела к техногенной цивилизации, другая приводит к теории множественной субъективности. Европейская цивилизация выбрала технический путь развития, оставляя множественную субъективность маргиналам, ранее принадлежавшим к божественной периферии общества. Например, dandy. Итальянский философ-марксист, футуролог и медиа-активист Франко «Бифо» Берарди также обращается к наследию Пико делла Мирандолы. Свое рассуждение о достоинстве человека Пико делла Мирандола сочинял в конце XV века, когда открылся горизонт современности и начался процесс распространения технического и промышленного могущества. Пико говорил, что величие человека не подкреплено никаким архетипом, никакой нормой, никакой необходимостью. Ведь Творец никак не конкретизировал путь, по которому призвано следовать человеческое могущество. Настоящим постулатом открывается эпоха современности: человек представляет собой не развитие и не осуществление заранее предначертанного плана, таящегося в Божественном произволении или же в складках Бытия. Человек - это проект. Из этих пустот Бытия и рождается история современности.

Ницшеанская воля к власти рождается уже в лоне радикального гуманизма. Его предпосылка - отсутствие онтологических определений человеческого существования.

Отказ от онтологии во имя герменевтики приводит к тому, что фундаментальные истины сменяются вольной игрой интерпретаций. Человек это не конкретизация чего-то, а воплощение проективности. Ницшеанский

сверхчеловек тот, кому удастся действовать в лишенном каких-либо основ пространстве, и в этом смысле он находится по ту сторону добра и зла. То, что Ницше именовал волей к власти, на самом деле представляет собой проективность, прокладывающую себе путь в мире исходя и производства смыслов, не имеющего под собой никакого онтологического основания и сугубо интенционального. Воля к власти означает утверждение некоего закона, который не имеет никаких иных предпосылок, кроме свободы интерпретаций.

В современном понимании, сверхчеловек - продукт математизации познания, оцифровки знания и автоматизации всей жизни. Язык это обиталище Бытия; в то же время, как предупреждает Хайдеггер, язык принадлежит к области техники. Техника не только становится приоритетным объектом языка, но и субъектом, который нечто производит, высказывает и проектирует.

Хайдеггер начинает с того, что в нынешних условиях мир превращается в картину мира. Именно в этом заключается предпосылка завоевания мира и подчинения его себе. Данный процесс осуществляется настолько быстро, что заинтересованные лица даже не отдадут себе отчета в происходящем.

Кто такие эти заинтересованные лица, эти участники бега? Это люди, отстраняемые мало-помалу от управления миром. Их место занимают автоматизмы, которые внедряются в мир и переделывают его. По утверждению Хайдеггера, люди не в состоянии оценить той непреклонности, с какой современный мир движется к истощению его собственной сущности. Истощение представляет собой неведение, зависимость людей от власти механизмов. Люди все менее способны разобраться в феноменах, которые ими самими были приведены в действие. Благодаря их свободе, порожденной дистанцией между человеком и Бытием, а также онтологической непредвзятостью существования, людям удалось выстроить такую техническую сферу, которая внедрилась в одну из пустот Бытия. Пустота Бытия оказалась заполненной перформативным потенциалом техносферы; цифровой условностью, которая преобразуется в эффективный механизм. Конец гуманизма предопределен его же собственным высоким потенциалом.

Вопрос в том, не является ли то, что представляется нам детерминизмом (порожденным знанием и техникой в сфере существования), на самом деле всего лишь новым уровнем (более высоким и уточненным) неопределенности, присущей любой сложной системе?

Согласно Хайдеггеру, техника - это бытийная нужда человека. Сущность техники коренится не в человеке, а в бытии, но если это так, то от власти техники никак не избавится. Это рок и судьба человека, это путь европейского гуманизма. Если же субъективность множе-

ственна, то много других, незаполненных пустот бытия. Кризисные периоды в развитии цивилизации (фазовые барьеры) способствуют переключению регистров мышления. Человеческое мышление должно овладеть искусством протекания песка сквозь пальцы.

А кроме того: «В доме Отца Моего обителей много, а если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам...».

Есть одна странная аналогия, которая очень заинтересовала бы Пикко делла Мирандолу, будь он сейчас с нами.

После изгнания из Эдема Адам и Ева осознали последствия совершённого греха. В молитве Богу Адам извинился за то, что нарушил запрет Бога и вкусил плоды Древа Познания. Бог внял молитве Адама и послал архангела Разиэля, чтобы он научил Адама законам природы, знания, переданные Разиэлем Адаму, должны помочь людям вернуться в Эдем. В числе переданных Разиэлем Адаму знаний были знания власти слова и энергии, заключённых в буквах еврейского алфавита, значениям имён и т.д., которые должны были помочь Адаму гармонизировать его жизнь в физическом мире. Согласно легенде, письмо Разиэля Адамы было высечено на стеле из сапфира.

Письмо было украдено и брошено в морскую пучину херувимами, которые не желали, чтобы Адам обладал этими знаниями, но Бог повелел ангелу Рехабу поднять его и вернуть Адаму. Далее письмо Разиэля оказалось у Ноя, патриарха Авраама, Моисея и далее передано царю Соломону.

Обратим внимания на сапфировый носитель абсолютного знания. Сапфир по твёрдости уступает только алмазу, а по прочим характеристикам, годным для хранения информации, даже кое-в чём превосходит алмаз.

Французская организация ANDRA и компания под названием Fahrenheit 2451, занимающиеся утилизацией радиоактивных отходов, озадачились вопросом сохранности информации на сроки, которые тяжело представить любому человеку - тысячи и сотни тысяч лет.

Современные носители, такие как флэш-память, жёсткие и оптические диски не справляются с этой задачей: они быстро гнивают, а задача заключается в том, чтобы сохранять информацию о радиоактивных отходах на максимально долгий срок и передать её в будущему человечеству, предупредив его об опасности. Таким возможным носителем информации может быть сапфировые диски диаметром 20 см. Сначала информация гравировается на металлизированном покрытии одного диска, а затем второй диск срачиваются вместе на молекулярном уровне. По сути, это аналоговый способ хранения, но, по прошествии веков, становится ясно, что нет надежнее бумаги, фотопленки и, наконец, камня.

По утверждению разработчиков, на сапфировом диске можно хранить до 40000 страниц, только для их прочтения нужен будет микроскоп, этот диск может просуществовать примерно 10 млн. лет и выдерживает нагревание до 2000 С°. Сапфировые диски можно уронить на дно Северного Ледовитого Океана, их можно отправить на Луну. Но самое главное в изобретении – это то, что для чтения сапфировых дисков практически не нужно переделывать инфраструктуру уже существующих считывающих / воспроизводящих устройств. Разве что легкая модернизация, несложный и недорогой апгрейд, возможно на уровне софта. Можно записать на сапфировый диск любую информацию: 2700 фотографий и 10000 страниц печатного текста миниатюрным средневековым шрифтом «минускула».

Сапфировый носитель памяти можно назвать метафорически подарком архангела Разиэля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пико делла Мирандола Джованни. Девятьсот тезисов. Тезисы 1-400. Четыреста суждений по учениям халдеев, арабов, евреев, греков, египтян и по мнениям латинян. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010, с.11-23
2. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академический проект, 2016, с.381-394
3. Йейтс, Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020, с.103-104
4. Пико делла Мирандола Джованни Речь о достоинстве человека // <http://platonizm.ru/content/piko-della-mirandola-rech-o-dostoinstve-cheloveka>
5. Jakob von Uexküll, A Stroll Through the Worlds of Animals and Men: A Picture Book of Invisible Worlds. In *Instinctive Behavior: The Development of a Modern Concept*, edited and translated by Claire H. Schiller, New York: International Universities Press, 1957, pp. 5–80.
6. Фоллмер Г. Мезокосмос и объективное познание (о проблемах, которые решены эволюционной теорией познания) // Вест. Моск. ун-та. сер. 7, фило-софия. 1994. № 6
7. Берарди Франко «Бифо». Душа за работой. От отчуждения к автономии. М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2019, с.271-277

© Опёнков Михаил Юрьевич (kotobarz@gmail.com), Тетенков Николай Борисович (tenibo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Роткин Николай Викторович

Соискатель, Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации
shemodan@bk.ru

STRATEGIC INSTABILITY AS A PHENOMENON OF MODERNITY

N. Rotkin

Summary: Theoretical approaches to the concept of «strategic instability» are considered, its substantive characteristics in the modern world are determined. The forms, dimensions, subjects and factors of modern strategic instability are highlighted. Attention is focused on the subjective-technological aspect of modern strategic instability. Substantiated is a significant change in the content of strategic instability under the influence of changes in the nature of modern warfare, the relationship between war and politics, the emergence of wars of a new type, technological effectiveness, controllability, multi-sphere nature and permanence of modern strategic instability.

Keywords: strategic instability, chaos, crisis, war, technologies of destabilization.

Аннотация: Рассмотрены теоретические подходы к понятию «стратегическая нестабильность», определены ее содержательные характеристики в современном мире. Выделены формы, измерения, субъекты и факторы современной стратегической нестабильности. Внимание сосредоточено на субъективно-технологическом аспекте современной стратегической нестабильности. Обосновано существенное изменение содержания стратегической нестабильности под влиянием изменений характера современной войны, соотношения войны и политики, появлением войн нового типа, технологичности, управляемости, многосферности и перманентности современной стратегической нестабильности.

Ключевые слова: стратегическая нестабильность, хаос, кризис, война, технологии дестабилизации.

Пожалуй, главная обобщающая характеристика современности заключается в слове «нестабильность». Нестабильность повсюду: в экономике и финансах, политике и социальной сфере, информации и коммуникации, технологиях и экологии, культуре и мировоззрении, войне и мире. Особенно это стало очевидным в прошедшем 2020 году, когда большинству людей на планете пришлось резко поменять отношение к тому, что ранее считалось неизблемым и самим по себе разумным, планомерным и предсказуемым: общение, работу, учебу, досуг, перемещения, здоровье и безопасность.

Всепоглощающая многомерность этого явления вынуждает нас говорить о стратегической нестабильности, влияющей на природу и все стороны общественной жизни. Современная неустойчивость и неопределенность стала наднациональной, внерегиональной, многосферной и глобальной, иными словами, вышла на стратегический уровень. При этом классическая синергетическая схема «порядок – хаос – новый порядок» уже не работает, нестабильность приобрела перманентный характер.

Стратегическая нестабильность конечно же не явление исключительно дня сегодняшнего, но в последние десятилетия человечество буквально затягивает в водоворот глобальных кризисов, политических революций, экологических катастроф, новых технологий, экономических и культурных трендов.

Специфической же чертой современной стратегиче-

ской нестабильности стала ее технологичность. Актеры глобальной политики освоили технологии управляемой дестабилизации (управляемого хаоса) и нашли им военное применение. Правда управляемой ее назвать трудно, так как работают они в одном направлении – деструктивном. Направленная дестабилизация порождает острейшие политические, социально-экономические и военные кризисы, дестабилизированные страны и регионы погружаются в пучину хаоса на долгие десятилетия, а мировое сообщество как-будто и не интересуется реставлизацией кризисных регионов или построением в них какого-либо нового порядка.

Понимание стратегической нестабильности как социального феномена связано с теоретической разработкой проблемы стратегической стабильности, как ее противоположности и декларируемой заветной цели международной политики. Становление научных представлений о стратегической стабильности происходило в 1950 – 60-х годах в конкретных исторических условиях периода «холодной войны». В последующие годы они представляли собой скорее категории международных отношений и международного права, характеризующие состояние отношений между государствами и их коалициями и были связаны с наличием или отсутствием устойчивых отношений между ведущими государствами послевоенного мира и соотношением их стратегического, преимущественно ядерного, вооружения.

Это было связано с тем, что в первую очередь ядер-

ное оружие понималось как стратегическое, следовательно, в основном его наличие, возможность и угроза применения, соотносились с понятием стратегической стабильности или нестабильности.

Исследователь Н.П. Ромашкина отмечает, что «сегодня речь идет о двух подходах или даже расколе между сторонниками классического отношения к стратегической стабильности, сложившегося в период биполярности (когда собственно и возник сам этот термин) и сторонниками абсолютно нового понимания, вызовов и путей обеспечения стратегической стабильности в современных условиях» [6].

В классическом понимании стратегическая стабильность тождественна собственно военно-стратегической стабильности, которая определяется как «устойчивое состояние отношений между государствами (коалициями государств), при котором ни одна из сторон не намерена первой использовать стратегические силы или стратегические ядерные силы и не реализует программы создания новых стратегических вооружений» [1].

Новое понимание стратегической стабильности связано с изменениями представлений о сущности войны, соотношении войны и политики, о технологичности, управляемости, многосферности и перманентности кризисов. В наше время, когда помимо ядерного и иного оружия на физических принципах, появились иные применимые на стратегическом уровне деструктивные технологии (социогуманитарные, информационные, экономические, политические и т.д.), которые по своему поражающему воздействию сравнимы или даже превосходят традиционное оружие массового поражения, меняется и содержание понятий стратегической стабильности и нестабильности, появляются их новые интерпретации и измерения.

С распадом СССР и двухполярного миропорядка большую актуальность приобретает именно категория стратегической нестабильности. Исследователи состояния современного мира отмечают его нестабильность. Так, А.С. Панарин еще в 2003 году отмечал, что «XXI век только начался, а уже окрещен в целом как стратегически нестабильный, т.е. как непредсказуемо пертурбационный в самых существенных моментах» [5, С. 5].

Стратегическая нестабильность может быть вызвана нестабильностью определенных социальных систем, регионов, государств, цивилизаций, континентов. В ней можно выделить несколько измерений и сгруппировать по разным основаниям.

С.М. Мандрыка определяет современную стратегическую нестабильность как «состояние, отношение и процесс бытия различных социальных систем (цивилизаций, государств, общественных и религиозных организаций,

транснациональных корпораций и др.), характеризующихся крайней степенью неустойчивости состояния, неадекватностью в оценке обстановки и друг друга, разновекторной направленностью развития без учета взаимных интересов» [4, С. 14].

Структурно стратегическая нестабильность включает в себя субъекты, объекты, уровни, средства, технологии и регионы стратегической нестабильности. К субъектам стратегической нестабильности современные исследователи относят: а) транснациональные корпорации, компании и банки, осуществляющие хищническую финансово-экономическую деятельность; б) наиболее развитые государства мира, стремящиеся закрепить, развить и удержать собственное доминирование в мире в качестве супердержав; в) некоторые международные неправительственные и религиозные организации; г) политические и экономические элиты, неадекватно оценивающие свои возможности и потребности [4, С. 14].

По своему характеру стратегическая нестабильность выступает в качестве объективно-субъективного явления. Особенностью современного мирового развития является то, что оно все более приобретает субъективный технологический характер. Это связано с тем, что человек научными методами исследовал процессы хаоса и нестабильности и разработал их технологические аналоги. В этом отношении стратегическая нестабильность выступает в качестве технологии атомизации больших социальных структур (цивилизаций, регионов, государств, наций) со стороны доминирующих и господствующих в геополитическом и социально-экономическом отношении цивилизаций, государств и космополитических социальных групп, ориентированных на установление собственного геополитического и социального превосходства и стремящихся навязать миру свою модель глобализации как формат устройства мира в интересах только этих социальных субъектов [4].

Выделяют следующие уровни-измерения современной стратегической нестабильности: антропологическое, социально-экономическое, геополитическое, экологическое, технологическое и др. [4]

Важнейшей составляющей современной стратегической нестабильности стала дестабилизация социально-психологической обстановки в отдельных странах и целых регионах планеты. Это связано с той ролью, которую сегодня играют соотношение, сознание и поведение больших социальных групп, выделяемых из общего социального контекста по различным основаниям (национальному, расовому, религиозному, культурно-историческому, идеологическому, профессиональному, возрастному и др.). Именно на противоречиях между большими социальными группами разжигаются войны и революции, меняются политические режимы и разрушаются государства. Это дает основание говорить о нали-

чии социально-психологического измерения современной стратегической нестабильности.

В современном глобализирующемся мире такая ситуация несет угрозу всему человечеству. Очаги нестабильности могут расширяться с непредсказуемой скоростью и масштабом. Вместе с тем распространение хаоса носит экстерриториальный характер. Не всегда можно спрогнозировать, где и как «откликнется». Кризисы, разгоревшиеся в одной точке земного шара, не только распространяются на соседние страны и регионы, но и находят свое продолжение в других регионах планеты, отделенных от них океанами.

О технологичности и управляемости современной стратегической нестабильности говорит анализ развития политических кризисов двух последних десятилетий. Практика неконституционного захвата власти в ходе «розовой революции» в Грузии (2003 год), «оранжевой революции» на Украине (2004 – 2005 годы), киргизских событий 2005 года, событий «арабской весны» на Ближнем Востоке (2010 – 2011 годы) и, так называемого, «евромайдана» на Украине (2014 год) имеют признаки применения внешнеполитическими акторами технологий управляемой дестабилизации. В вышеприведенных примерах таковыми являются активное участие иностранных государств и международных общественных организаций во всесторонней поддержке политической оппозиции, наличие схожего сценария развития протестных движений в данных государствах, высокий уровень организационно-технического обеспечения проводимых протестных акций, обязательная смена внешнеполитического вектора развития данных государств после смены политического режима, другие признаки, ещё подлежащие выявлению, систематизации и теоретическому анализу.

В качестве более свежего примера можно привести поствыборные события в Белоруссии 2020 года, когда в ходе направленной дестабилизации политической ситуации в стране использовался целый комплекс инструментов негативного информационно-психологического воздействия на общественное сознание как в целях нанесения экономического урона, так и в целях захвата власти.

В попытках подорвать внутривнутриполитическую ситуацию в той или иной стране используются различные средства доставки деструктивного информационного контента. Самыми популярными из них стали социальные сети, мессенджеры, видеохостинги. Так, в ходе массовых протестов в Белоруссии такой «торпедой» стал мессенджер Telegram, а уже в январе 2021 года в России в ходе протестов сторонников А. Навального для мобилизации и координации протестующих использовалось приложение Tik Tok. Главное условие – минимизация возможности контроля со стороны атакуемого государства.

Ранее в других странах и регионах планеты широко применялись Facebook, Twitter, YouTube. На современные технологии управления нестабильностью большое влияние оказывает технический прогресс, в частности, так называемая «цифровая революция» и связанная с ней глобальная информатизация. К примеру, использование интернета как канала протестной коммуникации сильно девальвировало значение уличных практик и роль площадных ораторов. Сегодня не улица генерирует лозунги протеста, она лишь транслирует то, что до этого подчеркнула главным образом из интернета. Социальные сети, мессенджеры, блогосфера, онлайн-сообщества стали инкубаторами взращивания протестного потенциала и радикальных протестных движений, средой распространения радикальных идей и средством управления дестабилизацией. При этом сам принцип мобилизации, технологии организации протеста не поменялись, методы остались те же. Подобно тому как столетие назад условием успеха восстания было взятие почтамта, газет, телеграфа, в наши дни все начинается с современных информационных ресурсов. Новые каналы коммуникаций дали непревзойденные преимущества тем, кто ими владеет.

Показателен пример из событий «арабской весны», после которой речь пошла о twitter- и facebook-революциях. Ваэля Гонима, IT-инженера, директора по маркетингу компании «Google» на Ближнем Востоке и в Северной Африке, весь мир узнал в 2011 году, когда журнал Time поставил его на первую строчку самых влиятельных людей на планете. Летом 2010 года им была создана страница в Facebook, которую в первый день посетило чуть более десяти человек. Всего шесть месяцев спустя эта страница от имени трехсот пятидесяти тысяч подписчиков призвала к восстанию. 25 января 2011 г. восстание началось, 11 февраля 2011 г. власть Х. Мубарака была свергнута. Накануне восстания через различные сетевые форумы, политические веб-сайты, страницы Facebook и аккаунты Twitter распространился документ «Всё, что вам нужно знать про Jan25». Он включал в себя следующие разделы: 1. Кто мы? 2. Зачем протестовать? 3. Отчего Jan25? 4. Каковы наши требования? 5. Время и место протестов. 6. Основные положения. 7. Общие лозунги для скандирования» [10, С. 203-208].

За последние два десятилетия накоплен богатейший методический репертуар осуществления негативного информационно-психологического воздействия и набор форм представления деструктивного информационного контента. В частности, излюбленной и в то же время эффективной, с точки зрения силы манипулятивного воздействия на общественное мнение, формой представления деструктивного информационного контента стали псевдожурналистские расследования.

С помощью технологий управляемой дестабилизации целенаправленно ведутся дезинформационные

кампании против руководства стран-объектов агрессии, органов государственной власти, традиционных духовных ценностей общества. Все это быстро или постепенно «в раскачку» позволяет привести общественное сознание в нестабильное кризисное состояние. В свою очередь, кризисное сознание влечет за собой кризисное поведение общественных масс, которое при достижении определенных масштабов способно спровоцировать общенациональный кризис.

Вместе с тем негативное информационно-психологическое воздействие является только одним из технологических направлений управляемой дестабилизации.

После Второй Мировой войны, достигнув военно-силового паритета, СССР, США и образованные ими военно-политические блоки стали искать способы достижения внешнеполитических целей новыми средствами.

В 1948 году Советом национальной безопасности США принимается директива NSC 10/2, намечающая политику ЦРУ в плане подготовки и проведения широкого спектра «тайных операций».

«Под термином «тайные операции», употребляющимся в этой директиве, следует иметь в виду все виды деятельности (за исключением оговоренных ниже), которые проводятся или спонсируются правительством против враждебных иностранных государств или групп, или в поддержку дружественных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, чтобы ответственность за них американского правительства была не очевидна, а в случае её разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее.

В частности, такие операции должны включать: пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж, противодействие саботажу, разрушения и эвакуацию; подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения, поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой. В число таких действий не входит вооруженный конфликт с участием регулярных вооруженных сил, шпионаж и контршпионаж, прикрытие и обман в интересах ведения военных операций» [13].

Другой документ Совета национальной безопасности США этого же периода (директива 1948 года NSC 20/4) предписывал использовать «потенциал психологической войны и подрывной деятельности в советской сфере влияния, затем чтобы СССР столкнулся с усилением недовольства и подпольной оппозиции на территории, находящейся под советским контролем», а также «стимулировать развитие у народов России взглядов,

которые могут способствовать изменению нынешнего советского поведения и возрождению национальной жизни этнических групп, их решимости добиваться и поддерживать национальную независимость» [14].

К противоборству подобного типа, не связанным с прямой вооруженной агрессией, применялся термин «политическая война» [14].

В последующие десятилетия формировались концепции войн нового типа и непрямой агрессии, которые и после распада СССР и нарушения послевоенного биполярного миропорядка получили дальнейшее широкое распространение. Из известных – это такие теоретические разработки как «технологии ненасильственных действий» Дж. Шарпа, концепция «сетевидной войны» А. Себровски и Дж. Гарска, стратегия «мягкой силы» Дж. Наая, так называемая теория «управляемого хаоса» С. Манна, «теория пяти колец» Дж. Уордена, «DIME-войны» Ф. Бридлава (DIME – англ. аббревиатура: дипломатия, информация, вооружённые силы, экономика) и «DIMET-операции» Д. Дептулы [11].

Предложенные такими авторами, как З. Бжезинский, Г. Киссинджер, Дж. Най, С. Хантингтон, Дж. Шарп, теоретические концепции используются при реализации внешнеполитических стратегий США по отношению к России и постсоветскому пространству. Так, работа Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии. Стратегия и практика освобождения» [12, С. 3] стала своеобразной «инструкцией» по организации цветных революций. Автором представлен перечень из 198 пунктов, подробно раскрывающих стратегию, которую необходимо применять при борьбе с неугодной государственной властью.

В работах зарубежных авторов, на исследованиях которых базировалась внешнеполитическая стратегия США в последней трети XX – начале XXI века представлено идеологическое обоснование смены политических режимов, которые не отвечают геополитическим интересам США.

Таким образом, хаотизация глобальных социально-политических, финансово-экономических, культурно-мировоззренческих, информационно-коммуникационных и военно-стратегических процессов остро актуализирует проблему стратегической нестабильности как многомерного социального явления современности.

Сегодня становится все более очевидным то обстоятельство, что стратегическая нестабильность как форма бытия, функционирования и взаимодействия больших социальных систем, будучи исследованной человечеством на частнонаучном и междисциплинарном уровнях, подвергается управляющему воздействию, технологизируется и используется для достижения военных целей различными субъектами мировой политики без прямого открытого вооруженного противоборства, став

способом управления глобальными процессами современности и достижения мирового господства. В связи с чем выработка эффективных и научно обоснованных мер противодействия технологиям управляемой дестабилизации становится залогом успешной организации национальной обороны и обеспечения национальной безопасности России.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации к основным угрозам государственной и общественной безопасности отнесена «деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций» [8].

Понимая современную стратегическую нестабильность, как сложное социальное явление, определяющее форму правления отдельных государств, социально-политическое и экономическое устройство современных общественных систем, интенсивность и направленность их трансформации, систему международных отношений и геополитическую картину мира в целом, развивающееся по объективным законам, закономерностям и принципам социального бытия, нельзя отрицать, что человечество

исследовало ее до технологической степени управляемости и военного применения. Вместе с тем применение технологий стратегической дестабилизации, как способа военного противоборства, как продолжение политики иными средствами, как попытку конструировать будущее человечества, представляется крайне опасным для всего мирового сообщества и существования человеческой цивилизации. Это утверждение представляется таким же справедливым, как было бы справедливым аналогичное утверждение, относительно применения современных технологий ядерного вооружения.

В этом ключе крайне актуально и остро звучало известное выступление Президента России В.В. Путина: «Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок, часто приводили к трагическим последствиям, приводили не к прогрессу, а к деградации. Однако, похоже, никто не учится на чужих ошибках, а только повторяет их. И экспорт теперь уже так называемых «демократических» революций продолжается... Но что получилось на деле? Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты, да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса – насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая и право на жизнь, ни во что не ставятся. Так и хочется спросить тех, кто создал такую ситуацию: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?» [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая российская энциклопедия / URL: https://bigenc.ru/military_science/text (дата обращения: 04.03.2020 г.).
2. Из выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.
3. Лебон Г. Психология масс. С предисловием Н. Старикова. СПб.: Питер, 2015. 244 с.
4. Мандрыка С.М. Государственная безопасность в условиях современной стратегической нестабильности (социально-философский анализ): Автореф. дис. кан-та филос. наук. М. 2008. 25 с.
5. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 5.
6. Ромашкина Н.П. Стратегическая стабильность в эпоху информационно-коммуникационных технологий // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments> (дата обращения: 04.03.2020 г.).
7. Сорокин П.А. Социология революции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 552 с.
8. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://base.garant.ru/71296054/#friends> (дата обращения: 26.02.2018).
9. Шульц Э.Э. Причины революций: голова или кошелек? // Историческая психология и социология истории. Том 7, номер 1 / 2014 // URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/244526/> (дата обращения: 12.09.2018 г.).
10. Гоним В. Революция 2.0: документальный роман / пер. с англ. Т. Даниловой. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2012. С. 203-208.
11. Овчинский В., Ларина Е. Холодная война 2.0 // Изборский клуб. Русские стратегии. Выпуск 9 (11). М., 2014.
12. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2012, 84 с.
13. National Security Council Directive NSC 10/2 // Archives/Washington D. C. (États-Unis)/18 June 1948 // URL: <http://www.voltairenet.org/article163480.html> (дата обращения: 23.05.2021 г.).
14. National Security Council Directive NSC 20/4 // URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v01p2/d61> (дата обращения: 23.05.2021 г.).

© Роткин Николай Викторович (shemodan@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАТРИОТИЗМ КАК ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

PATRIOTISM AS AN INTERSUBJECTIVE PHENOMENON IN SOCIAL AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE

V. Skopa

Summary: Based on the studied material, the article examines the phenomenon of "patriotism" as an intersubjective phenomenon. The analysis of the concept of patriotism is complicated by the fact that it is often perceived in a negative connotation, despite its positive etymological essence. In the presence of a large number of variations in the interpretation of patriotism, scientists distinguish such approaches to its consideration as ideological; active; legal-positivist. Modern researchers, referring to the concept of patriotism, most often analyze its individual types. These include: territorial, family or clan, ethnic patriotism or state. Patriotism as a component of the definition of the political process and the process of state building takes on various forms, where in the context of political studies such concepts as «cosmopolitanism», «false patriotism», «humanitarianism», «patriotic indifferentism» are often encountered.

Keywords: patriotism, social philosophy, public consciousness, individualism, state.

Аннотация: В статье на основе изученного материала рассматривается феномен «патриотизма» как intersubjective явление. Анализ понятия патриотизма усложняется тем, что его часто воспринимают в негативной окраске, несмотря на положительную этимологическую сущность. При наличии большого количества вариаций интерпретации патриотизма ученые выделяют такие подходы к его рассмотрению как идеологический; деятельностный; юрико-позитивистский. Современные исследователи, обращаясь к понятию патриотизма, чаще всего анализируют отдельные его виды. К таковым можно отнести: территориальный, семейный или клановый, этнический патриотизм или государственный. Патриотизм как составляющая дефиниция политического процесса и процесса государства строительства приобретает разнообразные формы, где в контексте политических исследований часто встречаются такие понятия как «космополитизм», «лжепатриотизм», «гуманитаризм», «патриотический индифферентизм».

Ключевые слова: патриотизм, социальная философия, общественное сознание, индивидуализм, государство.

На современном этапе патриотизму уделяется весьма большое внимание как в теоретическом плане – истолкование сути, так и практико-ориентированном – формирование патриотических начал. Патриотизм – этимологически однозначное понятие. В научном дискурсе он актуализируется благодаря многоаспектности своих проявлений. Социологические и политологические исследования обращают внимание прежде всего на патриотизм как консолидирующий фактор или явление, возникающее в результате конформизма определенного социума [4]. В контексте междисциплинарных подходов сформировалась тенденция к переосмыслению патриотизма не как отдельного явления, а как идеологии или составляющей теории государственного управления. В сфере национальной безопасности, государственного управления и научного осмысления патриотизм выступает как составная часть воспитания, социализации и формирования гражданского общества.

Как в научной среде, так и в управленческой практике фиксируются разные подходы к интерпретации феномена патриотизма, что свидетельствует о сложности и многоплановости его содержания, а также о трансфор-

мации отношений в рамках категорий «государство – Родина – гражданин». И это далеко не случайно: своими корнями категория «патриотизм» восходит к периоду античности. «Патриот» – в переводе с греческого означает «соотечественник» (πατρις – «отечество»). Античные мыслители рассматривали патриотизм в качестве особо важной нравственной категории долга, защиты и действительного участия гражданина в жизни государства. На это указывает известное изречение Цицерона: «Самые благородные помышления – о благе Отечества» [11, с. 84]. Уже в понимании древних философов эта категория, наполняясь позитивным социальным содержанием, обретала черты почетного нравственно-политического принципа.

Традиционалистский подход к патриотизму как проявление общественного сознания существует в историко-культурной традиции довольно аргументированно. В условиях информатизации и глобализации общества психологический аспект в трактовке патриотизма приобретает все большую основу в понимании рассматриваемого феномена. Именно эмоциональная окраска способствует как усилению коллективного действия, так и обострению индивидуальных мотивов.

Историография заявленной проблемы имеет весомую проработку и методологическую глубину. К теме патриотизма обращалась значительная часть мыслителей и ученых со времен античности. Этимологически патриотизм трактуется как «любовь к родине, своему народу, ответственность за судьбу отечества, готовность служить ее интересам; социально-историческое явление, которое в разные эпохи имеет разный социальный смысл» [5].

Исторически, возникновение понятия патриотизма связывают с полисной политикой Древнего Рима и распространением идеалов целостности и неприкосновенности города-государства. В современной научной мысли все чаще распространяется тенденция интерпретации патриотизма в контексте его соотносительности с национальной идеей. Подтверждением этому – суждение Гала Ариэль «Несмотря на двойственность отношения к патриотизму в политической теории ... стоит согласиться, что сильные патриотические чувства необходимы для национального объединения» [1].

Теоретико-методологический анализ патриотизма проработан в исследованиях Д.Н. Багрецова, Ю.В. Ивченко, А.Н. Малинкина, М. Нуссбаум, А.А. Шаронова. Своеобразным итогом существующих интерпретаций можно отметить выводы М. Сардоса: «С одной стороны, защитники патриотизма в значительной степени не в состоянии артикулировать жизнеспособную концепцию этого явления; ... с другой, нечувствительность критиков или открытое невежество гражданского, нравственно- и эпистемологического измерений патриотизма не в состоянии обеспечить окончательные аргументы для его понимания или отрицание ... При таких условиях концепт патриотизма становится частью проблемы, а не решения» [3].

Современные исследования патриотизма осуществляются в сфере управления, психологии, педагогики, социологии и политологии, поэтому вариации интерпретаций разнообразны – от научной категории, к социальному явлению, феномена сознания и социализации. При таких условиях, четкого определения понятия патриотизма трудно проследить. Более того, обращение к нему учеными актуализируется во времена социальных потрясений – войн, социальных революций и борьба за независимость, и обусловлено вызовами как отдельных обществ, так и глобальными изменениями цивилизаций [8].

Современные исследователи, обращаясь к понятию патриотизма, чаще всего анализируют отдельные его виды. К таковым можно отнести: территориальный, семейный или клановый, этнический патриотизм или государственный [4, с. 151; 6]. Указанные типологии чаще всего формируются на основе социального фактора, учитывая специфику окружения и воспитания. Однако

последние исследования утверждают, что большое значение в формировании патриотического чувства человека имеют индивидуальные мотивы и ценности.

Анализ понятия патриотизма усложняется тем, что его часто воспринимают в негативной окраске, несмотря на положительную этимологическую сущность. Подобная ситуация обусловлена ассоциациями с крайним проявлением патриотизма такими как шовинизм или ксенофобия; глобализационными тенденциями, проявляющимися в обострении космополитизма, а также изменением парадигмы патриота в период мира и войны.

При наличии такого количества вариаций интерпретации патриотизма, ученые выделили конкретные подходы для этого. Так, Шаронов А. предлагает следующую градацию:

- идеологический подход. Патриотизм рассматривается как готовность служить интересам государства, возникает под влиянием конкретных общественных и экономических условий, поэтому и зависит от изменения этих условий;
- деятельностный подход. Патриотизм понимается как мотив общественной деятельности, его главный критерий;
- юридико-позитивистский подход. Патриотизм понимается как государственный патриотизм, главной целью которого является благо и развитие государства [12].

Вместе с тем, следует обратить внимание, что одним из главных критериев в оценке патриотизма является территория – конкретное государство, этнос или общество.

В социальной философии понятие патриотизма исследуется как составляющая общественного сознания и процесса социализации личности. «Патриотическое сознание – часть общественного сознания, представляет собой «выдержку» из всех его частей, касающихся развития и защиты Отечества, и меняется в зависимости от общественной формации» [9].

Патриотизм как составляющая дефиниция политического процесса и процесса государства приобретает разнообразные формы. Так, в контексте политических исследований часто встречаются такие понятия как «космополитизм», «лжепатриотизм», «гуманитаризм», «патриотический индифферентизм». Указанные понятия довольно близки содержательно к понятию патриотизма, хотя и имеют другую эмоциональную и аффективную окраску. Исследования таких явлений обусловлено возрастанием роли политической психологии и маркетинга в контексте политических процессов в современных странах. Опираясь таким сложным феноменом как патриотизм, а именно его эмоциональной окраской, исследователи и практики пытаются спрогнозировать

возможный результат будущего: от выборов и референдумов до геополитических трансформаций [10]. Таким образом, исходя из этого можно выделить группы понятий, связанных с патриотизмом, имеющих эмоциональную окраску:

Первая группа: патриотический индифферентизм (нейтральность) – бессознательное или неосознанное отношение к стране. Подобное явление может возникнуть по нескольким причинам, среди которых чаще всего выделяют – оккупацию, эмиграцию, потерю исторической родины или родителей.

К нейтральным следует отнести также патриотический нигилизм, а именно гуманизм и космополитизм. Гуманизм – это «абстрактная любовь ко всему, что имеет «человеческое лицо». Это явление часто встречается в виде «абстрактного гуманизма», «всеобщей любви», «любви к человечеству». Оно не конкретное и не жертвенное, как истинный гуманизм, а лишь выполняет функцию «ширмы». Космополитизм – «явление часто негативное и неоднозначное, это индивидуально-эгоистическое отчуждения от родины и безразличное к ней отношение» [7]. Возникает как результат недовольство родиной, страной, семьей. Для космополита такой эмоции как любовь просто не существует, она атрофирована.

В современных условиях всеобщности и вседоступности, по мнению некоторых исследователей, космополитизм является механизмом адаптации, «возможностью себя познать», ведь «воздух не подчиняется международным границам» [7, с. 116]. Вариантом существования такой «планетарной любви» есть потребность в решении глобальных проблем современного мира – инкультурации, экономической, политической, информационной экспансии. Однако, при таких условиях, сам космополит, даже будучи «гражданином мира», остается в одиночестве. Крайним проявлением космополитизма является планетаризм – «наднациональное осознание принадлежности к человечеству Земли, любовь ко всему живому, солидарность с ним, готовность на жертвы ради него» [7]. В политическом контексте планетаризм проявляется как сверхнационализм.

Вторая группа: непатриотизм (отрицание) – «забвение отечества», исчезновение из предметного поля внимания личности [4]; а также антипатриотизм – ненависть к родине, которая возникает как результат разочарования в силу страны, в свои ожидания. К негативным следует также отнести лжепатриотизм – социопатические явления игры на эмоциях окружающих, ради выгоды, а также псевдопатриотизм – «маску» ради получения выгоды. Крайними проявлениями космополитизма, как уже отмечалось выше является сверхнационализм, распространенный в формах интернационализма (К. Маркс, В. Ленин) и национализма. Яркое проявление всеобщей

любви и прежде всего преданности идеи в современном мире чаще всего проявляется в форме экстремизма (экономического, политического, религиозного, экологического, молодежного). Начальными этапами в формировании экстремистских убеждений являются те же этапы, что и в процессе формирования патриотических убеждений, а именно:

- формирование влияния негативных и позитивных факторов на этот процесс;
- перемещение ценностей патриотизма в структуру личности через самооценку и самокоррекцию в соответствии с патриотическими ценностями;
- включение личности в патриотическую деятельность, имеет ценностную направленность [1].

Третья группа: положительная ностальгия. Ностальгия возникает в результате миграционных или эмиграционных процессов. Изменив среду, вызывает ощущение враждебности, человек, со временем, начинает отделять условия пребывания от места пребывания. При таких условиях возникает стойкое ощущение потери и незавершенности, невозможности активно участвовать в жизни родины. Именно ностальгия объясняет такой уровень активности среди эмигрантов – диаспоры – их гуманитарную активность и заинтересованность различными общественными проектами, связанными с родиной. Крайними проявлениями ностальгии является утопизм и контрпатриотизм. Утопизм характеризуется преувеличенным восприятием реальной ситуации, ее «украшением», верой только в положительный результат. А вот контрпатриотизм – это «утопическое осознание и любовь к идеальной родине, что провоцирует ревность и ненависть в процессе столкновения с социальной реальностью» [6, с. 53]. Для этого явления характерно неосознанное отделение родины от «тех, кто говорит от ее имени». Ярким примером положительно окрашенных понятий, связанных с патриотизмом, является теопатриотизм и антропопатриотизм, возникающий в пределах христианской интерпретации патриотизма. Так, Йохан Хейзинга предложил такое обобщенное понимание патриотизма – «это воля сохранить и защитить то, чем владеешь и ценишь» [1, с. 95].

Исторически считается, что в период Средневековья патриотизм не распространялся как идея или ощущение, не пропагандировался, ведь и государство, и общество были теократическими и ориентированными на Бога. Однако, в современных исследованиях по религии и политике часто обращается внимание на то, что религия выполняет консолидирующую функцию и в самой своей сути несет патриотическую идею – только эта идея обращена не на «Земное Царство», а на «Божественное Царство» [2]. По таким условиям патриотизм как чувство четко противопоставляется национализму как отношению.

Социологи же обращают внимание на то, что первич-

но формируется патриотическое отношение к своей семье, традициям, обычаям, а на основе этих ценностных ориентиров формируется патриотическое отношение к языку, культуре, народу, государству. Такой подход довольно традиционный для науки, а в марксистской философии даже использовался как механизм формирования общегосударственной идеологии, в которой патриотизм как любовь к родине отождествлялся с патриотизмом – любовь к государству.

Вместе с тем, еще теоретики политических наук, такие как Т. Гоббс, Дж. Локк, обращали внимание на то, что в основе патриотизма лежит не только коллективные, архетипные образования, но и индивидуальная переоценка и гуманизм. Именно такой патриотизм, будет учитывать расовую, национально-этническую, религиозную, культурную, классовую, социально-групповую самоидентификацию, полностью отражает индивидуальные особенности и целостность личности. Именно этот контекст и отражает современную трактовку интерсубъективности патриотизма, который является индивидуальным явлением, отражает общие тенденции и устоявшиеся традиции.

Современные исследователи, обращаясь к вопросу патриотизма, часто имеют дело с тем, что, интерпретируя этот феномен как результат коллективного сознания пытаются найти индивидуальные проявления или же наоборот, интерпретируя его как индивидуальную ценность, которая имеет общественное значение – этологический патриотизм. При таких условиях они теряют целостность исследуемого явления, ведь патриотизм невозможно рассмотреть отдельно от взаимодействия Я – Другой, Мы – Они. При таких условиях патриотизм содержит в себе как «аффективные», так и «этологические» черты [12].

Аффективный патриотизм отражает индивидуальное отношение к определенной проблеме конкретного лица и его последователей, он «переполнен» конкретными эмоциями. Этологический патриотизм носит ярко коллективные окраски, проявляется в индивидуальных действиях и поступках. Благодаря такому типу патриотизма формируется гражданская идентичность, как

«сознательный процесс отождествления себя с государственным образованием» [3]. Формированию такой идентичности способствуют принятые на государственном уровне модели и типы поведения, культура, идеалы и нормы. Этому процессу способствует построение целостной системы государственной идеологии. Более того, патриотизм, основанный на свободе и стремлении к свободе, порождает солидарность, доверие, поддержку. Именно поэтому, следует учитывать личностный аспект формирования патриотических настроений у населения, как первичный компонент социальной активности. Исторически известны факты, когда отдельное действие или деятельность провоцировала рост патриотических настроений, но никогда само общество (как феномен, объединения, система) их порождало. Стоит также учитывать, что именно индивидуальный патриотизм способен породить интеллектуальный, эмоционально окрашенный продукт, что становится рычагом, стимулом к действию.

Таким образом, можно отметить, что единого подхода к определению сущности патриотизма нет. Более того, довольно ошибочным является односторонний подход к интерпретации этого явление – как субъективного или объективного, индивидуального или общего, социального. В данном случае рациональнее использовать интерсубъективный подход, который позволяет определить сущность и функциональность патриотизма как единство множественного и единичного, социального и индивидуального – более того, индивидуального в общем, и внешнего социального во внутренне личностном. Учитывая все особенности образования и формирования патриотизма, его культурно-историческую, национальную, эмоциональную и социально-политическую составляющую, можно сформировать целостную модель не только социального восприятия, но и трансляцию патриотизма на будущее поколение. Психологический компонент в патриотизме раскрывает возможность к построению комплексной модели явления и является интерсубъективным по своей природе, лежащий в поле единства общего и частного, а не их противопоставления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ariely Gal. Evaluations of patriotism across countries, groups, and policy domains. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. doi: 10.1080 / 1369183X.2017.1319761
2. Магнитов С. Патриотизм как идеология // *Литературная Россия*. 2016. № 6.
3. Багрецов Д.Н., Ширшов В.Д. Патриотизм: современные вызовы и перспективы // *Педагогическое образование в России*. 2016. № 5. С. 63-70.
4. Ивченко Ю.В. Сущность патриотизма: история и современность. *Научный вестник Херсонского государственного университета*. 2015. Выпуск 6. Том 3. С. 150-153.
5. Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // *Социологический журнал*. 1999. № 1/2. С. 27-59.
6. Наливайченко И.В. Патриотизм в современной России: изменение содержания и трудности формирования // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2011. № 1. С. 23-26.
7. Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм // *Логос*. 2006. № 2 (53). С. 110-119.

8. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 13.10.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192149/ (Дата обращения: 20.06.2021).
9. Слободяник Н. Патриотизм в становлении и развитии личности юноши: экспериментальное исследование // Актуальные проблемы психологии. 2015 Т. 7. Вып. 39. С. 359-368.
10. Хаустов В.М. Патриотизм и патриотическое воспитание // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С. 325-331.
11. Цицерон Диалоги «О государстве», «О законах»/ М., 1966. 161 с.
12. Шаронов А.А. Анализ взглядов на понятия «патриотизм» и «активность» / А.А. Шаронов // Мир науки: интернет-журнал. 2016. Т. 4. С. 1-10.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИКА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Фатехов Александр Камилевич

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»
alexander52lex@gmail.com

DYNAMICS OF GENDER EQUALITY

A. Fatekhov

Summary: This article examines the dynamics of the development of socio-philosophical ideas about the social essence of women and its impact on the normativity of their social roles. The author investigated a number of factors that had both a positive and negative impact on the process of achieving equality of rights of individuals regardless of their gender, one of which is feminism. Using the example of Sweden, the influence of the latter on the legislation of a modern European state was considered. Since the purpose of this study is to study the doctrinal views on the social essence of women in their dynamics, the historical and genetic method played a special role in the framework of the methodology of the work. The relevance of the research is determined by the fact that feminism, the emergence of which as a social movement can be attributed to the period of the Great French Revolution, has not disappeared after more than 200 years, but on the contrary is a factor in world politics. Activists of feminist organizations define the achievement of equality of individuals, regardless of their gender identity, as the goal of their activities.

Keywords: equality of rights, dynamics, feminism, history, philosophy.

Аннотация: В данной статье рассматривается динамика развития социально-философских представлений о социальной сущности женщин и его влияние на нормативность их социальных ролей. Автором был исследован ряд факторов, которые оказали как положительное, так и негативное влияние на процесс достижения равенства прав индивидов вне зависимости от их половой принадлежности, одним из которых является и феминизм. На примере Швеции было рассмотрено влияние последнего на законодательство современного европейского государства. Поскольку целью настоящего исследования является изучение доктринальных взглядов на социальную сущность женщин в их динамике, особую, в рамках методологии работы, роль сыграл историко-генетический метод. Актуальность исследования определяется тем фактом, что феминизм, возникновение которого как социального движения может быть отнесено к периоду Великой французской революции, спустя более чем 200 лет не исчез, а напротив – является фактором мировой политики. Активисты феминистических организаций в качестве цели своей деятельности определяют достижение равноправия индивидов независимо от их гендерной принадлежности.

Ключевые слова: равенство прав, динамика, феминизм, история, философия.

Введение

В современном обществе индивидуальные и коллективные права и свободы человека играют значительную роль. Именно к данным категориям зачастую апеллируют политики в целях оправдания своих действий. Международные организации, включая и ООН активным образом отстаивают права отдельных индивидов, социальных и этнических общностей. Отдельным вопросом такой международной повестки является вопрос о правах женщин и борьба с дискриминацией в их отношении. Возможно, отчасти именно благодаря этому сегодня пользуются влиянием различные феминистические организации, которые регулярно обвиняют политиков и государство в том, что права женщин защищены недостаточно, что последние подвергаются дискриминации как на уровне официального права, так и в социальной практике.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым исследовать динамику развития вопроса о правах женщин – это позволит рассмотреть доктринальные причины ограничения прав женщин в прошедшие эпохи, а также факторы, которые так или иначе способствовали этому или наоборот – приводили к постепенному устранению дискриминации такой огромной социаль-

ной группы. Помимо этого, указанное исследование позволит оценить роль, которую сыграл феминизм в достижении равенства прав индивидов вне зависимости от их половой принадлежности в прошлом и, как утверждают активисты феминистского движения, играет и сегодня.

Методология и методы исследования

Изучение данной темы проводилось в соответствии с принципами объективности и историзма. В соответствии с данными принципами в статье был использован ряд методов научного познания: историко-генетический метод использовался при изучении всей динамики развития социально-философских взглядов относительно прав женщин; логический метод был использован при анализе содержания понятий используемых в исследовании; метод дедукции был использован при выведении взаимосвязи между существующими в обществе взглядами относительно природы «второго пола» и нормативностью его социальной роли.

Результаты исследования и их обсуждение

Феминизм – это понятие, которое происходит от латинского *femina* – женщина. Однако смысловая составляющая данного термина достаточно обширна. Так под феминизмом можно понимать:

1. философскую концепцию, которая рассматривает положение женщин в обществе, их социальный статус и роль;
2. идеологию, направленную на достижение социально-политических изменений, призванных устранить дискриминацию женщин в какой-либо форме и сфере общественных отношений;
3. социальное движение, выступающее за расширение прав и возможностей женщин. Кроме того, феминизм предлагает свою эпистемологическую концепцию, в рамках которой рассматривается релевантность знания субъекту познания.

Вопрос о правах женщин поднимался и до формирования феминизма как социального движения.

Еще в эпоху античности женщин серьезно ограничили в правах. Доступ во многие сферы общественных отношений для них был закрыт. Во многом это было следствием того, что сама сущность женщины подвергалась критике на уровне социальной философии.

Данный тезис может быть подтвержден примером из «Политики» Аристотеля, где Стагирит утверждает, что женщина по природе своей ниже мужчины, который более призван к руководству [1, с. 69]. По мнению мыслителя - слишком вольготное положение женщин оказывает негативное воздействие на государственный строй и не служит благополучию государства вообще [1, с. 130].

Существовала и другая точка зрения, которую можно обнаружить в «Государстве» Платона. В данном произведении философ утверждает, что различия между мужчинами и женщинами существуют, но не являются достаточно великими, чтобы лишать последних возможности реализации на высоких государственных постах [2, с. 270 – 272].

Более того, Платон говорит о важности равного образования для мужчин и женщин: «Значит, раз мы будем ставить женщин на то же дело, что и мужчин, надо и обучать их тому же самому» [2, с. 267].

Однако, подавляющее большинство других мыслителей данного периода не разделяло взглядов Платона, касательно роли женщин в обществе.

Для античной философии в целом характерно признание женщине роли деструктивного элемента в обществе, а также принижение ее способности к рациональному мышлению и поведению. Такие взгляды находили свое отражение и в законодательстве.

Для подтверждения данного тезиса можно обратиться к нормам римского права. Так законы XII таблиц существенно ограничивают дееспособность женщин: «Предки (наши) утверждали, что даже совершеннолет-

ние женщины вследствие присущего им легкомыслия должны состоять под опекою...» [3, с. 7].

В средние века отношение к женщинам кардинально не изменяется. Теперь они подвергаются критике со стороны религиозной философии. Аскетический образ жизни, который пропагандировала церковь, требовал отречения от мирских забот. В данном образе жизни находило свое отражение противопоставление града божьего граду земному, что экстраполировалось на противопоставлении души – плоти.

В рамках данной парадигмы женщина объявлялась церковью своеобразным «сосудом дьявола», то есть источником различного рода соблазнов. Так в «Исповеди» Августина мы можем найти следующие строки: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодить жене» [4, с. 22].

Помимо этого, в труде Фомы Аквинского «Сумма теологии», высказываются мысли, что с точки зрения индивидуальности женщина несовершенна и неудачна, а сам факт сотворения женщины богом объясняется лишь ее природной интенцией на порождение [5, с. 267 – 268]. Кроме того, разделяя позицию Стагирита, Аквинат утверждает, что по природе мужчина более рассудителен, следовательно, ради общего блага женщина находится в экономической или гражданской подчиненности [5, с. 268].

Такому отношению церкви корреспондировало и отношение в обществе. Женщинам регулярно приписывались качества, такие как самовлюбленность, легкомысленность, завистливость, жадность и т.д.

В отличие от периода античности, в 15 веке уже можно встретить женскую критику таких взглядов. Примером такой критики может быть Кристина Де Пизан и ее позиция в дискусе касательно Романа о Розе. Кристина Пизанская стремилась отстоять честь женщин и решительно отвергала обвинения в их адрес, которые несло данное произведение [6, с. 198]. Более того, писательница выдвигает против мужчин встречные обвинения в эгоизме [6, с. 231]. Кроме того, Кристине Пизанской принадлежит ряд произведений, среди которых выделяется «Книга о Граде Женском» [7, с. 276]. В ней, помимо критики обвинений в адрес женщин можно найти и критику общественного устройства. Так автор утверждает, что дочери могли бы учиться не хуже сыновей, если бы их отправляли в школу [7, с. 241]. И тут же вводит тезис, согласно которому женщины не могут проявить свои интеллектуальные способности еще и потому, что фактически исключены из публичной сферы общественных отношений [7, с. 241 – 242].

Таким образом уже в 15 веке мы можем наблюдать становление феминистской теории, но никак не движе-

ния, поскольку, как справедливо заметила профессор Валери Брайсон, авторы данной эпохи не выдвигают никакой политической программы [8, с. 17].

Эпоха нового времени отличается от средневековья во многих аспектах. Среди которых наиболее важными представляются падение авторитета церкви и рост авторитета науки, что приводит к множеству социальных, политических и другого рода последствий. В философии наблюдается настоящее торжество индивидуализма.

Вполне логичным представляется активное развитие либерализма. И идей естественного права, однако вместе с тем следует заметить, что изменить устоявшиеся взгляды на положение женщины в обществе получается далеко не сразу.

Так мы можем наблюдать, что и среди некоторых просветителей встречается различные точки зрения по данному вопросу. Например, Жан Жак Руссо в своем трактате «О воспитании» вновь вводит тезис о биологической предопределенности социальных ролей и говорит о подчиненном положении женщин [9, с. 546 – 547]. Подтверждая данный тезис Руссо указывает на особую зависимость женщин от нормативных фактов (общественное мнение, авторитеты) в их поведении [9, с. 572 – 573].

Очевидно, что Жан Жак Руссо не оставляет женщинам места в научной среде «Исследование отвлеченных и умозрительных истин, познание законов, научных аксиом и всякого рода обобщения не под силу женщине; ей следует приобретать знания лишь практического свойства» [9, с. 587].

Вместе с тем следует указать, что уже в своем произведении просветителю приходится отвечать в том числе и на критику его идей со стороны самих женщин [9, с. 554].

Более того, спустя некоторое время идеи, которые высказал в своем произведении Руссо подверглись яркой критике и со стороны феминистки Мэри Уолстонкрафт в ее знаменитом трактате «В защиту прав женщины» [10, с. 9 – 18].

Это вполне закономерный итог, поскольку как уже говорилось выше – индивидуализм наступал и женщины также начинали испытывать потребность в самореализации наравне с мужчиной. По этой причине традиционалистские взгляды Руссо были обречены встретить серьезную критику.

Вместе с тем не только женщины не разделяли подобных взглядов. Так с защитой женщин уже выступали многие авторитетные мыслители, среди которых можно особо отметить Кондорсе Ж.А. который требовал предоставления женщинам равных с мужчинами прав как

политических, так и иных видов, в число которых естественно входило и право на образование.

В 18 веке, в отличие от 15 мы уже можем отчетливо проследить и зарождающееся социальное движение, отстаивающее права женщин, по крайней мере на территории Франции. Этому процессу, несомненно, с одной стороны способствовало развитие капитализма, а с другой – развитие политического кризиса во стране, который в конечном итоге, стал в том числе и причиной уничтожения женских клубов и обществ, пытавшихся добиться равных с мужчинами гражданских прав.

Однако дальнейшее развитие общества объективно требовало пересмотра моделей поведения индивидов и их прав. Женский вопрос, подобно вопросу о рабстве в условиях 19 – 20 века и тем более в условиях общества развитых стран не был и не мог быть исключением, а являлся назревшей проблемой. Само общество уже старательно создавало нормативные факты нового поколения, которые часто декларировали равенство прав индивидов, хотя на практике их положения зачастую не распространялись на женщин.

Именно такое положение дел приводит к активному развитию феминизма именно как социального движения. Этапы его развития сегодня принято называть «волнами», что весьма символично иллюстрирует последовательность развития требований активистов и теории, которой они руководствуются.

Кратко следует обозначить основные требования их представителей относительно этапа развития движения. Период: середина 19 – начало 20 века – «первая волна феминизма». Основное требование – устранение дискриминации на юридическом уровне.

Период: 60е – 90е гг. 20 века – «вторая волна феминизма». Основное требование – устранение дискриминации не только на уровне законодательства, но и во всех иных сферах общественных отношений, на различных уровнях правопорядка. Причем, следует отметить, что с данной целью теоретиками вводится понятие «гендер», под чем понимается совокупность социокультурных норм, предписываемых индивидам в зависимости от их пола.

Период 90е гг. 20 века – настоящее время – «третья волна феминизма». В отличие от двух предыдущих – резких отличий не имеет. Однако активисты, взяв на вооружение наработки многих теоретиков продолжают борьбу за равные права и возможности во всех сферах общественной жизни.

Так, сегодня множество государств Европы ставят перед собой задачу устранения дискриминации в обществе в какой-либо форме и при этом особое внимание в

таких странах уделяется гендерной дискриминации.

Наибольших успехов в этом направлении достигли страны северной Европы: Швеция, Норвегия, Финляндия, Исландия, Дания.

Рассмотрим реализацию идей равноправия на примере современного Шведского государства.

Во многом успех касательно вопроса равенства прав мужчин и женщин в Швеции обусловлен тем, что еще до второй мировой войны в государстве был взят курс на построение социального государства. Так еще в конце 20 двадцатых годов Пер Альбин Ханссон – лидер социал-демократов высказал идею о построении «Дома для народа» – государства всеобщего благосостояния [11, р. 67].

Социальное государство предполагает обеспечение граждан большим количеством социальных прав, гарантом которых выступает государство. При этом отличительной чертой рассматриваемого нами государства выступает жесткая институционализация принципа равных прав и возможностей, в том числе и относительно гендера.

Так, даже конституция Швеции содержит ряд положений, направленных против гендерной дискриминации. Например, статья 13 главы 2 Шведской конституции содержит следующие строки: «Ни один закон или иное предписание не может предполагать неблагоприятное отношение к кому-либо по признаку гендера, если только это не является частью усилий по поощрению равенства между мужчинами и женщинами или не связано с обязательной военной службой и другими эквивалентными должностными обязанностями» [12, р. 69].

Разумеется, что своим успехом в вопросе равноправия страна обязана не декларациям на уровне основного закона – ранее мы уже обозначили, что декларирование равенства отнюдь означает его реализации на практике.

Таким образом, следует отметить ряд мер, которые принимает Шведское правительство для обеспечения гендерного равенства.

Во-первых, следует отметить, что в данном государстве действует специальное антидискриминационное законодательство, которое направлено на борьбу с дискриминацией в какой-либо форме. При этом особое внимание государство уделяет борьбе с так называемой «множественной дискриминацией» – дискриминацией, вызванной несколькими факторами [13, р. 4].

Во-вторых отдельно следует указать, что в Швеции существует институт Уполномоченного по вопросам

равенства, а кроме того, имеются и территориальные должностные лица, ведающие вопросом равноправия.

В-третьих, в Швеции реализуется именно политическая программа, направленная на борьбу с гендерной дискриминацией [13, р. 9].

В рамках реализации такой программы правительство Швеции поставило несколько основополагающих целей, так правительство особое внимание уделяет равному распределению полномочий и влияния между представителями различной гендерной принадлежности их экономическому равенству, равному распределению неоплачиваемого домашнего труда, и насилию в отношении женщин [ibid].

Для достижения поставленных целей, помимо реализации положений Шведского законодательства, активной пропаганды соответствующих ценностей, правительство данного государства выделяет гранты на проекты различных общественных организаций, занимающихся борьбой с дискриминацией, развитием женского движения.

На сегодняшний день в государственном секторе Швеции представительство женщин и мужчин является примерно равным 46% против 54% соответственно. Во многом такое соотношение было достигнуто за счет применения гендерных квот, носящих в стране рекомендательный характер.

При этом, по мнению Шведских властей, прогресс касательно перераспределения власти и влияния в частном секторе является явно недостаточным, особенно когда речь заходит о руководстве компаний. В 2014 году даже рассматривался вопрос о введении механизма гендерного квотирования в частном секторе [ibid]. От которого, однако позднее отказались.

Вопрос распределения домашних обязанностей страна планирует решать главным образом за счет большого количества социальных льгот.

Вопрос насилия в отношении женщин так же решается системно и предполагает взаимодействие государственных служб и множества специализированных организаций, предоставляющих помощь жертвам насилия.

Вместе с тем следует отметить неоднозначные изменения в уголовном законодательстве Швеции, которое теперь знает такое преступление как «Изнасилование по неосторожности». Такие изменения во многом обязаны феминистическим движениям Швеции и уже встретили серьезную критику.

Рассмотрение политики гендерного равенства в

Швеции поднимает ряд важных вопросов. Один из них заключается в том – насколько далеко может зайти современное демократическое государство, в целях реализации, определенных социально–политических ценностей, в данном случае – гендерного равенства. Вопрос представляется особенно актуальным, когда речь заходит о гендерных квотах в частном секторе. Введение подобных квот можно рассматривать как нарушение принципа недопустимости произвольного вмешательства государства в частные дела, а это – важнейший принцип Российского частного права.

Заключение

Таким образом вопрос о правах женщин имеет достаточно долгую историю. На протяжении столетий общественное сознание приписывало им большое количество различных негативных качеств, чему естественно корреспондировало и ограничение в

правах. Разумеется, что еще с античности мы можем наблюдать развитие альтернативных взглядов на общественное устройство, которые не вели к дискриминации женских прав, однако общество не было готово воспринять их. Развитие идей естественного права, капиталистических отношений и другие факторы сделали возможным претворение идей равноправия в реальности, поскольку сам общественный прогресс требовал изменения моделей поведения индивидов и наделения их нормальной правоспособностью. Сегодня идеи феминизма нашли свое выражение в политике множества развитых государств, гуманитарной науке и философии. Однако вместе с тем актуальность существования таких движений сегодня можно и нужно ставить под вопрос, ведь если равенство прав, да и возможностей в развитых странах фактически достигнуто – что кроме политического фарса может предложить современный феминизм?

ЛИТЕРАТУРА

1. Политика / Аристотель; [перевод с др.- греч. С.М. Роговина]. – М.: РИПОЛ классик, 2010. – 592 с.
2. Платон; соч. [в 4 т.]. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Loseva и В.Ф. Asmusa; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 752 с.
3. Памятники римского права: Законы XII таблиц, Институции Гая, Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало, 1997. – 608 с.
4. Блаженный Августин. Исповедь / Перевод М.Е. Сергеевко. Отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб., Наука, 2013. – 373 с.
5. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть 1. [в 3 т.]. Т. 3. / Перевод. ред. С.И. Еремеева. Киев., Ника-центр, 2005. – 575 с.
6. Хейзинга Й. Осень средневековья / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Комментарий, указатели Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 768 с.
7. Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV – XV веков / Составитель и ответственный редактор Ю.Л. Бессмертный. – М.: Наука, 1991. – 319 с.
8. Брайсон В. Политическая теория феминизма. Пер. с англ. О. Липовской. и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001. – 304 с.
9. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Избранные сочинения: в 3 т. – М., 1961. – Т.1. Книга V. София, или женщина. – 852 с.
10. Уоллстонкрафт М. В защиту прав женщин / М. Уоллстонкрафт // Феминизм общественной мысли и литературе. – М.: Грифон, 2006. – 400 с.
11. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1990. 248 p.
13. The Constitution of Sweden. Stockholm: The Riksdag Administration, Department for Parliamentary Documents, 2016. 220 p.
14. National report submitted in accordance with paragraph 5 of the annex to Human Rights Council resolution 16/21 – Sweden. A/HRC/WG.6/21/SWE/1 URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G14/219/73/PDF/G1421973.pdf?OpenElement> (date of request: 12.03.21).

© Фатехов Александр Камилевич (alexander52lex@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Artyukhova T.** – candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)
- Benkova O.** – candidate of psychological sciences, Associate Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)
- Buzykina Yu.** – Ph. D. in psychology, associate Professor of the Department of Applied psychology, Penza state University
- Demin I.** – Senior Lecturer, Kursk State University
- Enikeev A.** – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar)
- Fatekhov A.** – Saratov State Law Academy
- Fomina A.** – State University of Humanities and Technology
- Gamirullina A.** – Russian University of Transport
- Guliev F.** – PhD in Philosophical Sciences, Azerbaijan High Military School named after Heydar Aliyev (Baku)
- Ilgova D.** – PhD student, Russian State University for Humanities, Moscow,
- Izmailova Dzh.** – Senior lecturer, SO HPE «Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky»
- Izotova I.** – Postgraduate Student, Pacific State University
- Kocharsky L.** – graduate student of Sochi state University; Junior Researcher, Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
- Kurbatskaya T.** – Candidate of Sciences in Psychology, Associate Professor, Witte Moscow University; Associate Professor, Russian University of Transport
- Kurbatsky N.** – Witte Moscow University

Our authors

- Latysheva N.** – cand. Philosophy, Associate Professor, Russian University of Transport (MIIT-ROAT)
- Masalova O.** – Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University
- Mazurova N.** – Doctor of science, Professor, Russian State Humanitarian University
- Modina E.** – Teacher, Ogarev Mordovian State University, Saransk
- Openkov M.** – Doctor of Philosophy, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk
- Rotkin N.** – Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
- Sabirova E.** – teacher, Institute of Secondary Professional Education named after K.D. Ushinsky, Moscow
- Shelkunova T.** – senior lecturer, Lesosibirsk Pedagogical Institute-branch Siberian Federal University (Lesosibirsk)
- Skopa V.** – Doctor of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)
- Tetenkov N.** – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk
- Tishina L.** – candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow State Psychological and Pedagogical University
- Volkova N.** – postgraduate student, Moscow State University named after M.V. Lomonosov
- Vysotskaya N.** – Doctor of Economics, Professor Russian University of Transport
- Zemtseva N.** – postgraduate student, Moscow State Psychological and Pedagogical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).